

Е. П. БУСЫРЕВА

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Е. П. БУСЫРЕВА

**ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

Санкт-Петербург
2017

ББК 63.3(2-2СПб)л6
П92

Редакционная коллегия:

А. Н. Колякин
С. Э. Калюжин
Е. Б. Трацевская

Вступительная статья, комментарии: И. М. Карусева

П92 Бусырева Е. П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года: публ. рукописи Е. П. Бусыревой / ГМИ СПб; вступ. ст., коммент. И. М. Карусевой. — СПб.: ГМИ СПб, 2017. — 92 с. + 16 с. вкладка

ISBN 978-5-4327-0054-4

Государственный музей истории Санкт-Петербурга публикует первый в исторической литературе обобщающий научный труд об участии гарнизона Петропавловской крепости в революционных событиях 1917 года — исследование Е. П. Бусыревой (1928–1990), написанное в 1967 году к 50-летию Октябрьской революции.

На основании широкого круга документальных источников и воспоминаний бывших солдат гарнизона автор описывает процесс перехода гарнизона Петропавловской крепости на сторону восставшего народа.

Книга предназначена для историков, краеведов и для широкого круга читателей, интересующихся историей России.

ББК 63.3(2-2СПб)л6

На обложке:
В. Г. Старов
Сигнал Петропавловки
1961
Бумага, линогравюра
Инв. № I-Б-2744-2

ISBN 978-5-4327-0054-4

© Государственный музей истории Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга является продолжением работы Государственного музея истории Санкт-Петербурга по изданию научных исследований, которые по тем или иным причинам своевременно не вышли в свет и хранятся в архиве музея.

Первым успешным опытом такой работы явилась публикация нескольких научных статей (справок) Елены Николаевны Элькин (1905–1968) в специальном выпуске «Краеведческих записок», посвященном истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы¹.

Продолжением начатой серии стало издание в 2008 году монографии старшего научного сотрудника музея Екатерины Петровны Бусыревой (1928–1990) «Лев Ильин»². Эта работа посвящена исследованию жизни и творчества Льва Александровича Ильина — одного из крупнейших русских советских архитекторов-градостроителей. К сожалению, Е. П. Бусырева ушла из жизни, так и не дождавшись выхода в свет книги, над которой трудилась более восемнадцати лет.

Выпускница искусствоведческого отделения исторического факультета Ленинградского государственного университета, Е. П. Бусырева пришла на работу в Музей истории Ленинграда в 1954 году. К истории советской архитектуры она обратилась не сразу. Ее первое научное исследование в музее было посвящено участию в революционных событиях октября 1917 года роты самокатчиков, расквартированных в Петропавловской крепости.

Эта тема получила свое развитие в начале 1960-х годов, когда в преддверии празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции Е. П. Бусыревой поручили изучить вопрос об участии гарнизона Петропавловской крепости в революции 1917 года.

На протяжении нескольких лет Екатерина Петровна вела кропотливую работу по выявлению и изучению документов в ведущих архивах и библиотеках Ленинграда и Москвы. Одновременно велся поиск бывших солдат и офицеров, служивших в частях гарнизона крепости в 1917 году. Были найдены двадцать два человека, и восемнадцать из них прислали свои воспоминания, которые позволили показать исторические события глазами их участников. Эти материалы представляют особую ценность проведенной работы.

К 1967 году Е. П. Бусырева подготовила пять научно-исторических справок, в которых последовательно месяц за месяцем прослеживается жизнь военного гарнизона крепости на протяжении всего 1917 года. Наиболее подробно было исследовано участие гарнизона в событиях Февральской и Октябрьской революций.

В целом эти справки, насыщенные обширным конкретно-историческим материалом, составили монографическое исследование и легли в основу публикуемой книги.

¹ Краеведческие записки. Исследования и материалы. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. СПб.: ГМИ СПб, 2004.

² Бусырева Е. П. Лев Ильин. СПб.: ГМИ СПб, 2008. В этой работе изложена подробная биография Е. П. Бусыревой.

Текст публикуется в том виде, в каком его завершил автор к 1967 году. Многие архивные документы, опубликованные позднее, в то время еще не были введены в научный оборот и поэтому не использовались Е. П. Бусыревой в данной работе. Сохранена авторская стилистика изложения, за исключением редких случаев незначительной правки. Изменения, касающиеся устранения опечаток, орфографических и синтаксических ошибок, не оговариваются.

Авторские примечания приводятся в виде постраничных ссылок, отмеченных в тексте цифрой (в них сохранено современное периоду создания работы название архивов и музея — ГМИЛ).

Издание содержит именной указатель.

Этой публикацией музей воздает дань памяти одного из своих самых заслуженных и преданных сотрудников. В научный оборот вводятся ценнейшие материалы, связанные с историей Петропавловской крепости. Несмотря на то, что рукопись была подготовлена много лет назад, она и сегодня не потеряла своей актуальности.

Нам представляется символичным, что труд Екатерины Петровны Бусыревой, подготовленный к 50-летию Октябрьской революции 1917 года увидит свет к 100-летию юбилею этого исторического события, изменившего ход истории России XX века.

И. М. Карусева

ГЛАВА 1

ХАРАКТЕРИСТИКА ГАРНИЗОНА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ: СТРУКТУРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, ВООРУЖЕНИЕ, КЛАССОВЫЙ СОСТАВ

В системе частей Петроградского военного округа, расположенных в самом Петрограде, Петропавловская крепость была единственным соединением, укомплектованным частями войск разного назначения: артиллерийскими, стрелковыми, конвойными и т. д. Хотя все они были подчинены единому высшему начальнику — коменданту крепости, но размещались в разных помещениях не только на территории самой крепости, но и за ее пределами. Упоминания об отдельных подразделениях, входивших в состав гарнизона крепости, можно найти в различных воспоминаниях и исследованиях, посвященных истории Октябрьского вооруженного восстания¹. Но все это — отрывочные данные, которые не могут дать четкого представления (а иногда дают просто неверные и ошибочные сведения) о структуре гарнизона. Более полно говорит об этом в своих воспоминаниях комиссар ВРК в крепости Г. И. Благонравов². Однако и в его рассказе есть неточности и ошибки. Прежде всего, сильно завышена численность гарнизона крепости; кроме того, неверно охарактеризованы обязанности отдельных частей гарнизона, например, местной команды.

Точную характеристику структуры и численности гарнизона дают нам только документальные данные. Единого фонда Управления коменданта Петроградской (Петропавловской) крепости за 1917 год не сохранилось, поэтому изложенная ниже картина состояния гарнизона крепости в 1917 году является выводом из изучения и сопоставления материалов разных архивов: Центрального военно-исторического архива, Центрального партийного архива при ИМЛ, Центрального исторического архива и Государственного исторического архива Ленинградской области. В этих хранилищах в разных фондах были обнаружены как данные о частях, составлявших гарнизон крепости, так и данные о политической работе в нем (к сожалению, материалов подобного характера выявлено гораздо меньше).

Одновременно с работой в архивах по мере выяснения структуры гарнизона велся поиск живых участников событий 1917 года — солдат и офицеров, служивших в частях гарнизона крепости. В настоящее время музей располагает данными о 18 солдатах разных частей крепостного гарнизона. Найдены представители почти всех подразделений гарнизона (за исключением наблюдательной команды). От всех получены воспоминания, фотографии, иногда — документы. Собранный материал дает много дополнительных сведений о частях гарнизона крепости, о политической работе в нем. Особенно много интересных сведений дают воспоминания об условиях службы и жизни солдат, об их взаимоотношениях с офицерами, о классовом составе частей. Чрезвычайно интересен и жизненный путь каждого из них — ведь

воспоминания были написаны почти 50 лет спустя. В 1917 году все авторы воспоминаний были рядовыми солдатами, недостаточно грамотными и в общеобразовательном, и в политическом отношении. Именно в гарнизоне крепости, здесь, в революционном Питере, они получили свое первое политическое крещение, которое дало направление всей их дальнейшей жизни. Не случайно, что все они, попав после Октября к себе на родину, помогали установлению Советской власти, участвовали в работе первых Совдепов, сражались на фронтах Гражданской войны, а затем строили новое, социалистическое общество. И теперь многие из них — пенсионеры местного или республиканского значения. Ряд важных сведений, приводимых в характеристике гарнизона крепости, почерпнут из их воспоминаний, собранных на протяжении последних четырех-пяти лет и хранящихся ныне в архиве Государственного музея истории Ленинграда вместе с присланными нам фотографиями и документами.

Структурно гарнизон крепости состоял из частей, непосредственно и постоянно входивших в его состав: роты и команды артиллерийского и хозяйственного назначения, а также из частей, прикомандированных к Петропавловской крепости из других полков для несения караульной службы. Эти части имели казармы на территории крепости и по всем вопросам караульной службы подчинялись ее коменданту. Что же касается вопросов политической жизни и общих распоряжений по полкам, то части, расположенные в крепости, имели постоянную связь со своим основным полком и подчинялись его командиру. Собственно гарнизон крепости к началу 1917 года состоял из следующих частей и отделов:

1. Управление и канцелярия коменданта крепости. Помещались в Комендантском и плац-майорском домах крепости³. Функции ясны. В состав управления, включая коменданта, входило 7 офицеров, 2 врача и 24 солдата⁴. В описываемый период комендантом крепости был генерал-майор В. Н. Никитин.

2. Крепостное инженерное управление. Находилось в Инженерном доме крепости⁵, следило за состоянием крепостных инженерных сооружений, их своевременным ремонтом. В состав управления входило 4 офицера, 2 инженерных чиновника, 16 нижних чинов — чертежников, писарей, инженерных надзирателей⁶.

3. Петроградская крепостная артиллерия.

В ее состав входили:

а) Управление Петроградской крепостной артиллерии;

б) Отдельная рота Петроградской крепостной артиллерии;

в) Батальон для воздушной обороны Петроградского района с прожекторной, пулеметной и автомобильной командами.

4. Петроградский артиллерийский склад (далее — Петроартсклад. — *Е. Б.*) с его командой и отделением у станции Рыбацкой на Северной железной дороге⁷.

5. Петроградская местная команда.

6. Наблюдательная команда⁸.

Кроме того, на территории крепости размещалась часть запасного батальона (впоследствии переформированного в резервный полк) лейб-гвардии 3-го стрелкового полка⁹.

а) Управление Петроградской крепостной артиллерии, прожекторная и автомобильная команда батальона находились вне крепости. Управление занимало несколько помещений в доме № 14 по М. Дворянской ул. (ныне ул. Мичурина)¹⁰, там же были и гаражи для машин. Так как гаражей не хватало, в конце июня 1917 года для автомобильного хозяйства батальона были отведены новые помещения на Боровой ул., в доме № 53¹¹.

В Управление крепостной артиллерии входило 7–10 офицеров, 1 чиновник и 9 нижних чинов (писари, счетчики, надзиратели)¹².

Канцелярия прожекторной команды крепостной артиллерии находилась до конца апреля 1917 года на Коломенской ул., в доме № 10 (это была квартира офицера, начальника команды)¹³. После Февральской революции начальник команды был смещен, и канцелярия, которой была придана конюшня из двух лошадей, переехала в дом № 53 по Боровой ул.¹⁴.

Структуру прожекторной команды установить не удалось. Судя по отдельным документам, попадавшимися в делах Петроградского военного округа, команда имела так же, как и батальон, несколько постов в разных концах города, например прожекторный пост при Фарфоровом заводе, посты при лесопильном заводе Семенова в Старой деревне и на Гаванской улице¹⁵.

Общая численность солдат и офицеров в команде составляла 97 человек, прожекторов было 10¹⁶.

Структура и расположение пулеметной команды батальона неизвестны. Есть только данные о количестве пулеметов — 12 (без указания системы), и о числе людей — 73 человека (солдат и офицеров)¹⁷.

б) Отдельная рота крепостной артиллерии существовала задолго до создания батальона. Она располагалась на территории крепости, казармы солдат были устроены в помещениях Екатерининской куртины¹⁸. Численность роты в 1917 году — 357 человек¹⁹, на вооружении ее состояло 23 орудия разных калибров, в том числе 11 — на валу Нарышкина бастиона²⁰. Солдаты были вооружены винтовками Бердана и японскими, со значительным запасом патронов (около 6000)²¹. В хозяйстве роты имелось 6 лошадей и столько же повозок²².

Функции солдат отдельной роты заключались в несении караульной службы на территории крепости, а также в обслуживании орудий и уходе за ними²³.

в) Батальон для обороны Петрограда от воздушных нападений был в Петроградской крепостной артиллерии новым формированием, появившимся только в годы империалистической войны²⁴. Он входил в подчинение начальника Петроградской крепости лишь формально, так как его функция — оборона города от воздушных нападений — предусматривала расстановку отдельных батарей на различных военных объектах Петрограда. Батальон состоял из четырех рот, каждая по четыре батареи, прожекторной и пулеметной команды. Из них только 8-я батарея 2-й роты

находилась на территории крепости и охраняла ее от воздушных нападений. Батарея насчитывала 104 человека²⁵ (солдаты и офицеры) и состояла из трехдюймовых пушек образца 1900 года с 300 патронами²⁶. Определить место расположения казарм солдат 8-й батареи пока не удалось, но, скорее всего, они были расквартированы вместе с солдатами отдельной роты.

4. Петроградский артиллерийский склад (Кронверкский арсенал) со своим Управлением и с обслуживавшей его командой занимал построенное специально для него здание на берегу Кронверкского протока²⁷, состоял из нескольких мастерских и был не столько хранилищем артиллерийского и стрелкового оружия, сколько большой ремонтной мастерской, осуществлявшей постоянный ремонт оружия, поступавшего с фронтов и из тыловых воинских частей²⁸. В Управление склада входило 30 офицеров и военных чиновников²⁹, находилось оно там же, где и управление Петроградской крепостной артиллерии — на Малой Дворянской улице. После Февральской революции на складе была введена должность команданта Кронверкского арсенала, им на протяжении всего 1917 года был прапорщик Филиппов, который заведовал командой склада³⁰.

Команда Петроградского артсклада насчитывала от 800 до 1000 солдат³¹, вооруженных винтовками. Казармы команды располагались в Петровской куртине³². Функции команды заключались в ремонте всего поступавшего в склад вооружения: винтовок, пушек, холодного оружия.

Насколько важны были эти функции, показывает развернувшаяся весной 1916 года переписка между мобилизационным отделом Генерального штаба и начальником Петроградского военного округа по вопросу о замене нижних чинов склада ратниками старших возрастов или нижними чинами, эвакуированными и непригодными для строя³³. Такая замена производилась в 1916 году во всех тыловых учреждениях военного ведомства с целью пополнения действующей армии свежими силами. Начальник Петроградского военного округа, ссылаясь на мнение военного министра, просит не применять таких мер к складу как учреждению, снабжающему действующую армию боевыми припасами. В этой связи начальник Петроградского артиллерийского склада представляет в Петроградский военный округ подробное описание структуры и функций различных отделов склада³⁴.

Этот очень интересный документ позволяет детально охарактеризовать деятельность артиллерийского склада в интересующий нас период.

На склад ежедневно поступало вооружение, требовавшее ремонта. Отремонтированное силами солдат команды склада оружие по нарядам Генерального штаба развозилось по действующим и резервным частям армии. Такие эшелоны отправлялись со склада также ежедневно в сопровождении солдат команды склада, так называемых транспортных конвоиров. В среднем в развозке оружия по частям Петроградского военного округа (то есть по городу Петрограду) было занято из команды склада 75–125 человек, в развозке оружия в другие города — 100–135 человек³⁵. Транспортный конвоир целиком отвечал за сохранность перевозимого

оружия, правильность его вручения и своевременную доставку. Все это определяло развитость и сознательность большей части солдат команды склада.

Кроме солдат, на складе работали вольнонаемные рабочие, которые были привлечены в годы Первой мировой войны, когда объем работы сильно возрос³⁶. В 1917 году число вольнонаемных рабочих на складе достигало 700 человек³⁷.

5. Петроградская местная команда. Это была небольшая часть численностью в одну роту — 295 солдат и 2 офицера³⁸. Казармы солдат располагались в помещениях Никольской куртины³⁹, вооружены они были винтовками Бердана, в значительной части бракованными⁴⁰.

Функции команды состояли в охране Петропавловского собора и Усыпальницы Российского императорского дома⁴¹, как официально именовалась Великокняжеская усыпальница. Кроме того, чины команды несли караульную службу у Петровских ворот крепости, назначались в противопожарную охрану крепости, посыльными, вестовыми и телеграфистами (телеграф находился в Комендантском доме)⁴².

6. Наблюдательная команда — последнее подразделение, входившее в состав собственно гарнизона крепости. Она была особо привилегированной частью, так как ее функции состояли в охране тюрьмы Трубецкого бастиона⁴³. Привилегии заключались прежде всего в непомерно высоком для солдат царской армии жалованье: унтер-офицеры сверхсрочной службы, из которых состояла команда, помимо ежедневного довольствия, получали ежемесячное содержание в 62 рубля⁴⁴. Кроме того, все они были семейными, и семьям было разрешено проживать тут же, в крепости. Команда была малочисленной и располагалась в Васильевской куртине⁴⁵. До Февральской революции она состояла из 12 унтер-офицеров сверхсрочной службы и 12 жандармских унтер-офицеров Департамента полиции. В дни Февральской революции, в связи с расформированием жандармского корпуса, они были арестованы и заменены 24 солдатами, набранными по тщательному отбору из различных частей гарнизона Петроградского военного округа. Таким образом, после Февральской революции команда составляла 36 человек⁴⁶. Чины команды были вооружены укороченными артиллерийскими шашками, поступившими еще в 1882 году с Петроградского окружного артиллерийского склада. Офицер команды имел саблю и трехлинейный револьвер солдатского образца.

7. Эшелон запасного батальона гвардии 3-го стрелкового полка.

Кроме этих воинских соединений в Петроградской крепости были расквартированы 1-я рота, учебная команда и рота особого назначения запасного батальона лейб-гвардии 3-го стрелкового полка⁴⁷.

Основные казармы полка находились на Вознесенском пр. и в Царском селе. Часть, находившаяся на территории крепости, называлась эшелоном и непосредственно подчинялась командиру своего батальона (полка). Но по вопросам несения охраны и караульной службы стрелки подчинялись также и коменданту крепости. Размещение стрелкового полка в крепости не было временным или случайным

явлением. Полк находился здесь постоянно и нес функции охраны крепости и оружейного склада.

Численность запасного батальона определяется следующими документами:

1. Ведомость о состоянии зимних помещений на зиму 1916/17 года запасного батальона Л. гв. 3-го стрелкового полка от 16 июля 1916 года, представленная командиром батальона начальнику гвардейских запасных частей⁴⁸. В этой ведомости значится: «Казармы в Петроградской крепости — нижних чинов — 2038. Помещения, отведенные в Петроградской крепости — нижних чинов — 440». Можно было бы считать этот документ окончательным, если бы в нем не фигурировало упоминание «о помещениях, отведенных городом в Народном доме имп. Николая II». Согласно ведомости, на зиму 1916/17 года в этих помещениях должно было быть размещено 1800 стрелков. Однако по другим документам известно, что намерение перевести весь стрелковый полк в Петроград не было осуществлено, и 3-я и 4-я роты полка так и остались зимой 1916/17 года в Царском Селе⁴⁹. Это значит, что данному документу полностью довериться нельзя, так как жизнь полка протекала не совсем по намеченному плану. Поэтому приходится обратиться к более позднему документу.

2. Это сведения о караулах, занимаемых полком на начало июля 1917 года⁵⁰. Наряду с указанием числа занятых в караулах солдат и офицеров мы находим здесь сведения об общей численности эшелона в Петроградской крепости: «Число офицеров и солдат, находящихся в эшелоне: офицеров — 27, солдат — 1718». К этому надо прибавить одного офицера и 90 стрелков, выделяемых в караул. Итого получаем 1835 солдат и офицеров в эшелоне Петроградской крепости.

Учитывая постоянные отправки маршевых рот из всех рот полка на фронт в течение всего 1917 года, текучесть солдат, о которой говорилось выше, и недостаточность новых пополнений, можно считать, что к началу 1917 года в эшелоне запасного батальона гвардии 3-го стрелкового полка, находящемся в Петроградской крепости, состояло около 2000 солдат и офицеров.

Суммируя все полученные данные с учетом численности офицеров в Управлении коменданта, крепостном Инженерном управлении, Управлении Петроградской крепостной артиллерии и Петроградского артиллерийского склада, получаем примерную численность гарнизона Петроградской крепости к началу 1917 года: около 4700 человек.

Если же учесть, что батальон Петроградской крепостной артиллерии для воздушной обороны Петроградского района входил в состав гарнизона крепости только юридически, то получается, что непосредственно за стенами Петропавловской крепости находилось более 3,5 тыс. человек.

К этому можно прибавить 1300 рабочих Монетного двора⁵¹.

Вооружение гарнизона было следующим:

1. Батальон для воздушной обороны Петроградского района Петроградской крепостной артиллерии

Пушек скорострельных трехдюймовых образца 1900 года на установках генерала Розенберга	—	57
Пушек зенитных	—	4
Патронов к ним	—	5951
Пулеметов	—	12
Патронов к ним	—	189 000
Винтовок японских, Бердана и карабинов	—	845
Патронов к ним	—	12 895 ⁵² .

Из всего этого числа на территории Петропавловской крепости находилось три пушки (образца 1900 года) и 300 патронов к ним⁵³.

2. Отдельная рота Петроградской крепостной артиллерии

Пушек конных трехдюймовых образца 1877 года	—	6
Пушек скорострельных трехдюймовых образца 1902 года	—	2
Пушек на осадных лафетах шестидюймовых в 120 пудов	—	2
Пушек на береговых лафетах шестидюймовых в 190 пудов	—	2
Пушек 24-фунтовых медных	—	11 ⁵⁴
Винтовок японских и Бердана	—	206
Патронов к ним	—	45 828
		2100 японских ⁵⁵

3. Команда Петроградского артиллерийского склада

Документальных данных о характере вооружения солдат команды обнаружено мало. Можно предположить, что пушек на вооружении команды склада не было, так как склад охраняла 8-я батарея батальона Петроградской крепостной артиллерии для воздушной обороны Петроградского района⁵⁶. Это же подтверждается и донесением М. К. Тер-Арутюнянца в Военную организацию большевиков: «Орудия — только на крепости»⁵⁷. Солдаты команды были вооружены, вероятно, теми же винтовками, что и другие роты и команды крепости. Число их указывает в своем донесении тот же Тер-Арутюнянц: «Винтовок — 400». Хранились они в цейхгаузе, который располагался в помещении казарм команды в Петровской куртине (об этом упоминает в своих воспоминаниях один из бывших солдат команды склада И. И. Орехов⁵⁸).

4. Петроградская местная команда

Солдаты местной команды были вооружены винтовками Бердана в количестве 291 штуки⁵⁹.

Причем в регистрационном листе этой части, составленном, как уже указывалось, в начале марта 1917 года, отмечено: «Вооружение — берданки (значительная часть — брак).

5. Наблюдательная команда

О характере ее вооружения никаких данных не имеется.

6. Эшелон запасного батальона гвардии 3-го стрелкового полка

Непосредственных данных о вооружении эшелона, расположенного в Петропавловской крепости, нет. Но сопоставляя имеющиеся документы о вооружении всего полка в целом, можно сделать вывод и о характере вооружения стрелков, расквартированных в крепости.

Седьмого марта 1917 года по запросу отдела нарядов ПВО полк представил сведения о численном составе солдат полка и его вооружении (винтовками)⁶⁰. Из этого документа явствует, что на 5604 солдата полка в его ротах и учебной команде имелось 2915 винтовок и в неприкосновенном запасе 1579 винтовок без патронов. Из этих винтовок 694 были на вооружении эшелона, расположенного в Царском Селе (по регистрационному листу), заполненному этим эшелоном 5 марта 1917 года⁶¹. Эта цифра еще меньше — 600 винтовок. Исходя из того, что полк был расквартирован тремя эшелонами, а в наличии (без неприкосновенного запаса) было около 1600 винтовок, можно предположить, что на вооружении крепостного эшелона полка также находилось 500–600 винтовок. Система винтовок ни в одном из упомянутых документов не называется.

Из приведенных цифр вооружения гарнизона крепости неточными нужно считать число патронов к пушкам и винтовкам, так как данные взяты в основном из донесений комиссаров ВРК, составленных в октябре–декабре 1917 года. Конечно, запас патронов на год мог сильно измениться. Но общее число артиллерийского вооружения крепости и его характер, вероятно, неизвестны. Во всяком случае, никаких данных о поступлении в течение 1917 года в гарнизон крепости новых пушек или пулеметов, равно как и о вывозе тех, которые имелись на вооружении частей крепости (а не находились на артскладе), обнаружено не было.

Число винтовок могло измениться, но незначительно. В основном, эти цифры взяты из документов начала 1917 года; к более позднему периоду относится лишь цифра винтовок в команде Петроартсклада.

Впрочем, несмотря на все эти оговорки, приведенные данные дают убедительное впечатление о численности и характере вооружения гарнизона крепости в начале 1917 года.

Нельзя сказать, что вооружение гарнизона было блестящим: почти четырехтысячная масса солдат имела в распоряжении не более полутора тыс. винтовок различных систем, в основном берданок, часть из которых, к тому же были бракованными. Пулеметов на вооружении гарнизона не было совсем, если не считать пулеметную команду батальона Петроградской крепостной артиллерии для воздушной обороны Петрограда и окрестностей, расположение которого неизвестно. Правда, на территории крепости были расположены 24 орудия, приданных отдельной роте Петроградской крепостной артиллерии и 8-й батарее батальона для воздушной обороны. Но и эти орудия были устаревших систем и не все с боевым комплектом.

Необходимо оговориться, что таков был характер вооружения всех тыловых запасных воинских частей Петрограда. Это позволяют утверждать регистрационные листы Временного правительства, просмотренные мною в ЦГВИА. Далеко не у всех

воинских частей (особенно пехотных и стрелковых) были на вооружении и орудия, хотя бы и устаревшие. Поэтому можно сказать, что на фоне гарнизона Петрограда Петропавловская крепость имела некоторые преимущества в отношении вооружения: довольно большое число орудий, часть из которых была установлена на крепостных стенах (сколько именно, выяснить пока не удалось).

Классовый состав гарнизона Петроградской крепости

Выяснение классового состава частей гарнизона Петропавловской крепости чрезвычайно важно для последующей политической характеристики рот и команд и для определения причин и большей или меньшей революционной активности в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

В архивах обнаружены интересные документы и воспоминания, позволяющие выяснить причины большей революционизации солдат Петроартсклада и дать характеристику истоков политической инертности Петроградской местной команды. Найдены документы, обрисовывающие классовый состав и положение солдат запасного батальона гвардии 3-го стрелкового полка. Они дают возможность объяснить причины довольно легкой политической возбудимости стрелков.

Рассмотрим этот вопрос по отношению к каждой части гарнизона отдельно.

1. Команда Петроградского артиллерийского склада

Как мы уже выяснили, эта часть была самым многочисленным из соединений гарнизона крепости, расположенных на ее территории. Специфика структуры склада, являющегося фактически артиллерийской и оружейной мастерской, определяла и особые требования к солдатам, набравшимся в состав команды склада. Так как они были заняты на производстве технических ремонтных работ, то и пополнение поступало, в основном, из рабочих металлистов. Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях бывший солдат команды склада И. И. Орехов: «Артиллерийский склад состоял из трех отделов: артиллерийский отдел, артиллерийская мастерская и оружейный отдел, поэтому состав солдат артиллерийского склада комплектовался более из бывших рабочих...»⁶².

Для примера можно привести биографические данные некоторых наиболее активных солдат команды: И. В. Павлов — в прошлом рабочий Бакинских нефтяных промыслов⁶³, И. И. Орехов — рабочий Тульского оружейного завода⁶⁴, Г. Коротков — тоже рабочий-оружейник из Тулы, В. П. Кутузов (Петров) — рабочий металлист из Петрограда⁶⁵.

Кроме того, на революционизацию солдат команды влияло и то, что среди них были специалисты — оружейники и металлисты, призванные из запаса в связи с расширением работ на складе в годы войны. Это были уже люди средних лет, многие из которых знали революцию 1905 года. Орехов в своих воспоминаниях прямо указывает на этот факт: «...в артиллерийский склад солдаты комплектовались более из квалифицированных рабочих, которые многие знали революцию 1905 года». Одним из таких солдат был Борис Голубев, в 1905 году служивший в минном отряде в Кронштадте и за участие в революции высланный тогда же на Кавказ⁶⁶.

Не удивительно поэтому, что после Февральской революции Голубев становится руководителем большевистской ячейки солдат команды Петроартсклада.

Немалую роль в революционизации солдат команды склада сыграло и то, что им приходилось работать несколько лет бок о бок с вольнонаемными рабочими-металлистами. К тому, что говорилось выше о структуре склада, вынужденного приглашать на постоянную работу в годы империалистической войны рабочих, нужно добавить и следующий немаловажный факт. В годы войны Петроартсклад был превращен в базу, которая принимала и распределяла согласно нарядам Главного артиллерийского управления солдат, прибывавших с фронтов по запросам технических артиллерийских заведений военного ведомства. Это были высококвалифицированные рабочие, мобилизованные на фронт и отзывающиеся обратно в связи с нехваткой специалистов на военных заводах. Петропавловская крепость служила перевалочной базой, куда они прибывали и где размещались на недолгое время до определения на затребовавшее их предприятие⁶⁷. Иногда это размещение проводилось так спешно, что ГАУ не успевало вовремя уведомить Коменданта Петроградской крепости, о чем свидетельствует следующее письмо:

«Коменданту Петроградской крепости.

Прибывающие с фронта нижние чины — квалифицированные рабочие в мое распоряжение, для назначения в технические артиллерийские заведения на усиление рабочего состава, направляются и размещаются в казармах Петроградского Артиллерийского склада по соглашению вверенного мне Управления с Окружным Артиллерийским управлением Петроградского военного округа и с начальником Петроградского Артиллерийского склада. К сожалению не было испрошено согласия Вашего Высокопр-ва (подписано начальником ГАУ)»⁶⁸.

Большую часть среди этих солдат — недавних рабочих — составляли путиловцы (рабочие Путиловского завода). Были рабочие Ижорского завода, Охтенского порохового, Трубочного, Обуховского, Патронного и ряда крупных заводов других городов — Тулы, Ижевска, Брянска, Самары, Луганска, Подольска и др.

Бывали случаи, что некоторые партии рабочих продолжали размещаться в казармах Петроартсклада и после направления на свои заводы. Это было вызвано тем, что юридически все они продолжали числиться солдатами — нижними чинами, и должны были содержаться в казарменном положении. Но не все предприятия могли предоставить помещения для казарм. В таких случаях рабочие продолжали квартировать в Петропавловской крепости. Положение их было незавидным. Вот документальное свидетельство — письмо председателя Центрального Военно-промышленного комитета от 19 июля 1916 года начальнику ГАУ⁶⁹:

«Из возвращенных три недели тому назад на завод рабочих (речь идет о Петровском трубочном заводе — *Е. Б.*), двести человек помещаются в Петропавловской крепости, где им нет никакой возможности продовольствоваться. Вместе с тем, на заводе им не выдают на руки заработной платы до окончания

взятой сдельной работы, и в то же время не отпускают также какого-либо аванса в счет этой платы. Таким образом, они, лишенные всяких средств, не имеют возможности пропитать себя, так как в обеденный перерыв за дальностью расстояния не имеют времени пройти в крепость».

Можно себе представить, каково было положение рабочих в действительности, если председатель Военно-промышленного комитета вынужден был составить подобную жалобу в Главное Артиллерийское управление.

Нет никакого сомнения, что скученность рабочих, дни, недели, а иногда и месяцы живших в одной казарме с солдатами Петроартсклада, оказывала на них сильное политическое влияние. Итак, три фактора классового характера определили революционность солдат: их происхождение преимущественно из среды квалифицированных рабочих-металлистов Петрограда и других промышленных центров, совместная работа в течение всех лет империалистической войны с вольнонаемными рабочими и постоянное пребывание в казармах Петроартсклада больших групп, прибывавших с фронта, и тоже состоявших из недавних рабочих таких складов, как Путиловский, Обуховский, Ижорский, Трубочный и др.

2. Эшелон запасного батальона гвардии 3-го стрелкового полка.

Полк формировался главным образом из крестьян. Рабочая прослойка составляла здесь меньшинство. Установить это дают возможность сохранившиеся в Военно-историческом архиве рапорты об укомплектовании новобранцев начальника Гвардейской пехотной бригады, в которую входил и 3-й стрелковый полк⁷⁰. Рассматривая данные о новобранцах срока службы 1915 года, мы получаем следующие цифры: за период с 19 февраля по 7 апреля 1915 года в запасной батальон лейб-гвардии 3-го стрелкового полка поступило 662 новобранца. Из них слесарей — 2, кузнецов — 13, специалистов прочих специальностей (кровельщиков, столяров, плотников, печников, каменщиков, штукатуров, маляров, портных, сапожников и пр.) — 276. Примерно такое же соотношение дают и рапорты за другие периоды времени. Таким образом, можно смело сказать, что полк более чем наполовину, состоял из крестьян, одетых в солдатские шинели. А среди бывших рабочих подавляющее большинство составляли представители мелкого кустарного промысла.

3. Петроградская крепостная артиллерия.

Так как батальон для воздушной обороны Петроградского района и отдельная рота Петроградской крепостной артиллерии структурно составляли одно войсковое соединение, пополнение новобранцами шло в один адрес. Таким образом, классовый состав этих двух частей был однороден.

Характеризовать его позволяют найденные в Военно-историческом архиве Ведомости распределения новобранцев по частям Петроградского военного округа⁷¹. Эти документы дают более приблизительное представление о характере поступающих в части пополнений, нежели приводившиеся выше рапорты начальника Гвардейской бригады. Однако и они позволяют сделать основной вывод о классовом

составе интересующих нас частей. Ведомости относятся к 1914–1915 годам и называют лишь губернии и уезды, поставлявшие новобранцев в части. Петроградская крепостная артиллерия получала пополнения из Псковской губернии (Псковский уезд), Архангельской губернии (Архангельский и Шенкурский уезды), Новгородской губернии (Кирилловский, Устюженский и Череповецкий уезды) и из Вологодской губернии. Все эти губернии были сугубо сельскохозяйственными, аграрными. Поэтому и состав солдат Петроградской крепостной артиллерии — бывшие крестьяне.

4. Петроградская местная команда.

Ведомости распределения новобранцев по частям Петроградского военного округа 1914–1915 годов позволяют дать характеристику классового состава и Петроградской местной команды⁷². Она формировалась из крестьян Петроградской губернии (Царскосельский уезд) и Псковской губернии (Псковский, Опочечский и Островский уезды).

Кроме того, удалось обнаружить чрезвычайно интересный документ, объясняющий особую инертность в политических вопросах солдат местной команды. Это письмо помощника коменданта Петроградской крепости, направленное в октябре 1910 года воинским начальникам уездов Псковской и Смоленской губерний, поставлявших новобранцев в местную команду. Приведем документ полностью:

«О требованиях, предъявляемых к новобранцам, поступившим в местную команду Петропавловской крепости.

Высочайшим повелением 1827 года, впоследствии неоднократно подтвержденным, определено: на укомплектование Петерб. местн. команды назначить „самых честных, трезвых, надежных и преимущественно православного вероисповедания“ новобранцев. Сообщая об обозначенном наиболее соответствующие люди, имея в виду, что на обязанности команды лежит несение службы в Усыпальнице Российского Императорского Дома и охрана весьма больших ценностей»⁷³.

Тогда же по этому поводу было принято специальное распоряжение штаба войск гвардии и Петроградского военного округа, ссылаясь на которое, помощник коменданта крепости в декабре того же года направил такое же письмо в адрес начальника Петербургской местной бригады⁷⁴. Это говорит о том, что кроме отбора новобранцев, производившегося уездными воинскими начальниками на местах, вторичный отбор производился уже в Петербурге — Петрограде начальником местной бригады. Причем, в письме на имя начальника Петербургской местной бригады ко всем перечисленным в цитированном документе требованиям прибавлены еще два немаловажных: «грамотные, развитые и по возможности хорошего поведения».

Понятно, что в среде крестьян грамотными, развитыми и, с точки зрения «властей предержащих», «честными, трезвыми, надежными и хорошего поведения» могли быть только выходцы из зажиточных крестьянских слоев, сынки кулаков и богатеев. Характерно, что пополнение местной команды осуществлялось из года в год из одних и те же губерний (главным образом Псковской) и даже уездов.

Любопытно сопоставить выводы, сделанные нами на основе обнаруженных архивных документов, с характеристикой, данной солдатам местной команды в воспоминаниях первого большевистского коменданта Петропавловской крепости Г. И. Благоднарова. Характеризуя гарнизон крепости, Благоднаров пишет: «...местная команда, состоящая из сынков питерских лавочников и буржуа, враждебно настроенная к большевикам...»⁷⁵.

Характеристика, как видим, совершенно идентичная. Расхождение только в том, что Благоднаров относит солдат команды к выходцам из городских слоев мелкой буржуазии, тогда как они составляли в составе команды меньшинство.

Конечно, в команде, состоявшей из трехсот солдат, были не только кулацкие сынки. Автору удалось разыскать одного из бывших солдат команды, Якова Артемьевича Артемьева⁷⁶. Этот крестьянин-середняк Опочецкого уезда Псковской губернии был в 1917 году революционно настроен, а после Октября 1917 года ушел добровольцем в Красную армию. В своих воспоминаниях он пишет, что многие солдаты в команде были не чужды революционных настроений и интересов. Но, если это и было, то было неустойчиво, стихийно и, во всяком случае, не являлось характерным для этой части.

5. Наблюдательная команда.

Никаких документальных данных о классовом составе солдат этой команды найдено не было. Но приводившиеся выше данные о структуре команды, включавшей в себя жандармов, ее малочисленность, непомерно высокое для солдат жалование, унтер-офицерские звания у всех членов команды, сверхсрочность службы — все это указывает на то, что отбор в эту команду был еще строже и требования к солдатам выше, чем в местной команде. По сути дела, структура Наблюдательной команды и ее функции по охране тюрьмы Трубецкого бастиона говорят о том, что ее солдаты были приравнены к жандармам. Об этом же говорит и то, что большая часть жалования солдата Наблюдательной команды — 34 рубля — выплачивалась до Февральской революции из сумм Департамента полиции⁷⁷.

Подводя итоги проведенного нами анализа, нужно сказать, что по классовому составу наиболее революционной в гарнизоне крепости должна была быть команда Петроградского артиллерийского склада. Она же была и наиболее многочисленной среди собственно гарнизона крепости. Второе место занимали роты и команды лейб-гвардии 3-го стрелкового полка. Более пассивны были солдаты отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии и совершенно нейтральны, если даже не враждебны революции, солдаты местной команды.

Такое распределение подтверждается всем ходом политической жизни гарнизона крепости в течение 1917 года. Более того, если и есть какие-либо сохранившиеся документальные данные о революционных делах и настроениях солдат гарнизона крепости в 1917 году, то они относятся главным образом к команде Петроградского артиллерийского склада и стрелкам лейб-гвардии 3-го стрелкового полка.

ГЛАВА 2

СОСТОЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ СРЕДИ СОЛДАТ ГАРНИЗОНА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ И РАБОЧИХ МОНЕТНОГО ДВОРА ПЕРЕД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Сведения, которые удалось собрать по этому вопросу, чрезвычайно скудны. Все они основываются на воспоминаниях бывших солдат гарнизона, которых сейчас удалось разыскать, — И. И. Орехова, И. С. Боданенко, П. И. Пермякова и Я. Я. Артемьева.

До Февральской революции ни в одной части гарнизона крепости не было никаких подпольных кружков или ячеек. Объяснялось это не отсутствием интереса к политическим вопросам у солдат, а теми условиями, в которых они находились. Во всех воспоминаниях бывшие солдаты говорят о неусыпном, мелочном надзоре со стороны офицеров, о строжайшей палочной дисциплине и запугивании солдат.

Вот несколько отрывков из воспоминаний бывших солдат команды Петроартсклада:

«До принятия военной присяги даже из дверей казармы на территорию крепости одного не выпускали, а на занятиях только и было внушение, что вы призваны служить царю и защищать его от врагов внешних и особенно внутренних...» (воспоминания И. И. Орехова⁷⁸).

«Эксплуатация солдат была невыносимая, в казармах внутри крепости определенные часы проходили военное дело под командованием строевого офицера, а на работе в складе были подчинены другому начальству из состава чиновников и офицеров, рабочий день был не менее 14 часов вместе со строевыми занятиями, такое зверское отношение в каждом солдате вызывало неимоверную затаенную злобу. Ввиду особого надзора за каждым солдатом со стороны офицеров и отдельных несознательных лиц младшего командного состава, солдаты держали себя конспиративно, в редких случаях обменивались мнением только с близкими товарищами, которые хорошо понимают друг друга (воспоминания И. В. Павлова⁷⁹).

«Иногда приходилось заводить разговор с вольнонаемными рабочими о политике, но они побаивались, как солдата и благодаря военной дисциплине приходилось бездельничать вплоть до 1917 года» (воспоминания И. С. Боданенко⁸⁰).

«Командир команды Петроартсклада был капитан, вел себя дерзко к солдатам, часто в одиночку и при построенной команде всех называл идиотами... Команда выполняла работы в артскладе «Кронверк» по ремонту и хранению оружия... норма — за 8 часов надо было обработать 6 штыков, если норма не выполнена, то там же в мастерской ставили провинившегося под ружье».

Не лучше было и положение солдат 3-го стрелкового полка. Вот отрывок из воспоминаний бывшего стрелка П. И. Пермякова:

«За время учебы начальство, начиная от ефрейтора — отделенного и кончая фельдфебелем, издевалось над новобранцами. Особенно горько приходилось украинцам, не знающим русский язык. На уроках словесности произношение украинцев служило поводом для насмешек и издевательств».

В 1916–1917 годах Пермяков вел дневник. В нем он описывает условия, в которых находились солдаты в летних лагерях под Красным Селом:

«15.VII.1916 г. летние лагеря под Красным селом. Кругом ограда и колючки. Какое счастье погулять за этой колючкой! Уже второй месяц сидим, как в тюрьме. Обещают отпустить после присяги, через три месяца, а пока шагай до упаду. <...> Нет сил смотреть, как издевается над новобранцем-украинцем «обучающий», заставляя его ходить «гусиным» шагом и кричать: «Я дурак, я дурак»... 16.XI.1916 г. В палатках все промокло. Выстроились на грязном поле маршевые роты... Офицеры обходят роты. Резкий щелчок по носу заставил меня пошатнуться. Из носа потекла кровь»⁸¹.

Тяжелым было и положение солдат местной команды. Особые функции этой части и строгий отбор новобранцев не исключали, а наоборот, предполагали суровое обращение с солдатами. Вот что пишет о взаимоотношениях солдат с офицерами бывший солдат этой команды Я. А. Артемьев:

«Отношение солдат к офицерам, я бы сказал, были враждебные. За исключением капитана Перегородского, ктитора собора, полковника Вережкина, начальника местной команды — штабс-капитана, который был прислан к нам после ранения, которых даже солдаты считали за своих близких. А у остальных было к солдатам зверское отношение. А что первый начальник местной команды подполковник Салло, то форменная зверюга»⁸².

Неприглядными были и бытовые условия жизни солдат в крепости. Казармы были перегружены: в помещениях страшная теснота, нары для солдат двухъярусные, проход между ними не больше метра, окна — зарешечены, как в тюрьме, освещение — керосиновыми лампами, полы холодные асфальтовые. И. И. Орехов очень образно описывает в своих воспоминаниях впечатление человека, впервые попавшего в такие условия:

«Когда нас везли в казармы, еще они более произвели удручающее впечатление... Небольшие окна в две не открывающиеся рамы, между рам из толстых железных прутьев решетка, полы залиты асфальтом и ввиду недостаточного света, казематы в осенне-зимнее время освещались почти круглосуточно керосиновыми лампами. Трудно было привыкать к такой суровой обстановке, да еще притом к палочной военной дисциплине»⁸³.

Понятно, что такие условия, с одной стороны, действительно лишали солдат возможности обмениваться мнениями, собираться, пусть даже и тайно, ибо они, в отличие от рабочих, целые сутки находились под боком у своих начальников — офицеров. Но, с другой стороны, все это, как пишет Орехов, вызывало у них всё растущую «неимоверную, затаенную злобу», недовольство, чувство протеста. Поэтому они не могли не интересоваться политическими вопросами. Но были не только робкие разговоры между самыми близкими товарищами. Среди солдат команды Петроартсклада велась и более сознательная политическая агитация, которую распространяли вольнонаемные рабочие. В годы первой империалистической войны они не только беседовали с рабочим, но стали даже проносить прокламации. «Начальство всполошилось, рабочих стали обыскивать, но прокламации продолжали поступать. Когда в июле 1914 года развернулись забастовки, рабочие в знак солидарности не выходили на работу в крепость. За это многие из них были уволены», — пишет Орехов.

Насколько трудно было пронести в склад прокламации, показывает следующая выдержка из «Инструкции по охране Петроградского артиллерийского склада от проникания в последний злоумышленных лиц»:

«6. Рабочие, прибывающие на работы как утром, так и после полуденного перерыва, выпускаются в передний двор, где группируются по отделам и отделениям. Тут же обязаны присутствовать все артельщики от работающих артелей, надзиратель от всех отделов и мастерской и дежурные. По проверке и удостоверении, что среди прибывших нет посторонних лиц, рабочим производится обыск с целью убедиться в неимении у прибывших предметов, не отвечающих надобности. По окончании обыска рабочие отводятся соответствующими надзирателями во внутренний двор и в помещения»⁸⁴.

Мало того, что рабочих обыскивали дважды в день; без военного надзирателя они и шагу не могли ступить по крепости. Маршрут их путешествий был весьма ограничен — от входа к своему рабочему месту и обратно. И, тем не менее, они вели революционную пропаганду.

У некоторых солдат устанавливались с рабочими дружеские связи, они встречались и вели беседы с ними и в нерабочей, внеказарменной обстановке. Так, например, среди вольнонаемных рабочих Петроартсклада было несколько земляков Орехова — бывших рабочих Тульского оружейного завода, в том числе П. Кушников. До вступления в склад (то есть до 1914 года) он работал на заводе «Айваз» на Выборгской стороне. Своих связей с революционными выборжцами Орехов не порывал, и, более того, по собственному признанию, он и на склад-то поступил для ведения революционной пропаганды по просьбе своего земляка. В июльские дни 1914 года Орехов несколько дней отсутствовал — участвовал в баррикадных боях. Конечно, многие дни увольнений он проводил у Кушникова, с которым вел серьезные политические беседы.

Довольно скоро Кушников — как неблагонадежный — был уволен со склада, попал на фронт. Но, когда был ранен и вернулся на излечение в Петроград, то снова стал бывать в крепости. В воскресные дни вечерами он приходил в солдатские казармы Петроартсклада и знакомил солдат с политическими событиями. Это было уже перед самой Февральской революцией.

Все это можно сказать не только о солдатах команды Петроартсклада. Даже среди пассивных в целом солдат местной команды некоторые, наиболее сознательные, проявляли интерес к политическим вопросам. Вот отрывок из воспоминаний Я. А. Артемьева:

«Что касается партийной ячейки до Февральского переворота — не было. Хотя я лично был знаком с одним большевиком, уроженцем Костромской губернии Иваном Петровичем Зузаевым. Я с ним познакомился через своего брата Ивана Артемьевича. Эти Иван Петрович и мой брат работали столярами в Технологическом институте... Я с братом ездил к нему на квартиру, где с ним приходилось беседовать по подготовке свержения царизма. Что касается вести подготовку к свержению власти среди солдат, было очень трудно...»⁸⁵.

Суммируя все эти отрывочные сведения, можно сделать вывод, что, несмотря на отсутствие организованной, планомерной агитационной работы среди солдат гарнизона крепости, у них неуклонно росло недовольство своим положением, а убеждения наиболее сознательных солдат, ближе связанных с рабочими и происходивших из рабочей среды, формировались под воздействием бесед с революционными рабочими большевистских настроений. Через солдат, работавших на других заводах, но живших в казармах крепости, а также через транспортных конвоиров Петроартсклада в крепости узнавали о настроениях и ходе событий в городе.

Таким образом, перед Февральской революцией настроение большинства солдат гарнизона было напряженное, недовольство своим положением и войной было очень сильным, как и интерес к политическим вопросам. В воспоминаниях П. И. Пермякова очень хорошо передано настроение среднестатистического солдата перед началом Февральской революции:

«В начале января из разговоров жителей города я узнал, что начались стачки на заводах. Мы не совсем понимали значение стачек, но поняли одно, что рабочие могут помочь окончанию войны. Особенно были рады молодые солдаты: „Надоела мне эта лямка солдатская...“ Дух протеста среди солдат усиливался».

Таким образом, к началу 1917 года гарнизон крепости представлял собой пороховой погреб, готовый вспыхнуть, как только к нему будет поднесена спичка.

ГЛАВА 3

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Конец 1916 – начало 1917 года. Идет третий год разрушительной, грабительской империалистической войны. Каждый день ее уносит тысячи жизней, в стране царят разруха и голод. Недовольство в народе неудержимо растет: стачки, забастовки, крестьянские волнения не прекращаются. Самодержавие судорожными попытками пытается справиться со все нарастающей революционной волной: учащаются аресты, полицейские расправы, ссылки. Основную надежду в этой борьбе царизм возлагает на мощный жандармско-полицейский аппарат и армию — главную защитницу николаевской монархии.

Все больше войсковых соединений скапливается в крупных промышленных центрах страны и, в частности, в Петрограде, столице России, политическом, стратегическом и военно-хозяйственном центре империи. К 1 февраля 1917 года гарнизон Петрограда насчитывал свыше 270 тыс. человек, а вместе с пригородами (Царским Селом, Петергофом, Ораниенбаумом, Стрельной, Красным Селом и Гатчиной) численность расквартированных здесь войск доходила до 466,8 тыс. человек⁸⁶. Именно эту мощную силу царское самодержавие и предполагало использовать в боях с надвигающейся революцией. Расквартированные в Петрограде запасные батальоны различных родов войск несли охрану районов города, границы которых были совершенно точно определены в специальном секретном документе «Районы охраны города Петрограда»⁸⁷. Среди упоминаемых в нем полков Петроградского гарнизона фигурирует и запасной батальон лейб-гвардии 3-го стрелкового полка, значительная часть которого, как мы уже установили, размещалась на территории Петроградской крепости. Солдаты и офицеры батальона должны были охранять следующую территорию: «Район действия запасного батальона: Петропавловская крепость, Каменноостровский проспект, набережная реки Карповки, Бармалеева ул., Геслеровский пр., Порховская ул., Большая Спасская ул., Гимназический переулок, через Мало-Петровский парк по набережной реки Ждановки и Тучкову мосту, набережная реки Невы до Петропавловской крепости. Стрелки охраняют Биржевой мост»⁸⁸. Кроме того, постоянные наряды батальон ежедневно выделял к таким объектам, как Государственный Совет, Губернское казначейство, дворцы великих князей Николая Николаевича и Павла Александровича, Охранное отделение, Народный дом, Гвардейское экономическое общество и военный склад на Ватном острове⁸⁹.

Точно таким же образом за всеми остальными полками Петроградского гарнизона были закреплены другие районы города и все важные политические, военные и государственные объекты. Особенно серьезные меры были приняты к усилению охраны военных складов и технических артиллерийских заведений.

До конца 1916 года внешняя охрана Кронверкского арсенала Петропавловской крепости, которую несли солдаты и офицеры команды Петроартсклада, отдельной роты крепостной артиллерии и лейб-гвардии 3-го стрелкового полка, состояла

из 5 постов часовых у всех вводов на территорию Кронверка, одного поста дневального у подъемного крана на берегу Кронверкского пролива и у решетки ограды, и двух постов часовых на берегу Кронверкского пролива⁹⁰. Причем два последних поста назначались в обход вокруг здания Арсенала и его сараев.

В конце 1916 года, когда Военное министерство обратило внимание штаба Петроградского военного округа на необходимость усиления охраны военных складов и технических артиллерийских заведений, военно-окружное артиллерийское управление штаба Петроградского военного округа разработало систему дополнительных постов при всех складах и технических артиллерийских заведениях. Она была утверждена в начале февраля 1917 года. В Кронверкском арсенале число постов увеличилось с пяти до восьми⁹¹. Добавочные посты были расставлены на валу у ворот Арсенала у моста, ведущего в Петропавловскую крепость (сейчас этого моста не существует), и на берегу, противоположном тому, на котором располагается Арсенал, у этого же моста.

Караулы выставлялись и для охраны самой крепости у собора (около обоих входов), у Петровской и Кронверкской куртин, у двух крепостных ворот, у здания архива, а также у Трубецкого бастиона; кроме того, были предусмотрены ефрейторский караул и стрелковый патруль для наблюдения за порядком внутри крепости и вне ее, а также стрелковый патруль в две смены для обхода вокруг крепостных стен⁹². Все эти патрули и караулы выставляли Петроградская местная команда, отдельная рота крепостной артиллерии и эшелон гвардии 3-го стрелкового полка, расквартированный в крепости. Примечателен один пункт в обязанностях дозоров, обходящих крепость снаружи: «Следить, чтобы не было скопища народа около крепости со стороны Троицкой площади и Кронверка. О замеченном скоплении народа доносить Дежурному Адьютанту»⁹³. Таким образом, ежедневно охрану крепости и Кронверкского арсенала в конце 1916 – начале 1917 года несли более 160 солдат и офицеров. И конечно, это была, прежде всего, охрана от революционного народа.

Стремясь всеми силами оградить солдат гарнизона крепости от революционного влияния, от общения с рабочими и солдатами других полков, командование крепости принимает в феврале 1917 года решение о прекращении выдачи солдатам пропусков на выход в город. Об этом пишет в своих воспоминаниях Павел Иванович Пермяков, член партии большевиков с 1919 года, персональный пенсионер республиканского значения (скончался в ноябре 1962 года). В 1917 году он был солдатом 3-го стрелкового полка, учил солдат учебной команды полка грамоте (до призыва в царскую армию П. И. Пермяков был сельским учителем). Вот его свидетельство: «В феврале пропуск в город прекратили. Учеба идет спустя рукава. Маршировок не стало. Среди солдат волнения. <...> на стенах крепости установили пушки и пулеметы. Пошел посмотреть — везде часовые, не пускают. Не пустили в город и меня»⁹⁴.

Однако такие меры заставляли солдат только больше настораживаться, задумываться и присматриваться к окружающим событиям. При всей толщине стен и тщательности охраны в крепость проникали слухи о росте революции: в мастерские Петроартсклада продолжали ежедневно ходить на работу вольнонаемные рабочие, ездовые из команды артсклада продолжали ежедневно выезжать на подводах

и машинах из крепости развозить оружие и боеприпасы по другим складам, на вокзалы, на заводы. Возвращаясь в казармы, солдаты, конечно, делились с товарищами тем, что видели на улицах города.

А в Петрограде в это время все шире разрасталась стачка, начавшаяся на Путиловском заводе, улицы бурлили демонстрациями, то и дело возникали стихийные митинги. Все это становилось известным в крепости, и солдаты пытались разобраться в происходящем. Вот еще одно место из воспоминаний П. И. Пермякова, прекрасное характеризующее настроение солдат гарнизона крепости в последние предреволюционные дни:

«Начальник учебной команды сказал, что в городе беспокойно и команда должна быть готова к боевым действиям и что учебу можно прекратить. Выдали по 10 боевых патронов. Получил и я. Ученики с большим интересом слушали мой рассказ о волнениях в городе. Всех интересовал вопрос конца войны... Крепость затихла. Даже подводы с дырявыми листами не грохочут по улице. Начальство показывается редко. Солдаты чувствуют себя свободней... Фотограф говорит, что в городе восстание. Стреляют на улицах рабочие. Его тоже не пустили в город. Сидим в казарме, как в тюрьме... Точно передают, что в городе война и что солдаты тоже вместе с населением и рабочими выступают против войны. В крепости как вымерло. Никакого начальства не видно. Только ветер носит по плацу разбросанный мусор. У солдат тоже подавленное состояние. Все сидят в казармах»⁹⁵.

Не менее интересны и отрывки из воспоминаний, присланные в музей Василием Николаевичем Смолиным (ныне инвалид труда II группы, пенсионер, а в 1917 году солдат отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии)⁹⁶. Они также рисуют положение и настроения солдат гарнизона крепости накануне Февральской революции:

«О политических настроениях солдат отдельной роты артиллерии перед Февральской революцией. Вызывалось недовольство солдат крепости длительной царской войной, которой конца не было видно. Царили разруха, голод, на фронтах неудача. Невыносимо строгая дисциплина со стороны командования роты, которая во второй половине 1916 года от недоедания значительно стала слабнуть. Особенно было велико недовольство у запасных солдат, которые еще в начале войны 1914 года были мобилизацией оторваны от своих семей. А таких солдат в нашей роте было очень много разных губ/ и уездов. Большинство Вологодской губ. <...> Эти солдаты мало ночами спали, группировались, а чтобы др. не будить уходили в уборную, курилку, образную и вели там разговоры. <...> Эти все люди из крестьян, простаки. Большинство из них неграмотные. Вот привожу выдержки из их суждений. Инициатор Сколотнев Афанасий Яковлевич. В один из вечеров в I-м взводе публично говорил. Терпение лопается, нет

конца войне. Долго ли еще будет терпеть народ, солдаты. Пора это все бросить и по домам разойтись. Пусть забирают и делят Россию, хуже все равно этого, как теперь делается у нас в России, не будет. Правильно, — подтвердило большинство солдат».

Подобные настроения солдат гарнизона крепости (причем даже и среди солдат отдельной роты крепостной артиллерии, политически более отсталой, чем команды Петроартсклада или гарнизона, а равно и чем 3-й стрелковый полк) были не только результатом их тяжелого положения, но и являлись в какой-то мере следствием политической работы, проводившейся — пусть отрывочно, непланово — все годы империалистической войны вольнонаемными рабочими среди солдат Петроартсклада (о чем говорилось в предыдущей главе). Поэтому можно считать, что по своей политической окраске гарнизон Петроградской крепости ничем не отличался от других крупных полков Петрограда, которые первыми стали переходить на сторону революции. Установлению быстрого контакта солдат с революционным народом и войсками мешали только стены крепости, в которых они были изолированы.

Офицерство крепостного гарнизона, прекрасно понимая и чувствуя настроения солдат, вело себя по-разному. Более либеральные и трусливые, не преследующие фанатично исполнение своего воинского долга, предпочитали ни во что не вмешиваться, отсиживаться и отмалчиваться (вспомним слова Пермякова: «Крепость затихла... Начальство показывается редко»). Но были и такие, которые продолжали действовать, судорожно пытаясь предпринять любые меры для ограждения крепости от революционных рабочих и солдат. В дни разгара революции вокруг крепости постоянно толпились народ и со стороны нынешней площади Революции, и со стороны пр. Добролюбова (Александровского пр.). Свидетельство об этом можно найти в воспоминаниях многих людей, которым 26–28 февраля довелось проходить мимо Петропавловской крепости. Вот, например, отрывок из «Записок о революции» меньшевика, члена Петроградского совета Н. Суханова (он описывает вечер 27 февраля. — *Е. Б.*):

«Уже темнело, когда мы трое: Шляпников, Тихонов и я, — быстро, чуть не бегом, шли с Кронверкского пр. к Таврическому дворцу. Троицкий мост был свободен, но довольно пустынен. Толпа, густо усеявшая площадь и сквер перед мостом, побаивалась того оживления, той деятельности, которую проявляла Петропавловская крепость и видневшиеся на ее стене, около пушек, солдаты. Однако никаких нападений оттуда, насколько я знаю, не последовало...»⁹⁷.

Такие скопления революционных масс народа у стен крепости нервировали некоторых офицеров и толкали их к активным действиям. Интересное свидетельство об этом приводит в своих воспоминаниях уже упоминавшийся выше В. Н. Смолин:

«Вот рабочие разных фабрик и заводов стали подходить небольшими кучками к воротам ограды арсенала, который мы охраняли, чтобы забрать этот склад

и вооружиться, но как их приходило по первости помалу и неорганизованно, то у них ничего не выходило. Как это было 26/II (11/III): рабочие забастовщики простояли целый день у ворот арсенала, не добившись ничего, и так разошлись по своим квартирам.

На завтрее 27/II (12/III) чуть свет рабочие разных фабрик и заводов стали снова подходить к воротам арсенала на этот раз уже в организованном порядке.

Видя это, наше командование крепостной артиллерии старик полковник Шарин Василий Иванович комроты нам солдатам приказал немедленно выкатить из крепости легкие 3-дюймовые учебные орудия 6 шт., которые стояли на плацу (на земле) Нарышкинского бастиона близ лестницы на крепость. И эти орудия установить у Ивановских ворот Кронверкского мостика против бунтовщиков. При этом комроты Шарин злостно кричал, отдавая приказ солдатам: „Не будьте вы такими хулиганами, которые ходят на руках с красными повязками“. Но солдаты, видя, что революция разыгрывается вовсю, и перевес сил революционных на стороне народа, выкатывать орудия к Ивановским воротам воздержались. Полковник Шарин, видя, что его солдаты топчутся, приказа его не выполняют, изменил свой план командования и послал нас, солдат, на подмогу стоявшей охране у ворот Кронверкского арсенала»⁹⁸.

В этом отрывке необычайно характерно пассивное, молчаливое сопротивление солдат и в то же время бессильная злоба офицера, который понимает, что уже не может настоять на своем. От такого поведения до прямого неповиновения — один шаг.

Картину последних судорожных приготовлений в крепости к отпору растущей революции живо дополняют и воспоминания А. Г. Шляпникова. Двадцать седьмого февраля он проходил мимо Петропавловской крепости со стороны Биржевого моста, пытаясь проникнуть в центр города. Его глазам предстала следующая картина: «Вокруг Петроградской крепости совершались какие-то военные приготовления. Из крепости были выведены несколько рот солдат, прошли вдоль стены, вышли на лед. Часть этих солдат раскинулась цепью вокруг стен, на некотором отдалении от них. На крепостных стенах, обычно погруженных в тишину и безлюдье, на этот раз было заметно оживление. Шли какие-то приготовления, смысл которых был очевиден. Крепостные власти ждали нападения на крепость и готовились к защите»⁹⁹. Несколько дальше Шляпников замечает: «Петропавловская крепость загадочно молчала. Командный состав крепости не был в состоянии идти против восставших рабочих и солдат, так как сочувствие гарнизона было на стороне революционного народа. Примкнуть же к движению они опасались, так как не были уверены в его победе»¹⁰⁰.

Итак, командованию крепости стоило больших трудов заставить солдат гарнизона нести охрану крепости и проводить приготовления к отпору ожидавшегося наступления на нее со стороны революционных масс. А ведь солдаты лейб-гвардии 3-го стрелкового полка, кроме этого, должны были нести охрану целого большого участка на Петроградской стороне и защищать отдельные здания в городе (вспомним приведенный выше секретный документ «Районы охраны города Петрограда»). По всей видимости, наряды и караулы, согласно пунктам, предусмотренным этим

документом, 3-й стрелковый полк выделил, хотя пока документальных данных по этому вопросу не выявлено. Но в воспоминаниях мы находим свидетельства об оцеплении всех районов города, и в том числе Петроградской стороны, правительственными войсками в дни Февральской революции. Приведем несколько отрывков из воспоминаний. Двадцать седьмое февраля 1917 года:

«В районе Каменноостровского проспекта было тихо. Не видно было ни скопления людей, ни воинских патрулей, ни городских... Лишь вдали, в районе Петроградской крепости, виднелись воинские части и городовые»¹⁰¹.

«Петроградская сторона, где я жил, с утра 27 февраля была отрезана от остальных частей города: все мосты и переходы через Неву и Невки были заняты войсками и полицией, которые никого не пропускали через них. К этому полицейскому маневру петербургские власти не раз прибегали и раньше, когда ожидалось какое-нибудь уличное выступление. На этот раз оцепление было особенно строгим»¹⁰².

Приведенные отрывки дополняет следующий документ из архива Военной комиссии Петроградского Совета и Временного Комитета государственной Думы — донесение, поступившее в Военную комиссию в 5 часов утра 28 февраля: «№ 4. Донесение. <...> 3. Между Народным домом и Петропавловской крепостью бронированные заставы из 2-х правительственных бронированных автомобилей, там же правительственные сторожевые посты»¹⁰³.

Если сопоставить отрывки с приведенным выше документом «Районы охраны города Петрограда», то станет ясно, что отряды солдат и офицеров лейб-гвардии 3-го стрелкового полка были посланы на отведенные для полка места охраны: во всяком случае, у Петропавловской крепости, Народного дома, на Каменноостровском проспекте и на Биржевом мосту стояли наряды стрелков. Но можно смело сказать, что и в этих случаях солдаты только внешне подчинялись приказаниям своего начальства, занимая отведенные для народа посты в городе. По существу же они не представляли собой стальную, надежную силу, с которой царизм мог дать отпор революции. А. Г. Шляпников, наткнувшийся на наряд стрелков у Биржевого моста, отмечает мягкость и приветливость солдат, охотно вступавших в переговоры.

Все эти солдатские наряды и патрули, расставленные по городу, первыми сталкивались с революционной, возбужденной массой рабочих, мастеровых, женщин-работниц и довольно скоро уступали их натиску, убеждениям и уговорам (вспомним, что именно так присоединились к революции отряды солдат Московского полка, стоявшие на охране Литейного моста).

Таким образом, силы, выделенные в городе для противодействия революции, подчинялись ей, становились ее частью и даже начинали действовать вместе с ней, то есть с революционным народом. Система охраны города, так точно и тщательно продуманная буквально накануне революции, была сметена первой же ее волной. Восстание в армии, начавшееся утром 27 февраля, в течение дня захватило большую часть города, и к вечеру того же дня в руках защитников самодержавия остался

только крохотный кусок в центре города. «В это время во власти защитников старого режима оставался лишь район, заключавший градоначальство, адмиралтейство, Зимний дворец, Петропавловскую крепость, телефонную станцию (на Морской) и казармы л.-гв. Конного полка»¹⁰⁴.

Если утром 27 февраля Петроградская сторона была еще отрезана от других частей города правительственными войсками, то уже к вечеру все их заставы были сняты, на улицах Петроградской стороны распоряжались революционные рабочие и солдаты, ловившие и арестовывавшие полицейских и городских. Момент прорыва восставших через заставу у Троицкого моста рисует в своих воспоминаниях А. Пешехонов:

«Уже почти смеркалось. Я вернулся домой, где застал несколько знакомых, зашедших поделиться впечатлениями. Часа через два до нас вдруг донеслись какие-то крики. Мы бросили чай, за которым сидели, и поспешили все на улицу. Оказалось, что грузовые автомобили с революционерами прорвались через Троицкий мост на нашу сторону, чтобы „снимать“ здесь войска и громить полицию. Каждый такой автомобиль народ встречал радостными криками. Некоторые из них останавливались на углу Большого и Каменноостровского проспектов и спрашивали, куда ехать, где находятся полицейские участки и квартируют войсковые части. Толпа наперебой давала указания»¹⁰⁵.

Правительственная застава у Троицкого моста находилась в двух шагах от стен Петропавловской крепости. Более того, по требованию офицеров на стенах крепости были установлены орудия и пулеметы, наведенные на мост (об этом пишет С. Мстиславский, член Военной комиссии Петроградского совета: «Петропавловская крепость молчит, но не за нами: на стены выставлены полевые орудия, наведены на мост, но огня не открывают»¹⁰⁶). Это означает, что гарнизон крепости в данном случае должен был поддерживать правительственные войска у моста артиллерийским и пулеметным огнем. Однако революционеры на грузовых автомобилях прорывают эту заставу, а орудия и пулеметы крепости продолжают молчать. Это может свидетельствовать только о том, что солдаты не хотят стрелять в революционных рабочих, что они (пока молча) сочувствуют им.

Сняв, уничтожив заставу правительственных войск, революционные рабочие и присоединившиеся к ним восставшие солдаты на ее месте создают свою, революционную заставу. Об этом говорит в своих показаниях бывший командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов. Рассказывая о попытке горстки последних защитников царизма пробиться из Зимнего дворца Петропавловской крепости, предпринятой поздно вечером, почти ночью, 27 февраля, Хабалов передает свой телефонный разговор с помощником коменданта Петропавловской крепости, которому был задан вопрос, свободна ли крепость и каковы подходы к ней. «Он сообщил, что крепость не занята (революционными войсками. — Е. Б.), но на Троицкой площади имеются вооруженные толпы; что там имеются бронированные автомобили, что там имеются, кажется, орудия, что на Линей-

ном мосту... т. е. нет, не на Литейном, а на Троицком мосту имеются баррикады»¹⁰⁷.

В течение 26 и 27 февраля солдаты гарнизона крепости продолжают линию молчаливого сопротивления своему начальству.

Это, как пишут во многих воспоминаниях, «загадочное» молчание Петропавловской крепости внушает серьезные беспокойства и опасения либеральным деятелям из Временного комитета Государственной думы и Военной комиссии Петроградского Совета, заседавшим в Таврическом дворце. Оно же дает возможность защитникам самодержавия использовать крепость в своих целях, и прежде всего — как политическую тюрьму.

После героического выступления 4-й роты Павловского полка, которая днем 26-го февраля первой в Петрограде присоединилась к восставшему народу, когда 19 так называемых «зачинщиков» выступления были «выданы» полком, а иначе говоря, предательски захвачены полковым офицерством, Петропавловская крепость стала местом их заключения. Вот что сказал об этом на допросе бывший командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов: «Первоначально предполагалось арестовать весь батальон и посадить здесь же — в Петропавловской крепости, поэтому вечером поздно я вел переговоры с Никитиным (комендантом крепости. — Е. Б.): найдется ли такое помещение, чтобы можно было арестовать такую массу. Когда же оказалось, что в действительности их не 800, а 1500 человек, то это оказалось физически невозможно, ибо нет такого помещения... ну, тогда я приказал арестовать хотя бы самых главных зачинщиков, приказал их допросить; их было 19 человек, и их препроводили в крепость»¹⁰⁸.

Распоряжение Хабалова было выполнено в ночь с 26 на 27 февраля 1917 года, арестованных вели пешим ходом. Конечно, на это власти, чувствовавшие, что почва под их ногами стала сильно колебаться, не могли отважиться днем. Даже и ночью-то к 19 арестованным было приставлено более 60 конвойных! Очень живо описано заключение павловцев в тюрьму Трубецкого бастиона крепости в книге И. Лукаша, опубликованной в 1917 году и написанной, как уже говорилось, со слов самих солдат Павловского полка:

«Арестованных выстроили в Екатерининском канале (казармы 4-й роты Павловского полка помещались в бывшем здании придворных конюшен на Конюшенной пл. — Е. Б.). Девятнадцать товарищей было взято из четвертой роты. Огляделись они, узнали друг друга. Кто-то было заговорил, но из темноты резкий голос крикнул: „Молчать! Если будут между собой разговаривать, бей их прикладом без пощады...“

У казарм разложены костры. Видны в багровом дыму неподвижные тени часовых и настороженные силуэты пулеметов — лучше не глядеть. Наконец, послышалась глухая команда: „Направо, шагом марш!“ Двинулись.

Марсово поле. Темное и длинное Марсово поле. Промелькнула мимо глаз белая колоннада старинных Павловских казарм. Конвойные идут в две шеренги — их больше шестидесяти человек. Молча идут они.

Вышли за Троицкий мост. Он широк и безлюден, и кажется черной Нева под высокими пролетами. А за мостом в сумраке ночного неба высится немой тенью Петропавловская крепость.

Конвой свернул на деревянный крепостной мост. Проходит под первую арку ворот. У подворотных икон теплится тихая, синяя лампада. Павловцы сняли фуражки и перекрестились, один за другим, сосредоточенно и медленно.

Вторая арка. Потом стена какого-то здания. Павловцев выстроили. Офицер ушел. Конвой и арестованные молча ждали, когда он вернется. И вот снова команда: „Пять конвойных вперед!“ Остальные по бокам: пропустить арестантов! Тихо застонал в замке ключ. Маленькая калитка отворилась в стене. Один за другим прошли в нее павловцы. Снова застонал ключ — калитку захлопнули. Арестованные стояли на небольшом дворике, узком и темном, как колодезь. Мигающим, неприветливым глазом светился в одном только окне желтый свет. Павловцев вызывают по пять человек, и по пяти человек уводят туда, где светится в темноте желтый глаз окна.

Это, вероятно, была тюремная канцелярия: ворохи бумаг на столах, всюду красные и синие папки дел. Лысый полковой офицер поднял от глаз голову. Равнодушно переспросил фамилии, неторопливо записал их в книгу. Павловцев обыскали, отобрали у них ремни и ножи. Лысый офицер приказал, чтобы в камерах была полная тишина, махнул рукой... Арестованных увели.

По широкой, освещенной электричеством лестнице, ведут куда-то наверх. Вошли в глухой коридор, с железными узкими дверями в обеих стенах. По девяти человек, кроме одного, которого заключили отдельно, павловцев разводят по камерам. С тяжелым звоном захлопнулись кованые двери»¹⁰⁹.

Солдаты подавленные, растерянные, шедшие на смерть, не могли, конечно, представить себе, как развернутся события, и если бы тогда им сказали, что через несколько дней их путем по двору Петропавловской крепости поведут арестованных царских министров и генералов, они не только не поверили бы, но сочли бы такого человека не совсем нормальным. И, тем не менее, всего через три дня, 2 марта, тот же путь, в такой же молчаливой шеренге, под таким же конвоем проделала первая партия арестованных защитников самодержавия, среди которых был генерал Хабалов¹¹⁰.

Несмотря на то, что вся процедура с арестом павловцев была проделана тайно, глубокой ночью, от солдат гарнизона крепости не укрылось появление в тюрьме Трубецкого бастиона новых арестантов. Они могли узнать об этом разными способами. Во-первых, арестованные получали довольствие, то есть пищу из солдатского котла. Как уже говорилось выше, в главе первой, носили ее в тюрьму солдаты отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии. К 27 февраля, когда в крепость поступили 19 павловцев, в тюрьме уже не было ни одного узника: последние арестанты были вывезены из крепости 25 февраля¹¹¹. Поэтому весь день 26 февраля солдаты не носили никакой пищи в тюрьму, а 27-го утром снова получили распоряжение доставить ее. Значит, в гарнизоне уже стало известно, что в тюрьму поступили новые

узники. При той обстановке, которая была в крепости в дни революции, когда офицеры по большей части вообще исчезло из крепости, а солдаты почувствовали себя свободнее и стали шире обмениваться друг с другом новостями, это важное известие, конечно, не могло не облететь все части гарнизона. Хотя прямых свидетельств мною пока не найдено, в автобиографии И. В. Павлова (Любезнова), одного из активнейших солдат команды Петроартсклада, которая была передана в музей его дочерью Надеждой Ивановной Сычевой, говорится: «В дни Февральской революции приходилось активно принимать участие — первым долгом я со своими служащими освободил арестованных солдат с гауптвахты...»¹¹².

Обращают на себя внимание не только слова «первым долгом», которые свидетельствуют о том, что Павлов сделал в первую очередь то, о чем не раз, вероятно, думал и к чему стремился, но и о том, что он пошел освобождать арестованных солдат на гауптвахту. Сюда, на офицерскую гауптвахту крепости, арестованных павловцев перевели из камер тюрьмы Трубецкого бастиона утром на рассвете 28 февраля 1917 года. Этот момент подробно описывает И. Лукаш в уже цитированной книге¹¹³.

То, что солдаты Петроартсклада во главе с Павловым сразу пошли освобождать арестованных не в тюрьму, а на гауптвахту, подтверждает наше предположение о полной осведомленности солдат гарнизона крепости относительно судьбы павловцев и даже об их последнем местонахождении. Это еще ярче рисует и настроения солдат крепостного гарнизона в дни революции: несмотря на вынужденную изоляцию, они интересовались всеми происходящими событиями и стремились принять в них посильное участие.

Защитники самодержавия пытались использовать Петропавловскую крепость в последние дни царизма не только как политическую тюрьму. По мере того как 27 февраля поднялось и все нарастало восстание в войсках Петроградского гарнизона, по мере того как район за районом выходил из подчинения и захватывались революционерами, положение их становилось безвыходным. Совет министров, заседавший почти непрерывно в захлебывавшейся и отчаянной говорильне, был совершенно бессилён. Видимостью власти и возможностью хоть какого-то действия обладал лишь генералитет, который располагал военными силами, правда, совершенно ничтожными. Военный министр М. А. Беляев, главнокомандующий Петроградским военным округом С. С. Хабалов, градоначальник А. П. Балк продолжали попытки действовать только в надежде на подкрепление, которое, как было сообщено по прямому проводу, было направлено императором из Могилева, из ставки. Перед горсткой издерганных, отчаявшихся и перепуганных генералов стояла задача продержаться какими угодно средствами до прибытия в Петроград этого подкрепления, во главе которого шел генерал Иванов. Нужно было выбрать такое место в городе, которое казалось наиболее надежным. До вечера 27 февраля генералы с несколькими ротами оставшихся верными самодержавию войск находились в здании градоначальства на Мойке. Но пятачок, контролируемый ими в городе, всё сокращался. Вечером пришлось перебраться в Адмиралтейство. Однако морской министр, опасаясь уличных боев у здания и артиллерийского обстрела, настаивал на освобождении Адмиралтейства. К ночи генералы с войсками снова перекочевали

на новое место — в здание Зимнего дворца, уверенные в том, что это самое лучшее место для защиты самодержавия. Однако комендант дворца встретил их весьма холодно и также попросил освободить здание, ссылаясь на то, что дворец — не казарма и не место для военных действий.

«...Я задал вопрос: куда же идти с остальными войсками? — рассказывал на допросе генерал Хабалов. — И тут, на этом совещании, в котором принимали участие ген. Беляев, Занкевич и я, мы все трое решили: нельзя ли в Петропавловскую крепость? Я позвонил по телефону, вызвал бар. В. И. Сталя, помощника коменданта, с тем, чтобы спросить его: есть ли возможность пройти в крепость через Троицкий мост? Есть ли возможность сделать это без боя, а если с боем, то какие там силы около крепости, и занята ли крепость?»¹¹⁴ Что ответил барон Сталь Хабалову, мы уже знаем, и хотя крепость еще не была занята революционерами, сообщение о баррикадах на Троицком мосту, вооруженных толпах народа и вероятных орудиях (помощник коменданта сказал: «Там имеются, кажется, орудия») заставило генералов задуматься. «Тогда я передал ген. Занкевичу, что надо пробиться: попробуем пробиться! К Петропавловской крепости... и занять эту крепость, как последнее убежище... Ген. Занкевич ответил отрицательно, указывая на то, что при том колеблющемся настроении офицеров Измайловского полка, который составляет теперь главные наши силы, производить атаку невозможно, что это кончится неудачей, а поэтому надо остановиться на том, чтобы занять Адмиралтейство. Тогда мы перешли в Адмиралтейство»¹¹⁵.

Итак, наспех собранные баррикады, вооруженные рабочие и два-три орудия, которых, может быть, еще и не было, — то есть революционная застава, одна из многих, возникших в городе в дни революции, — только эта одна застава показалась царским генералам непреодолимой! Даже желание укрыться за надежными стенами Петропавловской крепости не заставило их попытаться пробиться через нее — они боялись столкновения с революцией, панически боялись хоть шаг сделать за то кольцо, которым их окружил народ.

Так революционные рабочие и солдаты Петрограда заставили приспешников самодержавия, хоть и невольно, отказаться от попыток сделать Петропавловскую крепость своим последним прибежищем. Этот пример чрезвычайно наглядно показывает всю гнилость и обреченность царизма. Защищать царя фактически было некому, и если революция не победила за один день, то только потому, что солдаты не сразу сумели понять, какие силы и возможности на их стороне. В большинстве своем они действовали стихийно, после какого-нибудь повода, толчка.

Так и было с солдатами гарнизона Петропавловской крепости. Они не остались пассивными наблюдателями происходившей на улицах революционной борьбы, они тоже начали действовать, и поводом, как всегда, послужил довольно незначительный, на первый взгляд, эпизод.

Необходимо отметить, что действовать начали солдаты команды Петроартсклада, которая, по нашим данным и проведенному классовому анализу, была наиболее политически подготовленной, где был выше процент выходцев из рабочей среды.

Лучше всего рассказать о восстании солдат команды Петроартсклада словами одного из участников событий, солдата, старшего фейерверкера Ивана Ивановича Орехова:

«До 26 февраля гарнизон Петропавловской крепости был еще колеблющимся, за исключением команды Артиллерийского склада. Вечером 26 февраля (здесь Орехов ошибся в дате: судя по всем остальным источникам, все описанное им дальше произошло не 26-го, а 27 февраля. Такая ошибка вполне возможна, так как свои воспоминания Орехов писал, уже будучи на пенсии, в 1957 году. — Е. Б.) после вечерней переключки нас, как всегда, собрали в столовую на молитву, когда вся команда была собрана, пропели молитву, государственный гимн спеть отказались, ротный командир хотел сделать напутствие и привел пример 1905 года. Что было с солдатами в Кронштадте. За это напутствие его подняли в воздух и выбросили на улицу, об этом быстро было сообщено коменданту крепости, который дал приказ у подъезда наших казарм и окон поставить охрану гвардейского полка, который был расположен в гарнизоне крепости, именуемого его величества, и выставить пулеметы, кто будет выходить — расстреливать на месте»¹¹⁶.

Близок к воспоминаниям Орехова и рассказ другого бывшего солдата команды Петроартсклада Ивана Степановича Боданенко. Он служил ездовым в команде Петроартсклада и потому выезжал в город и тогда, когда всем остальным солдатам гарнизона крепости выход в город был категорически запрещен. Но 26–27 февраля даже ездовым пропуска на выезд не дали, и Боданенко был вынужден остаться в казарме команды.

«...придя в казарму... пообедал, но выход из крепости уже был закрыт, и мы томились взаперти целые сутки, офицеры пропали, кроме прапорщика Филиппова, на поверке, когда началась команда „Молитву запевай“, попытался фельдфебель запеть, никто не поддержал, тогда прапорщик Филиппов предупредил так: „Смотри, пока еще неизвестно, как обернется все это в городе, и может поучиться для вас неприятностью“, и распустил...”¹¹⁷

Боданенко ничего не говорит о возмущении солдат и расправе с командиром, так выразительно описанной у Орехова. Такое расхождение, конечно,стораживает исследователя. Предположить, что он мог не запомнить такой яркий эпизод в своей жизни, невозможно, так как невозможно предположить, что Орехов описывает то, чего не происходило. И Орехов, и Боданенко — коммунисты, а потому чрезвычайно тщательно и глубоко отнеслись к просьбе музея и Партийного архива о написании воспоминаний. Правда, бывает, что, когда человек начинает писать воспоминания много лет спустя после описываемых событий, память в чем-то подводит его; бывает, что в воспоминания включаются события, о которых автор где-то читал, и когда они близки с тем, что он пережил сам, память может объединить все это воедино.

Но здесь так быть не могло, ведь то, что рассказал Орехов, еще не приводилось ни в одном из печатных источников. Поэтому объяснение здесь должно быть совершенно иным. Мне оно представляется следующим. Возможно, Боданенко просто не участвовал в том отпоре, который солдаты дали своему ротному начальнику, прапорщику Филиппову. Об этом заставляет задуматься то, что, по описанию Орехова, после того, как они «выбросили» своего командира на улицу, их тут же, по распоряжению коменданта крепости оцепили, и у единственного выхода из казарм команды (то есть из Петровской куртины) поставили стрелков с пулеметами. Это значит, что никто из солдат не имел возможности выйти на территорию крепости. А Боданенко в своих воспоминаниях пишет, что после того, как прапорщик распустил их, «поздно вечером с батареи мы видели, что народ читал экстренный выпуск о Временном созданном правительстве». Если Боданенко смог подняться на батарею, значит, он вместе еще с кем-то из солдат не остался в помещении казарм команды. Кроме того, казармы занимали всю Петровскую куртину, а значит, их разделяла арка в куртине, ведущая к центру крепости, к собору. Возможно, ездовые команды занимали другую часть помещений казармы, чем фейерверкеры, одним из которых был Орехов. Возможно, прапорщик действительно распустил солдат и некоторые из них, размещавшиеся в другой стороне куртины, ушли, но после их ухода действие разыгралось дальше, офицер стал высказываться резче, чувствуя неповиновение солдат, и произошло то, о чем пишет Орехов.

Для того чтобы дать правильную оценку воспоминаниям Орехова и Боданенко, надо познакомиться и с их биографиями.

Иван Иванович Орехов родился 23 октября (4 ноября) 1890 года в Туле, в семье рабочего, три года учился в церковно-приходской школе, а 14 лет пошел работать на Тульский оружейный завод. В 1912 году был призван в армию и сразу попал в Петербург, в команду Петроградского артиллерийского склада, в которой служил до демобилизации царской армии, то есть до января 1918 года. С 1918 по 1920 год Орехов сражался в рядах Красной армии, затем вернулся в Тулу и снова поступил на свой родной оружейный завод, где и работал до 1930 года, после чего был выдвинут на руководящую административно-хозяйственную работу. В 1957 году он вышел на пенсию, и в настоящее время является персональным пенсионером местного значения. В партию большевиков Орехов вступил в 1929 году. Он всю жизнь вел большую общественную работу: с 1922 по 1957 год неоднократно избирался депутатом Тульского городского совета депутатов трудящихся; несколько созывов был членом Тульского губисполкома и членом президиума губисполкома; в 1929 году, когда Тульская область входила в состав Московской, был избран на областном съезде в состав Московского облисполкома; с 1947 по 1954 год постоянно избирался депутатом районного совета депутатов трудящихся Тулы¹¹⁸.

Иван Степанович Боданенко родился 7 (19) ноября 1892 года в деревне Разговорово Псковской области в семье бедняка. С 13 лет начал работать в семье, а в 16 лет уехал по вербовке землекопом на кирпичный завод под Шлиссельбургом. С 1909 года жил в Петербурге, где стал рабочим сначала Семянниковского завода, а затем Финляндской железной дороги. В 1914 году был призван в армию, служил в легком

артиллерийском дивизионе 50-й артбригады, стоявшей в Луге, а с апреля 1915 года как рабочий-слесарь был прикомандирован к команде Петроартсклада Петропавловской крепости. До февраля 1916 года Боданенко работал в оружейной мастерской, был занят на ремонте винтовок, затем был переведен в ездовые. Служил в команде Петроартсклада до 1933 года, здесь же в 1928 году вступил в партию. Затем перешел в войска связи, в которых служил до ухода в отставку в ноябре 1952 года. В годы Великой Отечественной войны воевал как кадровый офицер в войсках Прибалтийского военного округа (затем 1-го Прибалтийского фронта). Награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени и медалями. Ушел в отставку по состоянию здоровья в звании майора¹¹⁹.

И Орехов, и Боданенко, как видно из этих кратких данных, прошли к началу Февральской революции примерно одинаковую школу жизни, оба рано начали работать, оба выросли в среде пролетариата. Оба живо интересовались политическими вопросами, и в течение 1917 года оба принимали участие, будучи беспартийными, в работе большевистской ячейки команды Петроартсклада, оба были хорошо знакомы, а Орехов был даже дружен с наиболее революционными солдатами команды Петроартсклада, в частности с И. В. Павловым. Оба после победы Октябрьской социалистической революции были членами вновь созданного в крепости Гарнизонного совета.

Все это говорит о том, что разное описание событий Февральской революции в казармах команды Петроартсклада у Орехова и Боданенко объясняется не разной степенью их политической подготовленности, а случайными обстоятельствами, в силу которых Боданенко ушел из казармы, а Орехов остался и потому оказался свидетелем и участником восстания солдат команды Петроартсклада против своего прапорщика.

Как же развивались события дальше? Солдаты отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии и местной команды крепости, конечно, ничего не знали о восстании в казармах солдат Петроартсклада. Вероятно, ничего не узнали и солдаты 3-го стрелкового полка, даже и те, которых приставили к Петровской куртине охранять взбунтовавшихся артиллеристов. Разобщенность отдельных частей гарнизона крепости была еще сильной, офицеры знали об этом и именно в этом находили возможность добиваться какого-то временного равновесия сил и поддерживать видимое спокойствие на территории крепости. Политика «разделяй и властвуй» была известна и здесь, и проводилась неукоснительно. Тем не менее, офицерство чувствовало, что положение становится все более и более шатким, что напряжение среди солдат возрастает, и поэтому пыталось предпринять еще какие-то новые меры. Вероятно, что именно после этого выступления солдат команды Петроартсклада и началась серия тревожных телефонных звонков и переговоров офицеров крепости с Таврическим дворцом: офицеры пытались выяснить обстановку в городе, чтобы, взвесив все обстоятельства, найти наиболее правильную линию поведения.

Свидетельства об этом мы находим в ряде воспоминаний деятелей Государственной Думы и Петроградского совета, находившихся 27–28 февраля в здании

Таврического дворца и, в частности, и прежде всего тех, которые работали в Военной комиссии Петроградского совета и Государственной Думы.

Эта комиссия была создана 27 февраля, после первого заседания Петроградского совета, собравшегося в Таврическом дворце. В нее вошло несколько либерально настроенных офицеров, присутствующих на первом заседании совета, в том числе С. Д. Мстиславский (он примыкал к меньшевистскому кругу совета). Затем, после создания Временного комитета Государственной Думы представителем от него в комиссию был введен подполковник Энгельгардт. Комиссия стала смешанным органом Временного комитета Государственной Думы и Петроградского совета. Члены ее считали себя руководителями восстания, но, конечно, они не имели никакого фактического или идейного влияния на развитие революции. Революцию делали революционные рабочие и солдаты, которыми руководили на местах, прямо на улицах, большевики.

Вот что пишет о переговорах членов комиссии с офицерами Петропавловской крепости в своих воспоминаниях А. Г. Шляпников:

«Военная Комиссия работала всю ночь. Несмотря на ранний час (речь идет о раннем утре 28 февраля 1917 года. — Е. Б.) нашел в комнате комиссии полковника (Шляпников неточно указывает звание. — Е. Б.) Энгельгардта, окруженного членами Государственной Думы, офицерами Генерального штаба и членами Исполнительного комитета... На столе лежала карта — план Петрограда. При мне шли телефонные переговоры с комендантом Петропавловской крепости, медлившем и колебавшемся присоединиться к революции. Уже несколько часов велись переговоры с некоторыми лицами из командного состава крепостного гарнизона. Были пущены в ход все административные распоряжения, личные связи и знакомства, чтобы окончательно сломить упорство коменданта и офицерства»¹²⁰.

Известный исследователь вопроса большевизации Петроградского гарнизона в 1917 году А. К. Дрезен в статье «Армия и флот в Февральской революции» пишет, что комендант крепости Никитин еще вечером 27 февраля выразил желание переговорить с членами Исполнительного комитета Государственной Думы¹²¹.

В ходе переговоров, все же не решаясь ни на какие определенные действия, офицеры пытались как-то повлиять на солдат, воззвать к их патриотическим чувствам, — прием давно испытанный. Чтобы отвлечь внимание солдат от событий революции, им начали напоминать о том, что идет война с Германией, и что они — защитники Отечества. О таком выступлении перед солдатами 3-го стрелкового полка, состоявшемся накануне того дня, когда крепость присоединилась к революции, рассказывает в воспоминаниях П. И. Пермяков:

«Вечером собрали солдат батальона и учебной команды на плац против учебной команды. Говорил военный <...>, призывал помнить присягу и бороться с внутренним врагом. Можно было только понять, что крепость неприступна

и будет защищаться. От кого защищаться — осталось непонятным. Говорил какой-то штатский. Призывал защищать веру, царя и Отечество. Было удивительно, что с нами говорит штатский и называет защитником Родины. Разошлись оживленно. Никто не понял, что мы должны делать»¹²².

Попытаемся проанализировать эпизод, описанный П. И. Пермяковым. Прежде всего, нужно подчеркнуть, что офицерство собрало солдат эшелона 3-го стрелкового полка — самой многочисленной части в гарнизоне крепости, на которую только и можно было рассчитывать теперь, после восстания среди солдат команды Петроартсклада. Стрелков необходимо было идейно «обработать» еще и потому, что они были приставлены к охране казарм крамольных солдат-артиллеристов. К выступлениям были привлечены военные и штатские ораторы, незнакомые солдатам. Если бы выступал кто-то из офицеров гарнизона крепости, Пермяков узнал бы, конечно, свое начальство. Это заставляет нас предположить, что Пермяков мог описать собрание солдат гарнизона крепости, которое состоялось не вечером 27 февраля, а ранним пасмурным утром 28-го, когда в крепость прибыл из Таврического дворца член Временного комитета Государственной Думы В. В. Шульгин.

Этот известный черносотенец и реакционер, ненавистник революции вынужден был примкнуть к ней только потому, почему примкнула к революции и вся Государственная дума во главе с Родзянко, — потому что к вечеру 27 февраля всем было ясно (из тех, кто находился в Петрограде), что царизм будет свергнут, что он фактически уже свергнут. Но Шульгин продолжал ненавидеть революцию и народ и согласился поехать по просьбе Временного комитета Государственной Думы в Петропавловскую крепость только потому, чтобы предотвратить, как он сам откровенно пишет в своих воспоминаниях, возможный захват крепости революционным народом. Это была та же линия «мирного взятия» крепости, которую пытались проводить в своих телефонных переговорах и члены думской военной комиссии. Конечно, она ничего общего не имела с действительным ходом революции, что и доказали последующие события. Для нас она важна только потому, что показывает, какая упорная борьба велась буржуазией и офицерством за воздействие на гарнизон крепости, за усиление его изоляции от революционного народа и солдат, за сохранение его на своей стороне, под своим влиянием.

Итак, ранним утром 28 февраля 1917 года, на рассвете В. В. Шульгин направился из Таврического дворца в Петропавловскую крепость, где его с нетерпением ждали комендант и офицеры. «Над автомобилем был красный флаг, — вспоминает Шульгин с отвращением, — и штыки торчали во все стороны... Мой офицер (приставленный к нему для помощи и охраны на время поездки. — Е. Б.) отворил мне дверцу... Ничего не поделаешь...»¹²³

Приехав в крепость и поговорив с комендантом, Шульгин выяснил, что они прекрасно понимают друг друга, ибо оба всеми силами стремятся охранить крепость от революционного народа, — «толпы», как презрительно пишет Шульгин. Комендант, просветлевший, как вспоминает Шульгин, просит его оставить письменный приказ от имени Временного комитета Государственной Думы. «Я написал от

имени Комитета Государственной Думы приказ коменданту Петропавловской крепости охранять ее всеми имеющимися в его распоряжении силами *и ни в коем случае не пускать толпу на территорию крепости*»¹²⁴ (курсив мой. — Е. Б.). Этого было мало перепуганным офицерам крепости. Боясь вновь остаться один на один с гарнизоном, они попросили Шульгина выступить перед солдатами. «Поддержите нас... офицеров... чтобы они (солдаты. — Е. Б.) знали, что Государственная дума требует дисциплины <...>, — вспоминает просьбу офицеров Шульгин и далее довольно подробно излагает суть своей речи перед солдатами крепостного гарнизона. — Я говорил о том, что в то время, когда происходят такие большие события, нужно помнить об одном, — что идет война, что все мы находимся под взглядом врага, который сторожит, чтобы на нас броситься, и если чуточку ослабеем, — сметет нас... И все пойдет прахом... И вместо свободы, о которой мы мечтаем, — получим немца на шею... И всякий военный знает, что армия держится только одним — дисциплиной.. Нравится начальник или не нравится, это не имеет никакого значения... Об этом про себя рассуждай, у себя в душе, а повинуйся ему не как человеку, а как начальнику. В этом и есть разумная свобода... „Повинуюсь потому, что люблю Родину, и не позволю, чтобы враг ее раздавил“. Господа офицеры, с которыми я только что говорил, находятся в полном согласии с Государственной думой; Государственная дума в моем лице отдает приказ защищать крепость во что бы то ни стало!»¹²⁵

При сравнении изложенной Шульгиным сути его выступления с тем, что написал в воспоминаниях П. И. Пермяков, становится ясно, что речь идет об одном и том же событии. Шульгин тешил себя надеждой, что солдаты слушали его, «по-видимому, понимали и даже сочувствовали». Однако Пермяков замечает, что они разошлись в недоумении: «никто не понял, что мы должны делать». Это вполне понятно. Как возмущенные, подошедшие вплотную к осознанию необходимости революционных действий, солдаты могли понимать и сочувствовать призывам реакционера Шульгина, когда они были против войны, когда они знали о революционной войне, шедшей на улицах города, когда они уже несколько дней видели у ворот крепости волнующиеся, тысячные массы революционных рабочих и солдат, против которых отказались стрелять, которым сочувствовали, а их призывали защищать крепость от этих самых масс, призывали терпеть любого своего начальника, чтобы не получить «немца на шею»?! И это в то самое время, когда их братья по крови и оружию, такие же солдаты других войск Петроградского гарнизона, уже присоединившиеся к революции, вырабатывали в Таврическом дворце революционный «Приказ № 1», в котором говорилось о ликвидации кастовости и бездумного подчинения солдат офицерам, о завоевании революцией полного права солдат на свободу и равноправие! Конечно, это солдаты крепостного гарнизона еще не знали, но они не могли и не хотели понимать Шульгина. Ведь его выступление в крепости — прекрасный образчик всей будущей реакционной политики Временного правительства, которая была так далека от насущных требований и чаяний широких масс рабочих и солдат. Вот почему, хотя Шульгину и очень хотелось представить себя в ореоле популярного и любимого массами оратора, он все же вынужден был с горечью заметить в своих записках: «Но, уходя под это „ура“, я очень ясно почувствовал, что дело скверно...»

И, действительно, не успел представитель Временного комитета Думы уйти из крепости, как ее «загадочное» молчание кончилось. Солдаты команды Петроартсклада, вооружившись в ротном цейхгаузе, который находился там же, в Петровской куртине, вырвались на волю, стрелки, охранявшие их, сразу же присоединились к артиллеристам, а другая часть стрелков, кружившая у запертых Иоанновских ворот крепости, увидев двинувшуюся на Петропавловку мощную колонну рабочих с красными флагами, бросилась на часовых и без единого выстрела открыла крепостные ворота, впустив революционные массы на территорию крепости. Это произошло около 10–11 часов утра 28 февраля 1917 года¹²⁶.

Расскажем об этом словами участников волнующих событий. Прежде всего приведем воспоминания И. И. Орехова, выразительно и просто описывающего действия солдат Петроартсклада, запертых в Петровской куртине:

«Обстановка у нас была после такого: к нам в казарму никто не входил, а нам выйти было невозможно, т. к. мы находились под усиленной вооруженной охраной. Надо было решать, как действовать. После недолгих размышлений решили взломать цейхгауз, который находился внутри казармы, забрать оружие и патроны, чтобы всем вооружиться. Время приближалось к утру, и когда такую операцию проделали, все приготовились в боевую готовность. Далее возник вопрос: нас в казарме находилось около 500 человек, в двери подъезда в таком количестве сразу выйти невозможно, а в окна выскакивать препятствуют решетки, да и могут нас расстреливать поодиночке. Решили выходить только в дверь. Командование на себя принял солдат тов. Павлов, который заявил: необходимо иметь красное знамя, где брать красный материал. Один из солдат заявляет, что у меня у подушки нижняя наволочка красная, сейчас будет красный флаг, сейчас же он мгновенно снимает белую верхнюю наволочку, рвет подушку, где-то на кухне отыскивали палку, канцелярские кнопки нашлись в ротной канцелярии, красный флаг был готов. После чего тов. Павлов выстроил команду, во главе команды были поставлены более смелые и решительные товарищи, потому что было предложено, что головной колонне придется дать сопротивление против выставленной вооруженной охраны. После чего тов. Павлов берет красный флаг, становится впереди колонны с возгласом: „За мной смело!“ мы быстро рванули к двери подъезда на улицу. Гвардейцы, охранявшие нас, были в таком недоумении, что ни один солдат не позволил сделать в нас ни одного выстрела, оказались хорошими друзьями и сейчас же присоединились к нам»¹²⁷.

Революционное действие объединило солдат — и стрелков, и артиллеристов. Все попытки сопротивления со стороны офицерства, поддержанные Государственной думой, были разбиты, политика «разделяй и властвуй» потерпела крах. В то же время другая часть солдат-стрелков, осаждавшая часового у Иоанновских ворот и стремившаяся прорваться в город, навстречу революционным рабочим, тоже стала действовать. Вот как рассказывает об этом П. И. Пермяков:

«Решили посмотреть, что делается у крепостных ворот. Со мной пошли стрелок Шелест, Бойко и еще третий, фамилию которого не помню. Ворота закрыты. Стоит часовой в бескозырке не нашего батальона. Видим, пробиться трудно, но все же решили попробовать. Вынув свой пропуск, я подошел к часовому с просьбой выпустить меня в город за письменными принадлежностями. Получаю отказ. Ни по каким пропускам без начальника караула ни вход, ни выход не разрешен. Меня поддерживают ребята, мотивируя, что им не на чем писать. В момент переговоров в ворота увидели большую колонну народа, спускающуюся с моста по проспекту в нашу сторону. Мы как зачарованные смотрели на это новое для нас шествие. Против крепости колонна раздвоилась, часть пошла прямо по проспекту, а часть (примерно человек 300–400) повернула к крепостным воротам. Впереди колонны ехал велосипедист с маленьким красным флажком на руле. Вот голова колонны вступила на мост. Меня начинает пробирать дрожь. Вот начнут стрелять со стен. Часовой у ворот растерялся. Очень уж как-то мирно и уверенно идут люди. Голова колонны подходит к воротам. „Открывай!“ Кричим часовому и бросаемся к воротам. Колонна хлынула в крепость»¹²⁸.

В своих воспоминаниях, хранящихся в архиве Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС, П. И. Пермяков несколько иначе обрисовывает сам момент открытия ворот: «К моменту подхода колонны к воротам мы бросились на часового и открыли ворота. Колонна без остановки зашла в крепость»¹²⁹.

Расхождение очень невелико, и вполне возможно, что часовой, такой же солдат, как они сами, и не оказывал никакого сопротивления. Нет четкой ясности и в том, сколько солдат-стрелков находились в этот момент у ворот; Пермяков называет, кроме себя, троих. Вполне возможно также, что их было гораздо больше, что он назвал по фамилиям только солдат из своей учебной команды. Все это — детали. Важно другое, главное: солдаты открыли ворота крепости сами, крепость не была захвачена восставшими, а добровольно присоединилась к ним. Важно, что, вопреки всем усилиям реакционного офицерства и деятелей из Государственной Думы, революционные рабочие все же вошли на территорию крепости, соединившись с солдатами ее гарнизона.

В то время как солдаты гарнизона крепости сами революционным образом решили ее судьбу, в так называемом «штабе восстания», то есть в Военной комиссии бывшей Государственной Думы и Петросовета, в Таврическом дворце, «руководители восстания», все еще обеспокоенные молчанием крепости, решились на крайнюю меру — начали формировать отряд для занятия крепости. Однако работа эта оказалась излишней. Раньше, чем она была закончена, раздался звонок из Петропавловской крепости. Капитан Мышлаевский, начальник крепостного эшелона 3-го стрелкового полка, сообщил, что «крепость капитулирует на условии неприкосновенности офицерского состава». Эту формулировку приводит в своих записях Мстиславский, член пресловутого думского «штаба восстания»¹³⁰. Нам нетрудно

расшифровать ее: офицеры крепости, поставленные перед фактом революционного присоединения крепости к восставшему народу, сообщили о свершившемся факте, изложив его в наивыгоднейшей для себя редакции и тут же поставили вопрос об охране своих жизней и прав.

Главным вопросом, который прежде всего волновал и восставших, и солдат гарнизона крепости, был вопрос об узниках крепости. Недаром И. В. Павлов написал в автобиографии: «...первым долгом я со своими служащими освободил арестованных солдат с гауптвахты...» То же самое пишет и И. И. Орехов: «Первая наша задача была по ранее составленному плану освободить арестованных, находящихся на гауптвахте солдат Павловского полка»¹³¹.

Но прежде чем описывать момент освобождения последних узников самодержавия, необходимо выяснить, почему же все-таки павловцы последние часы своего заключения проводили не в камерах тюрьмы Трубецкого бастиона, а в здании бывшей офицерской гауптвахты. Это чрезвычайно интересный факт, выразительнее всех предыдущих показывающий, что офицеры крепости не брезговали ничем в своих последних, ничтожных попытках приостановить развитие революции. Он вырисовывается совершенно отчетливо из сопоставления воспоминаний Шульгина с данными из воспоминаний бывших революционных солдат гарнизона крепости.

Шульгин уехал рано утром 28 февраля из Петропавловской крепости с уверенностью, что он «взял» Петропавловскую крепость, так как командование крепости заверило его, что кроме нескольких солдат, арестованных уже в дни революции, в камерах крепостной тюрьмы узников больше нет. Шульгин заметил тогда коменданту крепости: «Этих вам придется выпустить», на что старик-генерал ответил ему согласием. Однако когда Шульгин уехал и толпы народа, подступившие к крепости, ненадолго притихли, офицерство, вероятно, решило, что «дело обойдется» и без освобождения узников. И распоряжение представителя думского комитета осталось невыполненным. Когда же волнение рабочих и солдат стало снова нарастать, офицеры забеспокоились и опять потребовали помощи у Думы. Офицер, ездивший с Шульгиным, бросился к нему. У них произошел следующий разговор:

«— Там неблагополучно... Собралась огромная толпа... тысяч пять... требуют, чтобы выпустили арестованных...

— Да ведь их нет...

— Не верят... Я только что оттуда... Гарнизон еле держится... Каждую минуту могут ворваться... Я их успокоил на минутку, сказал, что сейчас еду в Государственную думу и что кто-нибудь приедет... Но надо спешить...»¹³².

Однако ехать в крепость во второй раз Шульгин уже не рискнул. Вместо него туда прибыли депутаты Думы, «социалист» М. И. Скобелев и Н. К. Волков. Захватив нескольких представителей от рабочих, окружавших крепость, они прошли на ее территорию и осмотрели все казематы тюрьмы Трубецкого бастиона. Там было пусто. Командование крепости, готовясь к этому визиту, предусмотрительно

перевело заключенных павловцев из Трубецкого бастиона в здание офицерской гауптвахты, где, конечно, никому и в голову бы не пришло искать политических узников. Когда осмотр закончился, Волков и Скобелев, выйдя за стены крепости, выступили перед толпами рабочих и солдат с речами, в которых просили их разойтись по домам и «не затруднять» так сказать, дела свободы» (по словам Шульгина). Им показалось, как говорит Шульгин, что, хотя и были сомневающиеся, громадное большинство поняло, «что это дело чистое».

Вполне вероятно, что Скобелев и Волков гордились своей «победой» не меньше, чем Шульгин своим «взятием» крепости. И столь же вероятно, что их речи не оказали никакого влияния на окружавших крепость рабочих и солдат. Не успели депутаты Думы уехать, как восставшие снова предприняли попытку ворваться в крепость, на этот раз увенчавшуюся успехом: солдаты гарнизона открыли перед ними крепостные ворота.

И колонны, взволнованные, радостные, с флажками и транспарантами в руках, слившись с вырвавшимися на свободу солдатами команды Петроартсклада, бросились освобождать солдат-павловцев.

И. Лукаш в своей книге так описывает последние минуты заключения павловцев в здании гауптвахты:

«Там большие, хотя и забранные решетками окна, а внутри арестованных отделяла от караула тоже решетка, только деревянная.

Прильнули к ней лицами павловцы, и пошел дружный, горячий разговор с конвоем... Народ восстал. Войска дерутся за свободу на улицах. Арестованных вывели из Трубецкого рavelина, потому что вот-вот падет Петропавловская крепость. Весь крепостной гарнизон с народом.

...Ближе и ближе смутный гул, выстрелы, перекаты „ура“. Это было часов в 10 утра. В окна видно, как по двору, туда, откуда надвигается грозный гул, перебежали с винтовками солдаты. Без шинелей, встряхивая разноцветными орденами, растерянно бегает какие-то генералы. У самой решетки пробежал, быстро ковыляя, лысый толстый офицер...

Показались крепостные войска. На штыках мечутся красные флажки. Они не бегут, они летят... Короткое, как удар грома, „ура“. Перезвон выбитых стекол, разлетелась в щепь деревянная решетка.

Ворвались, и все смешалось, все сплелось в объятиях и крепких поцелуях. Кто-то радостно и звонко смеялся, кто-то плакал навзрыд слезами счастья, кто-то тискал и не выпускал дрожащих рук»¹³³.

Книгу Лукаша, хотя и написанную, по словам автора, по рассказу самих солдат-павловцев, все же никак нельзя считать полностью проверенным источником. Поэтому я приведу еще и небольшой отрывок из воспоминаний И. И. Орехова: «Когда мы ворвались в караульное помещение, караул не оказал никакого сопротивления, и когда были открыты камеры, они (павловцы. — Е. Б.) бросились к нам со слезами от радости на глазах. Мы взяли их в свои казармы и хорошо накормили.

Об этом быстро было донесено коменданту крепости, но он сделать ничего не мог, так как уже весь гарнизон крепости был на стороне восставшего народа»¹³⁴.

Как видим, воспоминания Орехова не только подтверждают рассказанное в книге Лукаша, но и дают некоторые дополнительные детали, показывающие рождение солдатской солидарности и дружбы.

Частью Петропавловской крепости был Кронверкский арсенал, крупнейший оружейный склад столицы. В начале главы мы уже отмечали, что его охрана была сильно увеличена перед самой революцией, кроме того, в самые дни революции распоряжением офицеров туда на подкрепление направлялись все новые наряды солдат крепостного гарнизона, вместе с ними у входа в Арсенал дежурили и офицеры. Арсенал имел свой отдельный вход со стороны Александровского парка (ныне парка им. В. И. Ленина), а также сообщался с территорией крепости с помощью моста через Кронверкский проток, которого сейчас уже не существует. Если офицеры и думские деятели боялись, что народ будет допущен на территорию крепости, то еще больше они боялись, что восставшие рабочие прорвутся к запасам Арсенала, а прорвавшись, начнут вооружаться и превратятся в еще более грозную силу. Это, конечно, было одной из главных причин, заставлявших офицеров гарнизона вести столь долгие переговоры, колебаться и медлить. И, тем не менее, никакие переговоры и усиленные наряды не могли спасти положение. Ведь в охране Кронверкского арсенала стояли те же солдаты, которые открыли ворота крепости народу. И если они впустили революционный народ в Кронверк немного позже, чем на территорию самой крепости, то только потому, что здесь рядом с ними стояли и пытались приказывать офицеры. Приведу еще один отрывок из воспоминаний В. Н. Смолина:

«К 12 часам дня запрудились Троицкая площадь и набережная Кронверкского арсенала до самых ворот народом, пришедшим за оружием. Мы, охранники-солдаты, стояли у этих ворот с внутренней стороны, и ключи от ворот находились у нашего дежурного.

Набравшаяся туча людей у ворот, которые кричали: „Открывайте ворота“, но наш командир Шарин открывать нам не приказывает. А раз мы ворота не открываем, то революционеры принялись ломать ворота, разрубать дверные цепи и засовы, где висел огромный замок. Со стороны комроты подалась команда „Огонь“, но мы, солдаты-охранники, видя такую тучу людей, стрелять в своих братьев отказались. Мы заявили рабочим: „Не троньте нас, мы вам ворота сами откроем“. Когда мы стали ворота открывать, начальство от нас побежало в сторону склада, и после того этого начальства мы уже не видели. Куда девался наш полк. Шарин? Когда ворота дежурный открыл, революционная туча людей лавиной хлынула во двор, а потом под арку на склады Арсенала, куда революционеров впустили большевики артсклада, фамилии которых я не припомню»¹³⁵.

Эти фамилии можем назвать мы. Это был уже хорошо известный нам ст. фейерверкер, солдат команды склада Иван Васильевич Павлов, руководитель солдатского восстания в команде склада и впоследствии один из активнейших солдат гарнизона

крепости. Вот что он пишет о том, как рабочие были допущены в Петроартсклад: «...совместно с ними (освобожденными солдатами-павловцами. — Е. Б.) направились в артсклад. Тут появилась масса рабочих, и вот по нашему требованию дежурный офицер отказался открыть оружейный отдел, но я, как будучи старшим оружейником, пошел и взял ключи и открыл отдел и начали выдавать оружие рабочим»¹³⁶.

Открытие ворот Арсенала и начало раздачи оружия революционным рабочим, вопреки сопротивлению офицеров, вызвало, конечно, сильное волнение в комендантском управлении крепости. По-видимому, снова понеслись тревожные, молящие о помощи звонки в Таврический дворец, во Временный комитет Государственной думы. Об этом говорит следующее упоминание о Петропавловской крепости в воспоминаниях Н. Суханова: «...меня догнали с директивой отправиться в Петропавловскую крепость, откуда донесли о каком-то важном столкновении или разгроме»¹³⁷. Правда, Суханов относит этот момент к 1 марта, то есть к следующему дню после занятия Арсенала крепости народом и начала раздачи оружия. Вероятно, это ошибка, так как в столь важном вопросе Временный комитет Государственной думы не мог реагировать так медленно. В том, что он отозвался на просьбы офицества крепости о помощи в тот же день, убеждает нас и эпизод, описанный в книге Е. Д. Черменского, единственной пока большой монографии о Февральской революции. Автор пишет о том, что Временный комитет Государственной думы принимал, вернее, пытался принимать всевозможные меры к тому, чтобы добиться признания своей власти среди солдатской массы, а также и к тому, чтобы заставить солдат относиться с повиновением и почтением к своим офицерам. И приводит примеры, показывающие, как плохо это комитету удавалось. Один из примеров — попытки комитета помочь офицерам крепости прекратить изъятие оружия революционным народом из Арсенала Петропавловской крепости. Черменский, ссылаясь на документ из фонда Государственной думы, хранящийся в ЦГАОРе, пишет, что для этой цели Временный комитет направил 28 февраля в крепость двух членов Думы — В. Н. Пепеляева и С. А. Таскина. Вероятно, они прибыли туда вместо Суханова, который в крепость не поехал, так как не нашел автомобиль, в котором должен был направиться туда.

Во всяком случае, их прибытие в крепость связано с просьбами о помощи в борьбе против «разгрома» Арсенала, который, как сообщили офицеры крепости в Думу, учинили в Кронверке солдаты и революционные рабочие. Однако этот визит ни к чему не привел. Черменский пишет: «Когда прибывшие 28 февраля в Петропавловскую крепость члены Государственной думы Пепеляев и Таскин предложили революционным солдатам и рабочим прекратить изъятие оружия из арсенала и покинуть район крепости, то никто не обратил внимания на эти слова. Двое молодых рабочих, руководившие действиями солдат, призывали их не слушать членов Государственной думы и брать оружие. Собравшиеся разошлись, когда все оружие было разобрано»¹³⁸.

Почти у всех бывших солдат разных частей гарнизона крепости в воспоминаниях говорится об открытии Петроартсклада его командой и о раздаче оружия

революционным рабочим и солдатам, которые тоже были вооружены чрезвычайно плохо. Но лучше всего этот момент описан у В. Н. Смолина:

«Народ, рабочие, революционеры вооружались в ужасной темноте и давке. Были тут и женщины, боевые и молодые ребята лет по 16–17. Все же вооружались быстро, за короткое время растащили очень много разного оружия, винтовок, револьверов разных систем и калибров, шашек, тесаков и др. оружия. Патроны со склада на двор на площадь выносили в ящиках и парусиновых мешочках и разбрасывали сверх голов народа по площади. Народ в беспорядке собирал патроны на земле, толкая друг друга в тесноте, кто-то набрал патронов много, а кто-то ничего»¹³⁹.

Безусловно, раз раздача оружия проводилась стихийно, в ней не могло не быть элементов беспорядка. Но никакого разгрома Арсенала, как это пытались изобразить перепуганные офицеры, не было. Просто рабочие и солдаты революционными методами, быстро и просто, сами решили проблему вооружения, не только не дожидаясь каких-либо решений, но и вопреки им, наперекор воле Временного комитета Государственной думы, который уже ночью 28 февраля, то есть до присоединения Петропавловской крепости к революции, высказался за необходимость охраны Арсенала и Монетного двора в крепости¹⁴⁰.

Восставшими был открыт, конечно, не только Кронверкский арсенал. Все оружейные склады столицы послужили в дни Февральской революции источниками для самовооружения революционных рабочих и солдат. Ими было изъято в этот период из складов Главного артиллерийского управления 40 200 винтовок¹⁴¹.

Н. И. Подвойский вспоминает, что В. И. Ленин не только высоко оценил этот правильный революционный акт масс в дни Февральской революции, но и в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания рекомендовал им, руководителям большевистской «военки» и ВРК, вооружать Красную гвардию за счет воинских складов Петрограда, прибегая к помощи обслуживающих их солдат.

Как только в Таврическом дворце стало известно, что Петропавловская крепость присоединилась к революции, Военная комиссия Государственной думы и Петросовета направила туда своего представителя и нового временного коменданта, штабс-капитана Кравцова¹⁴². Небезынтересно заметить, что до Февральской революции Кравцов был личным адъютантом великого князя Михаила Николаевича. В дни революции он предусмотрительно снял с погон шифр великого князя и старался держаться весьма строго и враждебно с новыми заключенными¹⁴³. Старый комендант был отстранен от должности.

По всей видимости, Кравцов и представитель Военной комиссии должны были предпринять все меры к тому, чтобы обеспечить возможность использования Петропавловской крепости в качестве прямой и последней угрозы засевшему в Адмиралтействе и пока не сдавшемуся генералу Хабалову. Прямых указаний на это у нас пока нет, но все косвенные свидетельства дают право говорить об этом. Член Военной комиссии С. Д. Мстиславский пишет, что рано утром 28 февраля они

узнали от пришедшего в Таврический дворец председателя комиссии подполковника Энгельгардта, «что быстрой помощи Хабалову ждать неоткуда. Если так, — надо кончать... решаем: дабы не вводить войска в Зимний дворец с боем — что может привести к некоторым „нежелательным последствиям“, — занять первоначально Петропавловскую крепость и угрозой обстрела дворца с верхов принудить Хабалова „выйти в поле“, где с ним быстро можно будет покончить»¹⁴⁴. В это время приходит известие о присоединении крепости к революции, и комиссия направляет в нее своих представителей, о чем уже говорилось выше. Ясно, что делалось это для осуществления все того же плана. Кроме того, в опубликованных документах Военной комиссии есть следующая запись одного из ее членов:

«№ 22.

Петропавловская крепость
пока база для обстрела
Адмиралтейства

Войти в переговоры с капитаном Мышлаевским»¹⁴⁵.

На документе проставлены дата и время — 2 ч. 35 м. 28/II–1/III. Значит, запись сделана ночью 28 февраля, за несколько часов до присоединения гарнизона крепости к народу.

Далее из показаний генерала Хабалова на допросе и книги А. А. Блока, написанной на основе протоколов и документов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, секретарем которой был поэт, мы знаем, что 28 февраля, около полудня, то есть вскоре после присоединения крепости к революции, морской министр генерал-адъютант И. К. Григорович получил письмо, по-видимому, от членов Военной комиссии, в котором сообщалось, что если через 20 минут Адмиралтейство не будет сдано, то по нему начнут стрелять тяжелые орудия Петропавловской крепости¹⁴⁶. Это, конечно, означало, что крепость распоряжениями посланных туда представителей Военной комиссии и нового коменданта была уже приведена в боевую готовность. К сожалению, пока мы не располагаем ни документами, ни мемуарными сведениями, которые могли бы показать, какие именно орудия крепости были наведены на Адмиралтейство, чей приказ был отдан, как отнеслись к нему старшие офицеры крепости, кто из солдат был направлен к орудиям. Тем не менее, и сам факт достаточно убедителен. Петропавловская крепость вместо того, чтобы стать последним оплотом защитников царизма, стала базой для их обстрела.

Эта угроза оказала свое действие немедленно. Перепуганный Григорович тут же направил своего адъютанта к Хабалову с требованием очистить здание. На допросе генерал сказал: «С той маленькой горсткой, которая была у нас, обороняться было немисливо»¹⁴⁷. Последние полторы тысячи солдат, еще оставшихся на стороне царизма, были распущены и постепенно разошлись

из Адмиралтейства, а сам генерал Хабалов был арестован в здании Адмиралтейства в тот же день.

Так орудия крепости без единого выстрела сказали свое веское слово, обеспечив последнюю бескровную победу Февральской революции.

Последним событием Февральской революции, связанным с Петропавловской крепостью, является заключение в ее казематы бывших защитников царизма — министров и генералов свергнутой Николаевской империи.

Аресты царских министров и генералов начались 27 февраля. Восставшие рабочие и солдаты без всякого приказа, подчиняясь только своему революционному и классовому чутью, начали разыскивать по квартирам попрятавшихся царских приспешников, арестовывали их и приводили в Таврический дворец. Здесь они содержались под специальной охраной в министерском павильоне. Двадцать восьмого февраля А. Ф. Керенский как член Временного комитета Государственной думы отдал распоряжение о переводе части арестованных в Петропавловскую крепость, но исполнено это распоряжение было только 2 марта. Вечером, около 10 часов, одиннадцать человек — первая партия, которую в этот день должны были перевезти в крепость, под сильным конвоем солдат 4-й роты Преображенского полка во главе с унтер-офицером Кругловым на четырех автомобилях была доставлена из Таврического дворца в казематы тюрьмы Трубецкого бастиона. Арестованных по три человека сажали в автомобиль, солдаты-конвойные требовали от них не смотреть по сторонам и не разговаривать. Унтер-офицер Круглов так рассказывал об этом «путешествии»:

«У Троицкого моста автомобили наши были остановлены. Два члена Государственной думы, сопровождавшие бывших министров, показали пропуск, и мы беспрепятственно доехали до ворот крепости. Тут опять караульные остановили нас. Но когда они узнали, что везут старое правительство, то с шумным восторгом отворили ворота, пропустили нас и кричали вдогонку: „Слава богу, изменники попались, туда им и дорога. Давно надо было их посадить...“ Наши автомобили остановились у больших массивных ворот, всем арестованным приказано было выйти. Я построил их в одну шеренгу и приказал им двигаться вперед. Сам же шел сбоку, наблюдая за ними. Торжественное шествие направилось к Трубецкому бастиону. Некоторые от дряхлости и ввиду преклонных лет не могли поспевать и отставали. Я тогда останавливал на несколько секунд всю шеренгу, пока они не подтягивались. Только подведя к железной ограде бастиона, я вложил свой револьвер в кобуру и до казематов сопровождал арестованных»¹⁴⁸.

Среди тех, кто шел путем девятнадцати павловцев в камеры Трубецкого бастиона в этот поздний вечер 2 марта 1917 года, были: бывший председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, старик, арестованный и приведенный в Таврический дворец без шубы и шедший в заключение в накинута на плечи солдатской шинели; генерал П. Г. Курлов, бывший шеф жандармского управления, буквально за месяц

до революции успевший уйти в отставку, но не избежавший тем самым общей участи царских сановников; бывший премьер-министр Б. Б. Штюрмер; последний председатель Совета министров князь Н. Д. Голицын; ярый монархист и реакционер, председатель Совета министров в 1914–1916 годах И. Л. Горемыкин; последний министр внутренних дел, ставленник Распутина А. Д. Протопопов; генерал В. А. Сухомлинов, проделывавший этот путь не впервые: в 1916 году он уже сидел в крепости по обвинению во взяточничестве и германофильстве, но был выпущен по настоянию Распутина; генерал С. С. Хабалов, бывший командующий Петроградским военным округом, за три дня до этого упрятавший в казематы крепости восставших павловцев, а теперь покорно шедший по той же дороге в отведенную ему камеру¹⁴⁹.

К тому, что рассказал унтер-офицер Круглов, сопровождавший этих «бывших» людей, можно добавить весьма любопытное изложение обстоятельств «переезда» из комнат министерского павильона в Таврическом дворце в тюрьму Трубецкого бастиона, данное бывшим шефом жандармов, генералом П. Г. Курловым. Этот махровый реакционер, пытавшийся подобно старой, опытной крысе вовремя покинуть тонущий корабль и потому ушедший в отставку в начале 1917 года, все же был арестован солдатами у себя на квартире 1 марта, доставлен в Таврический дворец, а оттуда с первой партией арестованных перевезен в Петропавловскую крепость. Надо отдать ему должное — не в пример насмерть перепуганному Хабалову или старику Щегловитову он пытался держаться с достоинством. В своих воспоминаниях он не только стремится придать всей процедуре заключения некую «монументально-траурную» (если так можно выразиться) торжественность, но и упорно продолжает отзываться о камерах тюрьмы Трубецкого бастиона наилучшим образом:

«На следующий день часов около 10 вечера, я был водворен в Петропавловскую крепость.

Мой переезд совершился при крайне торжественной обстановке. На всем пути от залы до главного входа в расстоянии нескольких шагов друг от друга были расставлены преображенские солдаты. Знаменский сопровождал меня до автомобиля, в котором находился человек с перевязанной головой. Это был Н. А. Маклаков (ярый черносотенец, бывший в 1912–1915 годах министром внутренних дел и шефом жандармов; брат В. А. Маклакова, члена Государственной думы и в будущем министра Временного правительства. — Е. Б.). Против меня сели унтер-офицер с револьвером в руке и член Думы Волков. Как и прежде, разговаривать было запрещено с предупреждением, что унтер-офицер в случае нарушения этого приказа будет стрелять. По дороге Волков рассказал Маклакову, что брат его, член Думы, приютил его семью.

В крепости у собора нас ждал отряд матросов. Нам приказали выйти из автомобиля и стать лицом к стенке. Оказалось, что ждали еще других автомобилей с арестованными, и мы стояли в таком положении, пока не прибыли все, кого поджидали. После этого нас повели гуськом в Трубецкой бастион — передо мной шли И. Л. Горемыкин, И. Г. Щегловитов, А. А. Макаров и А. Д. Протопопов. Нас рассадили по камерам.

По моему мнению, камеры Трубецкого бастиона по своим размерам и конструкции являются лучшими помещениями для заключения, какие мне пришлось видеть в России и за границей»¹⁵⁰.

Поначалу офицеры крепости, в частности те из них, которые имели непосредственное отношение к охране тюрьмы Трубецкого бастиона, пытались по мере своих сил и возможностей создать новым заключенным наиболее благоприятные и мягкие условия заключения. Лучше всего сказать об этом словами того же Курлова: «Стража осталась здесь прежняя, как и начальник бастиона, гвардии полковник Иванишин, который поспешил снабдить нас собственным бельем, постелями, табаком и книгами и на свой счет кормил обедами из крепостного офицерского собрания»¹⁵¹.

Это вызвало законное возмущение солдат. Как только они узнали о таких незаконных мерах, они стали категорически требовать для «бывших» людей обычных условий заключения. Хотя пока документальных подтверждений этого факта не обнаружено, но свидетельство того же Курлова достаточно убедительно: «Спустя несколько дней (после 13 марта. — Е. Б.), по требованию солдат третьего стрелкового полка, нас перевели на солдатский паек и отняли кровати и собственное белье»¹⁵².

Пищу новым заключенным в тюрьму носили солдаты местной команды. Один из них, Я. А. Артемьев, пишет об этом в своих воспоминаниях: «И после свержения царя Николая, там же сидели придворные царя, Анна Вырубова, и вот они получают уже пищу с одного котла с нами. Мне не приходилось носить им пищу, а наши солдаты носили в термосах»¹⁵³.

Необходимо отметить, что арест и заключение в тюрьму крепости бывших сановников царя были проведены Временным правительством под нажимом революционного, восставшего народа, требовавшего возмездия.

Чувство удовлетворения от арестов и заключения приспешников царя в Петропавловскую крепость прекрасно выражено в известном стихотворении революционного поэта Демьяна Бедного «Твердыня власти роковой». Оно было напечатано в первом номере большевистской газеты «Правда», вышедшей 5 марта 1917 года:

«Власть» тосковала по «твердыне»,
«Твердыня» плакала по «власти».
К довольству общему — отныне
В одно слились обе части.
Всяк справедливостью утешен:
«Власть» в подходящей обстановке,
Какое зрелище: повешен
Палач на собственной веревке!

Но хотя Временным правительством и была создана Чрезвычайная следственная комиссия для расследования преступной деятельности бывших императорских министров и генералов, новые буржуазные правители не торопились с вынесением приговоров. Комиссия заседала весь март, апрель, май и июнь, и единственным

полезным делом, которое она совершила, были объемистые тома подробнейших протоколов допросов, которые теперь служат для нас документальными источниками. Практических выводов из ее деятельности Временное правительство не сделало. Более того, в мае многие заключенные были подведены под амнистию и выпущены из крепости.

Таким образом, и это завоевание народа в дни Февральской революции было сведено буржуазным, империалистическим, контрреволюционным Временным правительством на нет.

Завершая описание участия солдат гарнизона крепости в Февральской революции, можно сделать следующие основные выводы:

1. Несмотря на сильную изолированность, усиленную и поддержанную реакционным офицерством крепости, солдаты гарнизона сумели проявить необходимую политическую сознательность, не стали стрелять в восставший народ и сами открыли ворота крепости и ее Арсенала перед революционными колоннами рабочих и солдат.

2. Правда, как и во всем гарнизоне Петрограда, действия солдат Петропавловской крепости были еще стихийны, недостаточно организованны, не было достаточной связи между отдельными частями, составлявшими гарнизон крепости.

3. Не все части гарнизона действовали одинаково активно; степень активности определялась социальным составом частей. Наиболее организованно, целым коллективом выступали солдаты команды Петроартсклада, — части с наивысшим процентом рабочих, переодетых в солдатские шинели, и, кроме того, сильнее всех связанной с вольнонаемными рабочими-металлистами Петрограда.

Все эти основные выводы важны для дальнейшей характеристики политических настроений гарнизона Петропавловской крепости. Большевизация его частей проходила также неравномерно. Ведущей частью и здесь оставалась команда Петроградского артиллерийского склада, в которой и была создана большевистская ячейка крепости. Именно через нее были налажены и постоянно поддерживались связи гарнизона крепости с органами большевистской партии, в частности с Военной организацией при ЦК РСДРП(б). Наиболее активные солдаты команды Петроартсклада вели большую пропагандистскую, разъяснительную работу в гарнизоне крепости.

Об этом мы поговорим более подробно в следующей главе.

ГЛАВА 4

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В МАРТЕ – ИЮНЕ 1917 ГОДА

Создание и деятельность в Петропавловской крепости ротных, полковых и гарнизонного комитетов

После победы Февральской революции в жизни гарнизона Петропавловской крепости произошли некоторые изменения. Прежде всего, как уже говорилось, был сменен комендант крепости, затем был назначен новый заведующий Трубецким бастионом, расформирована жандармская наблюдательная команда и вместо нее на охрану заключенных царских министров, генералов и прочих сановников назначены солдаты из других воинских частей Петрограда.

Изменились и взаимоотношения солдат и офицерства: солдаты получили гораздо большую физическую и, что особенно важно, политическую свободу, могли теперь свободно собираться, высказывать свои взгляды, приглашать на свои митинги и собрания ораторов, спорить и добиваться истины. Это было одним из главных завоеваний Февральской революции. Облегчился и распорядок дня солдат, их уже не мучили так, как прежде, муштрой и шагистикой.

Все это — и события революции, и завоеванная свобода — порождали у солдат колоссальную тягу к политическим вопросам, к участию в политической жизни города. Конечно, не везде и не всегда они могли сразу узнать и понять все свои права, тем более, что офицеры всячески старались оттеснить их от политики, от конкретных политических действий и участия в работе различных новых политических организаций, которые создавались после революции. И все же, как ни слаба была политическая развитость солдат, не во всем уступали они офицерам, стараясь посылать во время выборов своих представителей. Их было больше там, где офицеры были более контрреволюционны, а в тех частях, где офицеры умели «подыгрывать» революции, маскироваться под «любимцев полка», под демократию, там солдаты, неискушенные в тонкостях политических ухищрений, уступали и выдвигали офицеров в выборные органы.

Одними из самых первых выборных органов в армии были солдатские комитеты. Они создавались параллельно и одновременно с рабочими комитетами сразу же после февральских дней. Эти комитеты были первичной, низовой организацией Советов в армии. Они создавались по территориальному признаку. Поэтому в каждой части были и ротные, и командные, и полковые комитеты, а в крепости, из-за ее сложной структуры, избран был также и гарнизонный комитет.

Выборы в эти органы проходили повсеместно в марте, в первые же дни после победы революции. Так, вероятно, было и в крепости. Документы, сохранившиеся в архивах, не дают нам, к сожалению, точных данных о том, в какой части и когда были проведены эти выборы. Мы большей частью узнаем из них только о составе избранного комитета. А так как этот состав объявлялся в приказах по части

ее начальником, то и публикуется он далеко не сразу, иногда даже со значительным запозданием. Литература же не дает пока никаких сведений по этому вопросу. Так что при освещении его придется ограничиться только данными архивов и воспоминаниями самих солдат.

Комитеты создавались в частях как органы солдатской власти на местах. Они могли контролировать и ограничивать власть начальника части, а, если нужно, идти ей наперекор. Комитеты рассматривали на своих заседаниях, которые проводились довольно часто и регулярно, все вопросы, касающиеся жизни части, — от самых мелких до очень важных, от чисто хозяйственных — до сугубо политических. Значение комитета в жизни части и определялось тем, каких вопросов он касался, насколько они затрагивали интересы всех солдат, насколько широкое политическое значение имели эти вопросы. Если комитет занимался только хозяйственными вопросами, да еще, к тому же, и мелкими, незначительными, то роль его в жизни части была очень маленькой, солдаты не интересовались комитетом, и он не руководил ими, был далек от их запросов и интересов. Так чаще всего бывало, если в состав комитета приходили офицеры. Они старались отвлечь внимание солдат от политической жизни и добивались только того, что превращали комитет в никому не нужную говорильню.

Если же во главе комитета стояли солдаты, то, почти всегда, на заседаниях его, наравне с вопросами хозяйственной жизни полка или роты, ставились и политические вопросы. Это делало комитет действительным центром политической жизни части, он начинал работать в контакте с большевистской ячейкой и делал очень много для проявления политических взглядов солдат, для их идейного роста и развития.

Все это чрезвычайно наглядно видно на работе ротных, полковых и гарнизонного комитетов, созданных в частях, расположенных в Петропавловской крепости.

Документы, сохранившиеся в архивах, не дают возможности составить полную и глубокую картину состава комитетов, их политической ориентации, изменения состава. В протоколах комитетов некоторых частей, сохранившихся в Центральном военно-историческом архиве, зафиксированы вопросы, которые рассматривал тот или иной комитет, но состав комитета почти никогда полностью не перечисляется, а называются только фамилии присутствующих на заседании. В приказах по частям, хранящихся в том же архиве, иногда приводится списочный состав комитетов, но в этих списках, конечно, никогда не указывается партийная принадлежность каждого.

Но все же пока это единственные документы, по которым мы можем представить структуру, состав и хотя бы некоторую деятельность комитетов.

Структура комитетов в гарнизоне крепости была сложной. Каждая часть имела свой отдельный ротный комитет, причем не один. Например, в артиллерийском складе было три комитета: ротный комитет, команды Петроградского артсклада, ротный комитет управления склада и комитет чинов (то есть военных чиновников) склада. Кроме того, существовал центральный комитет рабочих и солдат Петроартсклада, куда выбирались представители не только от солдат команды Петроартсклада, но и от вольнонаемных рабочих, прикомандированных к складу. Для координации функций всех этих комитетов и контроля за деятельностью администрации склада

в марте был создан соединенный комитет Петроартсклада. Из всех этих комитетов для нас представляют интерес только ротный комитет команды Петроартсклада и центральный комитет рабочих и солдат Петроартсклада, ибо они состояли преимущественно из солдат и рабочих, почти не включая представителей офицерства. Только в ротном комитете команды склада в числе членов был один прапорщик. Соотношение числа солдат и рабочих в центральном комитете первоначально было очень показательным: 6 солдат и 7 рабочих¹⁵⁴. Как нам кажется, это говорит не только о том, что между солдатами и рабочими существовала большая дружба и единство взглядов, но и о том, что солдаты признавали за рабочими в какой-то мере руководящее начало. (Любопытно, что после июльских событий начальник Петроартсклада попытался свести на нет влияние рабочих в Центральном комитете и издал приказ о производстве перевыборов в комитет на новых началах: от солдат — 8 представителей, от рабочих — 4, и ввел двух представителей от администрации управления склада¹⁵⁵. На наш взгляд, этот факт ярко свидетельствует о том, насколько сильным влиянием пользовались рабочие в Центральном комитете Петроартсклада.) Необходимо подчеркнуть, что председателем комитета также был рабочий. Документы дают возможность установить пока только один состав центрального комитета, который был объявлен в приказе по Петроартскладу № 115 от 25 апреля 1917 года. В приказе говорится, что данный список членов комитета склада относится к 21 апреля 1917 года. В комитет избраны двое солдат от оружейного отдела, один от артиллерийской мастерской, один от отдела артиллерии, один от команды склада и один от управления склада — итого шесть солдат. Рабочие: двое от оружейного отдела, один от арт. мастерской, четыре от отдела артиллерии — итого семь. Председатель — рабочий арт. мастерской Владимир Морозов, товарищ председателя — солдат отд. артиллерии Матвей Рыбаков, секретарь — рабочий отд. артиллерии Федор Гучин¹⁵⁶. Других фамилий не называем за отсутствием сведений. Ничего не удалось выяснить и о названных товарищах. Насколько долго сохранялся этот состав, трудно сказать точно, но, судя по приказу начальника Петроартсклада (все комитеты представляли свои протоколы начальнику части, и об их составе обязательно объявлялось приказом), состав этот не менялся до самых июльских дней, то есть до конца июля 1917 года, когда были проведены перевыборы.

О деятельности этого комитета мы знаем чрезвычайно мало. В архивных документах вообще не удалось ничего обнаружить. Некоторый свет на интересующий нас вопрос проливает только статья, помещенная в газете «Солдатская правда» от 10 мая 1917 года под заголовком «Рабочие и солдаты берут контроль над оружием в свои руки». Газета публикует полный текст резолюции, принятой Центральным комитетом Петроградского артиллерийского склада на заседании, состоявшемся 21 апреля 1917 года¹⁵⁷.

Публикация этого документа «Солдатской правдой» имеет для нас очень большое значение. Во-первых, сам факт появления такой информации в газете говорит о том, что у солдат Петроартсклада уже в апреле была налажена тесная связь с Военной организацией большевиков. Во-вторых, тот факт, что редакция газеты, будучи буквально завалена многочисленной корреспонденцией от солдат фронтовых

и тыловых частей, все же нашла нужным поместить этот материал, говорит о том, что руководители «военки» считали его достаточно важным. В-третьих, номер протокола, указанный в публикуемом документе, и его дата дают возможность уточнить данные архива, которые позволили нам определить состав Центрального комитета; и, в-четвертых, подписи под резолюцией подтверждают данные архивного документа.

Приказ, обнаруженный в Военно-историческом архиве, сообщает фамилии членов комитета, относя их без всякого объяснения к 21 апреля 1917 года. По этому документу ничего нельзя сказать о том, когда же был создан комитет. Номер протокола, стоящий в публикуемой в газете резолюции, — седьмой, и его дата — 21 апреля, говорят о том, что ко времени опубликования состава комитета в приказе по Петроартскладу он уже давно действовал, а не был только что создан, как можно было бы решить. Причем, поскольку подписи под протоколом те же самые — председатель В. Морозов и секретарь Гучин — значит, комитет в таком составе и был избран в самом начале, а список, который мы узнали из архива, — действительно самый первый. То, что он был опубликован значительно позже действительного момента создания, вернее, избрания комитета, легко может быть объяснено волокитой, которая была характерна для работы ротных канцелярий.

Итак, обратимся к самой резолюции. Приведу ее текст полностью, поскольку он действительно очень важен и интересен:

«РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ БЕРУТ КОНТРОЛЬ НАД оружием в свои руки.

Протокол № 7. Соединенного собрания членов: Центрального Комитета рабочих и солдат, Ротного Комитета команды склада, Ротного Комитета писарей Управления Склада и Комитета конторщиков Петроградского Артиллерийского склада от 21 апреля 1917 г.

На очередь дня поставлен вопрос относительно отпуска оружия из склада гг. офицерам и классным чинам.

Резолюция

Соединенное собрание, заслушав доклад одного из членов собрания, что за последнее время из Петроградского Артиллерийского склада масса отпускается гг. офицерам и классным чинам как огнестрельного, так и холодного оружия, лишь только по запискам Управления Петроградского Артиллерийского склада со ссылкой на №№ предписаний Военно-Окружного Артиллерийского Управления, не имея данных, на каком основании В.О.А.У. выдает предписания на отпуск оружия. Собрание пришло к заключению, что отпуск оружия, как гг. офицерам, так и классным чинам из Петроградского Артиллерийского склада должен производиться только тем лицам, которые имеют удостоверение Ротного Комитета своей части, а отнюдь не от командира, а потому п о с т а - н о в и л о предложить Военно-Окружному Артиллерийскому Управлению Петроградского Военного Округа, чтобы оно выдавало предписания на отпуск оружия только тем офицерам и классным чинам, у которых имеются удостоверения от своего Ротного Комитета и скрепленное подписью председателя и секретаря и печатью, но отнюдь не по запискам и указаниям командиров частей.

Причем собрание также предлагает В.О.А.У. чтобы все удостоверения Ротных Комитетов на отпуск оружия препровождались в отдел оружия склада при предписаниях об отпуске

Председатель В. Морозов

Секретарь Гущен».

(В № 10 «Солдатской правды» редакция напечатала исправление этой, ошибочно набранной, фамилии на «Гучин». — Е. Б.)

Необходимо проанализировать этот интересный документ.

Во-первых, надо отметить, что речь идет не просто о заседании Центрального комитета склада, а о соединенном собрании Центрального и всех ротных комитетов склада. Это говорит о том, что вопросу, который ставился на обсуждение, придавалось особое значение. Во-вторых, обращает на себя внимание тон, которым написана резолюция, — спокойный, властный, уверенный в своей силе. Солдаты и рабочие диктуют свои условия не только администрации своего склада, но и Военно-окружному артиллерийскому управлению Петроградского военного округа! Если сравнить этот тон даже с эпизодом восстания солдат команды склада в февральские дни, сразу можно почувствовать громадную разницу в сознании солдат: тогда они действовали стихийно, вслепую, рисковали, не зная, что их ждет впереди. Сейчас же, под руководством возглавляющих комитет рабочих, они действуют четко, уверенно, открыто.

Что же касается содержания документа, то оно также чрезвычайно показательное. Стремление ограничить и поставить под жесткий контроль вооружение офицеров и классных чинов (т. е. чиновников, одетых в военные мундиры и служащих в военных штабах и канцеляриях) — чисто политическая задача, задача ограничения прав и силы представителей буржуазного класса. Она говорит о том, что в своей деятельности Центральный комитет Петроартсклада ставил вопросы, которые волновали всех солдат, а не уходил только в хозяйственные и административные функции и поддерживал связь с военной организацией большевиков.

К сожалению, мы пока не можем проследить, как выполнялась в действительности эта резолюция. Но сама постановка вопроса, близкая к той, которая имела место накануне Октябрьского вооруженного восстания, говорит о сильно возросшей классовой и политической сознательности рабочих и солдат Петроартсклада. А ведь с момента Февральской революции прошло меньше месяца! Это означает, что каждый новый день приносил все новые уроки, что и близость особняка Кшесинской, и создание партийной большевистской ячейки в команде склада имели громадное влияние на рост сознательности солдат, на большевизацию их настроений.

Из присутствовавших на соединенном собрании ротных комитетов наиболее революционным и большевистским по составу и работе был ротный комитет команды Петроартсклада. Писари управления и конторщики, хотя и присоединились к резолюции, вряд ли могли быть последовательно революционно настроены, ибо в писари отбирались те из солдат, которые были наиболее грамотными,

развитыми и благонадежными. Конечно, туда попадали по большей части кулацкие и буржуйские сынки.

Из всех этих ротных комитетов нам известен лишь состав ротного комитета команды Петроградского артиллерийского склада (из приказа по складу от 12 мая 1917 года за № 132¹⁵⁸). Безусловно, это не первый состав комитета, но почему-то более раннего списка в приказе опубликовано не было. Комитет состоит из 15 членов, среди которых один прапорщик, а остальные — солдаты команды. В числе членов комитета названы: Иван Павлов, руководивший командой в ночь на 28 февраля 1917 года; Александр Шорохов, один из членов большевистской ячейки команды склада, получивший 10 мая 1917 года членский билет Военной организации РСДРП(б)¹⁵⁹. Из других членов комитета впоследствии, в других документах, попадаетеся фамилия рядового Ивана Алешечкина, который был членом или сочувствующим партии эсеров и особенно активно проявил себя в период после июльских дней. Проливают свет на партийную принадлежность членов комитета протоколы следственной комиссии, созданной А. Ф. Керенским после июльских дней для «расследования» дела «о вооруженном восстании большевиков 3–5 июля 1917 года», как было сформулировано в приказе Керенского. В протоколах есть записи допросов некоторых солдат команды Петроартсклада. Они и позволяют установить партийную принадлежность солдат. Алешечкин — эсер¹⁶⁰, Филипп Сорокин — анархист-толстовец¹⁶¹, Шорохов — член военной организации большевиков¹⁶², Иван Павлов — член военной организации социалистов-революционеров (эсеров)¹⁶³. Кроме того, эти показания солдат позволяют установить, что до 3–5 июля приведенный нами состав ротного комитета команды склада переизбирался, так как Алешечкин и Павлов называют себя бывшими членами ротного комитета команды склада, Сорокин и Шорохов — членами гарнизонного комитета, а о ротном даже не упоминают. Членами ротного комитета называют себя некоторые другие солдаты, фамилий которых нет в обнаруженном нами документе, например Борис Голубев¹⁶⁴ и Дмитрий Трещев¹⁶⁵. Партийная принадлежность обоих этих солдат, вновь избранных членов ротного комитета, такова: Голубев — член Военной организации большевиков, Трещев — сочувствующий большевистскому течению. Это позволяет сделать очень важный и интересный для нас вывод, что перевыборы комитета проходили в условиях усилившегося влияния большевиков, когда в комитет проходили представители наиболее революционной части солдат команды склада.

Более подробную характеристику из всех членов комитета мы можем дать только Ивану Павлову. На допросе в июле 1917 года этот солдат назвал себя членом военной организации эсеров, однако, если обратиться, например, к воспоминаниям Г. И. Благоднава, относящимся к периоду октября 1917 года, то он пишет о Павлове следующее: «В крепости имеется большевистская ячейка под председательством Павлова, солдата местной команды...»¹⁶⁶. То же самое пишет в своих воспоминаниях другой комиссар Петропавловской крепости от ВРК — М. К. Тер-Арутюнянц: «В тот же час я отправился в Петропавловскую крепость, попросил руководителя парторганизации крепости и арсенала Павлова созвать объединенное партийное собрание крепости и арсенала...»¹⁶⁷. Опираясь на эти воспоминания, все исследователи,

которые писали об Октябрьском вооруженном восстании и хотя бы в малой степени касались гарнизона Петропавловской крепости, не только повторяли сказанное большевистскими комиссарами крепости, но и переносили руководящую роль Павлова в большевистской партийной ячейке на более ранний период. Это неверно. Павлов не мог быть руководителем партийной ячейки в крепости в период, предшествовавший октябрю 1917 года, так как он сам называет себя членом военной организации партии эсеров. К вопросу о том, был ли он во главе ячейки в октябре 1917 года, мы обратимся позже, в соответствующей главе. Сейчас нужно решить вопрос о политических взглядах Павлова в первый, мирный период развития революции, ибо он был одним из наиболее активных солдат команды Петроартсклада, а следовательно, и ротного комитета.

Противоречия между показаниями самого Павлова и воспоминаниями Г. И. Благоднарова и М. К. Тер-Арутюнянца можно объяснить довольно легко, обратившись к тем документам Павлова, которые были мною обнаружены у его дочери Надежды Ивановны Сычевой (проживает в Ленинграде, по адресу: Петропавловская ул., д. 4, кв. 49). Надежда Ивановна передала музею сохранные ею несколько страничек автобиографии Павлова и копии его партийных документов и рекомендаций, заверенные Петроградским РК ВКП(б) в 1932 году (подлинники утеряны в годы блокады). Все эти документы показывают, что Павлов вступил в партию эсеров восемнадцатилетним рабочим пареньком, когда еще очень плохо разбирался в политических вопросах. Постоянная революционная работа и события 1917 года многое изменили в его взглядах, и в 1917 году он уже числился в партии эсеров чисто формально, видимо, не придавая значения организационной стороне дела. Всеми своими помыслами и делами он был связан с большевистской партией, был активным членом большевистской ячейки крепости. Закрепил ли Павлов документально свое пребывание в рядах большевистской партии в 1917 году до вооруженного восстания, установить не удалось. Подробнее о биографии Павлова и его работе в партийной ячейке крепости я скажу, когда буду говорить о создании и деятельности ячейки. Сейчас же, чтобы закончить характеристику Павлова как члена ротного комитета команды склада, приведу несколько строк из воспоминаний И. И. Орехова, очень тепло пишущего о своем товарище: «У нас в команде артиллерийского склада к этому времени (к июлю 1917 года. — Е. Б.) особый авторитет завоевал тов. Павлов Иван Васильевич: хотя он был беспартийный, но всем сердцем стоял за партию большевиков и хорошо владел ораторской способностью»¹⁶⁸. Сам Павлов в своей биографии — к сожалению, очень короткой — так пишет о работе в ротном комитете: «Безвыходное пребывание в командном комитете, а также и в гарнизоном комитете...»¹⁶⁹.

Конкретная деятельность ротного комитета команды склада мне неизвестна, так как протоколов заседаний комитета не сохранилось (во всяком случае, они не были обнаружены в просмотренных мною архивах). Но, судя по составу комитета — из 15 членов 14 солдат, а также и по тому, что во всех составах комитета были солдаты-большевики или сочувствующие партии большевиков, можно сказать, что этот комитет играл значительную роль как в организационно-хозяйственной,

так и в политической жизни команды склада и, вероятно, больше других комитетов отражал действительные настроения большинства солдат команды.

О том, какую активность развивал ротный комитет, можно судить хотя бы по одному объявлению, обнаруженному в газете «Известия» № 53 от 29 апреля 1917 года: «В понедельник, 1 мая с. г. в 5 ч. вечера состоится в помещении цирка „Модерн“ (Каменноостр. пр.) митинг, устраиваемый Ротным Комитетом Команды Петроградского Артиллерийского склада». Снять в день праздника Первого мая одно из самых популярных в городе помещений для проведения митинга своей команды ротный комитет мог, безусловно, только потому, что уже за март и апрель 1917 года зарекомендовал себя сильным, пользующимся большим доверием солдат органом. Если вспомнить, каковы размеры зала цирка «Модерн», то нельзя не предположить, что ротный комитет собрал в нем не только солдат команды Петроартсклада, но и чуть ли не весь гарнизон крепости. И, безусловно, вопрос, который мог быть поставлен на повестку дня митинга, назначенного на день Первого мая, мог быть только политическим.

Несколько больше документов сохранилось о ротном комитете отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии. В ЦГВИА были обнаружены не только приказы по Петроградской крепостной артиллерии, где, как уже было сказано, объявлялось о составе вновь избранных комитетов, но и протоколы созданного в мае 1917 года полкового комитета Петроградской крепостной артиллерии. Объясню структуру комитетов крепостной артиллерии. В главе 1 мною была охарактеризована структура этой части: она состояла из отдельной роты и батальона крепостной артиллерии, в свою очередь состоявшего из четырех рот, каждая по четыре батареи, пулеметной и прожекторной команд и команды шоферов. Соответственно создавались и комитеты: каждая рота и команда имела свой комитет, батальон имел свой батальонный комитет и, кроме того, в мае дополнительно к этим комитетам был создан полковой комитет, куда вошли представители всех рот батальона и представители отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии.

Удалось найти документы о составе ротного комитета отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии и документы, характеризующие состав и деятельность полкового комитета крепостной артиллерии. Особый интерес для нас представляет состав ротного комитета отдельной роты крепостной артиллерии, так как именно эта часть из всей Петроградской крепостной артиллерии была расквартирована в самой Петропавловской крепости. Первое упоминание о создании ротного комитета встречается в приказе по Петроградской крепостной артиллерии № 73 от 14 марта 1917 года. Приказ сообщает и дату избрания комитета — 8 марта. Можно с уверенностью считать этот состав комитета первым¹⁷⁰.

Комитет состоит из председателя — вольноопределяющегося Феодоровича, его товарища (заместителя) — вольноопределяющегося Гродницкого, четырех представителей от всех взводов и четырех кандидатов, также по одному от каждого взвода. Причем, из всех десяти членов и кандидатов комитета только один был офицером — подпрапорщик из 1-го взвода. К сожалению, никаких данных о членах комитета, за исключением председателя, не обнаружено.

Этот состав комитета просуществовал до 14 апреля 1917 года, когда на общем собрании солдат и офицеров отдельной роты были проведены перевыборы, о чем сообщается в приказе по Петроградской крепостной артиллерии № 108 от 18 апреля¹⁷¹. От первого состава в комитете остались Феодорович, Гродницкий, оба представителя 4-го взвода и один из представителей 3-го взвода. Но председателем комитета вместо Феодоровича стал Гродницкий, а Феодорович назван представителем в команде от всей роты. В связи с этим численность комитета увеличилась с 10 до 19 человек. Наименование «кандидат» исчезло, оба делегата от каждого взвода называются просто представителями. Дальнейшее изменение состава проследить не удалось, так как иных документов о нем в архиве обнаружено не было. Примечательно, что во втором составе комитета единственный прапорщик исчез, и весь состав стал целиком солдатским. Представителями администрации и штаба, вероятно, можно считать двух старших писарей, введенных в состав комитета, один из которых стал товарищем председателя.

Интересной фигурой комитета является его первый председатель (а затем просто член) Феодорович. Есть все основания предполагать, что это именно тот Феодорович, который являлся членом Военной организации большевиков, сотрудником «Солдатской правды»¹⁷². Прямых доказательств этого у нас нет, ибо биографии Феодоровича (или, как часто писали его фамилию, Теодоровича) как члена Военной организации обнаружить не удалось. Но есть несколько соображений, которые дают нам возможность сделать такое предположение. Во-первых, в мае 1917 года Феодорович из отдельной роты крепостной артиллерии вошел в полковой комитет крепостной артиллерии. А этот комитет одним из своих пунктов деятельности поставил «примкнуть к политическому клубу гарнизона Петроградской крепости»¹⁷³. По воспоминаниям И. И. Орехова и по заметке об открытии клуба в «Правде» мы знаем, что организатором клуба был сам Феодорович. Значит, это одно и то же лицо, ибо, конечно, пункт постановления полкового комитета об участии в работе клуба был принят не без содействия Феодоровича — его организатора. Во-вторых, если Феодорович принимал активное участие в организации клуба, был его создателем, значит, он должен был быть тесно связанным с Военной организацией большевиков, ибо после создания клуба «Правда» во дворце Кшесинской сеть таких клубов для солдат стала разворачиваться по всему городу, и об этом отчитывались руководители «военки» на городских партийных конференциях. Но если есть один Феодорович — член Военной организации большевиков, и другой Феодорович, который, будучи вольноопределяющимся отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии, организует политический клуб в крепости и тесно связан с той же военной организацией, естественно предположить, что это одно и то же лицо, тем более что и тот и другой — вольноопределяющиеся. Поэтому условно мы будем считать Феодоровича из отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии членом Петроградской «военки» большевиков, а значит, довольно опытным партийным организатором.

Данных о деятельности ротного комитета отдельной роты крепости артиллерии не обнаружено. Зато найдены интересные документы, характеризующие создание

и работу полкового комитета Петроградской крепостной артиллерии¹⁷⁴. Расскажем об этом подробнее, ибо на примере полкового комитета Петроградской крепостной артиллерии можно яснее представить себе цели и характер деятельности других ротных и иных комитетов, данных о которых пока не найдено.

Комитет был избран закрытой баллотировкой и собрался на первое заседание 26 мая 1917 года. Председателем комитета был выбран прапорщик Бекташев, его помощником — товарищем председателя — Феодорович (в протоколах фамилия его вновь искажена и значится как «Федорович»). Точное число членов комитета не указано ни в протоколе ни в приказе по Петроградской крепостной артиллерии. Судя по подписям, в комитете, помимо президиума — то есть председателя, товарища председателя и секретаря, — было еще восемь членов, причем трое из них значились кандидатами на места членов президиума. Задачи, которые ставил себе в работе полковой комитет, специально в протоколе не сформулированы, но по пунктам разбиравшихся в заседании вопросов можно судить о направленности деятельности комитета. Вот эти пункты в сжатом изложении: 1) распределение обязанностей между членами комитета; 2) культурно-просветительная задача батальона, в связи с которой комитет постановил: примкнуть к политическому клубу гарнизона Петроградской крепости, участвуя в нем своим трудом и материальными средствами, а также носить настоящее постановление комитету рабочих Путиловского завода и просить согласия комитета о передаче имеющихся сумм той политической организации, к которой примкнул батальон; 3) приварочные деньги батальона: распорядиться ими должен полковой комитет; 4) просить начальника артиллерии разрешения использовать аванс для хозяйственных надобностей батальона; 5) возложить ведение канцелярских дел комитета на писарей батальонной канцелярии; 6) поручить председателю Феодоровичу достать автомобиль для обслуживания нужд политического клуба; 7) собираться комитету раз в неделю по четвергам.

Таким образом, становится ясно, что комитет ставил перед собой задачи как агитационно-просветительного, политического характера (активная работа в политическом клубе крепости), так и хозяйственные, причем стремился взять под контроль всю финансовую жизнь батальона. Судя по формулировке пункта об агитационно-просветительной работе в бастии, комитет не торопился прояснять ее политическую, партийную направленность, отдавая эту сторону деятельности всецело в распоряжение существующего в крепости политического клуба. Любопытно напомнить, что клуб был создан в крепости всего лишь четырьмя днями ранее — 22 мая. Возможно, что такая обтекаемая политическая формулировка отражала выжидательную позицию комитета, внутри которого тоже еще не было достигнуто единство взглядов. Ведь из одиннадцати членов комитета, подписи которых стоят под первым протоколом, трое были офицерами, один (Феодорович) — вольноопределяющимся и, вероятно, большевиком, а еще семеро — солдатами. Идти прямо наперекор воле большинства членов комитета офицеры не могли, поэтому, вероятно, и появилась такая неопределенная формулировка: «той политической организации, к которой примкнул батальон». Из заметки в «Правде» об открытии клуба следует, что на торжественном митинге в день открытия выступали представители всех

политических партий. А из показаний солдат и офицеров гарнизона, данных ими в июле–августе 1917 года комиссии Керенского, расследовавшей события июльских дней, явствует, что и на этом митинге, и на всех последующих единственным вниманием и сочувствием солдат пользовались только ораторы большевистской партии. Исходя из этого, приведенную выше формулировку следует трактовать как уступку большевистским настроениям солдат со стороны офицерской части комитета, неловкой попыткой закрыть глаза на подлинное положение дел.

Дальнейшее знакомство с протоколами комитета приводит к выводу, что все свои функции комитет свел к чисто хозяйственным, к тому же мелким делам. За три месяца деятельности — с 26 мая по 15 сентября 1917 года, когда данный состав был переизбран, на заседаниях комитета слушались всего два политических вопроса. Первый — на заседании 14 июня 1917 года (протокол № 5) — «Об участии в манифестации 18 июня с. г.», и второй¹⁷⁵ — 15 июля — «Доклад прапорщика Цыбульского по выработке условий учреждения при Петроградской крепостной артиллерии Совета солдатских депутатов («малого совета»)). По первому вопросу была принята следующая резолюция: «Участие Петроградской крепостной артиллерии в манифестации желательно, но ввиду специальной службы батальона и технических затруднений батальон выступить не может. Отдельное выступление недопустимо. Петроградская крепостная артиллерия обязуется поддержать порядок на местах». Эта формулировка дает нам право охарактеризовать позицию комитета как соглашательскую, причем вредно соглашательскую, направленную на возможный срыв мероприятий, проводимых большевистской партией. Возможность принятия именно такой формулировки появилась, вероятно, потому, что солдатскую часть комитета перестала интересоваться его работа, и они стали посещать заседания комитета от случая к случаю. Об этом свидетельствует первый пункт протокола № 6 (т. е. следующего заседания, состоявшегося 22 июня), который гласит: «Вменить всем членам полкового артиллерийского комитета посещать аккуратно заседания комитета, быть работоспособными, интересоваться общим делом тех представителей, от которых они выбраны, защищать интересы и оповещать на батареях обо всем, что постановлено в комитете. Без уважительных причин члены полкового не могут отсутствовать на заседаниях, в противном случае они должны послать заместителя»¹⁷⁶.

Второй вопрос, хотя и связан с политической жизнью, носит все же сугубо организационный характер: резолюция излагает основания для проведения выборов в малый совет. Никаких данных об этом малом совете больше нигде найдено не было, поэтому мы ничего не можем сказать о его деятельности.

Итак, заканчивая характеристику деятельности полкового комитета Петроградской крепостной артиллерии, можно сказать, что он не стал органом политической жизни, совершенно не выражал настроений солдат крепостной артиллерии и погряз в разрешении мелких хозяйственных вопросов жизни батальона и отдельной роты крепостной артиллерии.

Документов о составе и деятельности солдатских комитетов Петроградской местной команды и наблюдательной команды не обнаружено.

Из комитетов частей, расположенных в крепости, нам осталось познакомиться с составом и деятельностью ротных комитетов гвардии 3-го стрелкового полка. Напомню, что в крепости располагались 1-я рота, учебная команда, рота особого назначения и нестроевая рота 3-го стрелкового полка. Командир батальона и 2-я рота находились в казармах на Вознесенском пр. (ныне пр. Майорова). Это позволяет судить о том, какие ротные комитеты полка действовали на территории крепости. В архиве сохранились не все документы ротных комитетов полка. Не полностью сохранились также протоколы батальонного комитета. Документов ротных комитетов частей, расположенных в крепости, не обнаружено. Найдено несколько протоколов батальонного (полкового) комитета, заседания которого проводились на Вознесенском проспекте. Но все же для характеристики настроений комитетов и их состава в целом остановлюсь вкратце на его составе и политической ориентации.

В архиве хранятся протоколы батальонного комитета с № 18 (от 26 апреля 1917 года) до № 47 (от 3 июля того же года)¹⁷⁷.

В это время председателем комитета был полковник Семенов (командир полка). Не в пример полковому комитету Петроградской крепостной артиллерии этот комитет проявлял явную политическую активность. На заседаниях комитета неоднократно ставились на обсуждение вопросы «текущего момента», и резолюции по этим вопросам тщательно отредактированы и написаны литературным, далеко не солдатским языком. Одной из наиболее характерных является следующая резолюция, которую приведу полностью:

«Слушали: 1. Заявление Командира Батальона. Сообщая батальонному комитету, что 9-го сего мая я, совместно с другими начальниками частей гор. Петрограда и его окрестностей, Помощнику Главнокомандующего Поручику Кузьмину дал честное слово служить русской демократии и пожертвовать, если понадобится, жизнью за свободу России. Стремиться всеми силами к проведению и укреплению демократической республики и того социального строя, который будет установлен Учредительным Собранием.

В отношении военной службы считать основным принципом широкую демократизацию армии. Резолюция в этом духе мною подписана сознательно и с полной верой в будущее, так как убежден, что и все чины батальона одушевлены теми же стремлениями. Настоящее сообщение делаю, дабы батальон знал то политическое направление, которое исповедует его командир, и то обещание, которое дал помощнику Главнокомандующего, т. е. лицу, пользующемуся доверием нового Военного Министра гражданина Керенского. Постановили: 1. Заявление принять к сведению, причем батальонный комитет вполне поддерживает это заявление»¹⁷⁸

Данный состав комитета был переизбран в конце мая 1917 года. Вместо полковника Семенова во главе комитета стал подпоручик Крылатов¹⁷⁹, который командовал учебными командами 3-го стрелкового полка, расположенного в крепости.

Политическая ориентация комитета после этого не изменилась. Вот отрывок из резолюции комитета, принятой 30 мая 1917 года: «Выразить полное доверие товарищам А. Ф. Керенскому и его помощникам г-м Половцеву и пор. Кузьмину, как истинным защитникам интересов русской единоличники и трудовых классов...»¹⁸⁰.

Цитированные документы прекрасно характеризуют воинствующий дух офицерского по составу и буржуазного по взглядам полкового комитета, чрезвычайно далекого от выражения настроений солдат-стрелков. В то же время офицеры полка всячески стремились заигрывать с солдатами, строили из себя «друзей» и «любимцев». На одном из заседаний комитета разбирался вопрос о причастности трех офицеров полка (в том числе и капитана Мышлаевского, бывшего командиром эшелона полка, расположенного в крепости) к сожжению полковых документов делопроизводителем Винокуровым. В протоколе указывается, что вопрос разбирается потому, что у солдат возникло недоверие к этим офицерам. Никаких доказательств невиновности офицеров не приводится, однако комитет спешит выразить им свое полное доверие, опираясь на то, что они якобы всегда были «любимцами» своих рот и команд — даже и при «старом режиме». «Означенные офицеры были для всех подчиненных им солдат полка, — говорится в протоколе, — добрыми начальниками и товарищами и всегда старались на пользу стрелкам»¹⁸¹. О том, насколько фальшиво это заявление, свидетельствуют не только приведенные нами в первой главе отрывки из воспоминаний стрелка П. И. Пермякова, который описывал положение солдат в полку перед началом Февральской революции. В том же Военно-историческом архиве нам удалось обнаружить чрезвычайно любопытное письмо одного из солдат-стрелков 2-й роты полка с жалобой на положение солдат и отношение к ним офицеров. Письмо написано человеком едва грамотным и к тому же украинцем (из воспоминаний Пермякова мы знаем, что в полку было много солдат-новобранцев с Украины). Вот отрывок из этого письма, датированного 10 декабря 1916 года:

«Ваше превосходительство покорно прошу разобрат его дело что Лейб-Гвард. 3-й Стрелковой его величества полка запасной батален какой оборванной ходит босые стрелки ходят... что полагается на стрелке а началство себе карманы набывае а особенно 2-я роте... совсем оборванные ходят... а в 3 стрелковом его величеста полка нет порядку... а ходят стрелки у тех рубахах что из раненых принималы без рукавов у крови... просим разберитесь из етам делам очень страдаем...»¹⁸²

Сопоставление этих двух документов, по-моему, не нуждается в комментариях.

Особенно четко проявилась эта двуличная позиция офицеров в июльские дни, когда они не брезговали самыми недостойными методами шантажа и обмана, чтобы только оградить солдат от большевистского влияния и повернуть события по-своему. Характерно в этом плане следующее заявление прапорщика Деларова, который был членом батальонного комитета: «...у меня так и у Крылатова и Мышлаевского все было направлено к одному не дать большевикам превратить крепость в свою цитадель, а гарнизон в их сторонников».¹⁸³ Эти слова сказаны прапорщиком только

по отношению к июльским дням, но они могут считаться программой всех действий полкового (батальонного) комитета гвардии 3-го стрелкового полка.

Конечно, характеристика батальонного комитета не может заменить характеристик ротных комитетов частей, расположенных в крепости. Однако в какой-то степени она дает возможность представить положение дел, ибо невысокая политическая грамотность солдат 3-го стр. полка и ярко выраженная политическая активность офицеров — те факторы, которые во многом определили, вероятно, и состав, и характер работы ротных комитетов. При таком положении дел становится ясно, что в 3-м стрелковом полку батальонный и ротные комитеты в большинстве своем были далеки от выражения настроений солдатской массы полка, — это подчеркнуть очень важно, ибо после знакомства с работой батальонного (полкового) комитета может сложиться совершенно неверное представление о реакционности настроений солдат полка.

Это было совсем не так. Солдаты думали по-своему и очень живо откликались на те слова правды, которые исходили от единственной партии, по-настоящему выражавшей мысли и чаяния рабочих и солдатских масс, — от партии большевиков.

Ярчайшим доказательством этого является резолюция митинга солдат гвардии 3-го стрелкового полка, состоявшегося 27 мая 1917 года. Текст ее был помещен в газете «Солдатская правда» № 45 от 29 (16) июня 1917 года, в качестве фактического материала к статье тов. Крыленко, напечатанной в предыдущем номере (как указано в примечании к статье).

Прапорщик Николай Васильевич Крыленко был в это время одним из руководителей большевистской Военной организации, замечательным оратором и пропагандистом, любимцем солдат многих полков, находившихся в Петрограде. Он часто выступал с речами в различных воинских частях столицы. Состоялось его выступление и на митинге солдат 3-го стрелкового полка. К сожалению, в тексте заметки и в самой резолюции не указывается, где происходил этот митинг — на территории крепости или в помещении основных казарм полка на Вознесенском пр. Но не это главное, главное — настроение солдат, выраженное в тексте резолюции. Привожу его полностью:

«Настоящим удостоверяем, что гвардии 3-й стрелковый полк на митинге 27-го мая 1917 года единодушно присоединился к тезисам программы прапорщика Крыленко и поручил ему отстаивать их от имени полка на Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов в Петрограде.

Председатель полкового комитета ст. унт.-офицер М. В.

Секретарь поручик Андреев И.»¹⁸⁴.

Документ настолько выразителен, что комментарии к нему излишни. Позволю себе сделать только два немаловажных замечания в этой связи. Во-первых, вызывает удивление подпись председателя полкового комитета (как сказано в газете) — «ст.-унт.-офицер М. В.». Почему-то не указана фамилия, и, кроме того, все это не соответствует данным документов архива. В это время председателем

полкового (батальонного) комитета был подпоручик Крылатов. Он оставался во главе комитета до самых июльских дней — это позволяют точно установить протоколы заседаний комитета, хранящихся в Военно-историческом архиве; на этих документах есть даже подписи Крылатова. Поэтому то, что напечатано в газете, можно, расценивать двояко: или это простая опечатка, или сознательное сокрытие своей действительной фамилии офицером, не желавшим, чтобы его фамилия в большевистской резолюции, опубликованной в большевистской газете, попала на глаза командиру батальона.

Для того чтобы иметь полное представление о комитетах, работавших в крепости, нужно познакомиться с составом и деятельностью гарнизонного комитета Петропавловской крепости. Он составлялся из представителей всех полков и команд, квартировавших на территории крепости. Никаких документов о составе и работе этого комитета не обнаружено, но, исходя из показаний солдат и офицеров гарнизона комиссии Керенского, расследовавшей события июльских дней в июле–августе 1917 года, и воспоминаний бывших солдат гарнизона, можно составить довольно полную картину состава и деятельности комитета.

Численность комитета была довольно большой. Один из его членов, капитан Чарновский, командир Петроградской местной команды, сообщил в своих показаниях, что комитет состоял из 32 членов: 16 представителей от стрелков 3-го стрелкового полка и столько же — от остальных частей крепости¹⁸⁵. Эти данные подтверждает и председатель ротного комитета местной команды Иван Иванов¹⁸⁶.

Хотя списки членов комитета обнаружены не были, удалось установить его частичный состав, пользуясь указанными выше источниками. Назовем некоторых членов комитета от разных частей крепости. От 3-го стрелкового полка: командир 1-й роты полка и начальник крепостного эшелона полка капитан Мышлаевский; командир одного из взводов полка прапорщик Ротин; старший унтер-офицер 1-й роты полка Василий Максимов; солдат Егор Антипов — член ротного комитета роты особого назначения, сочувствующий большевикам. Партийная принадлежность офицеров-стрелков ясна из характеристики батальонного комитета полка. Унтер-офицер Максимов называет себя беспартийным и, судя по его показаниям, он действительно был политически инертным. От команды Петроартсклада: старший фейерверкер Иван Павлов; солдат, член Военной организации большевиков Александр Шорохов; солдат, анархист-толстовец Филипп Сорокин. От отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии: младший фейерверкер Гаврил Козырев, политическая ориентация — эсеро-меньшевистская; бомбардир Федотов — политическая ориентация та же; Петр Рябухин — политическая ориентация та же. От местной команды: капитан Чарновский, прапорщик Костин. Об их политических взглядах говорит то, что они оба в своих показаниях «обвиняли» в большевизме не только всех солдат — делегатов гарнизонного комитета от 3-го стрелкового полка, но и всех офицеров того же полка. Политическую ориентацию комитета в целом прекрасно характеризует в своих воспоминаниях Иван Павлов: «...у нас гарнизонный комитет был настроен реакционно. Большинство этого комитета состояло из офицерства»¹⁸⁷.

Итак, складывается достаточно ясная картина с положением и работой ротных, командных, батальонных комитетов и гарнизонного комитета в крепости. Большинство в этих комитетах, за исключением ротного и центрального комитетов Петроартсклада и ротного комитета отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии, составляли представители всех рангов офицерства — от унтер-офицеров до полковников. И это было не случайно. Напротив, этот факт был отражением общего процесса политической жизни армии в первые месяцы после победы Февральской революции, когда эсеро-меньшевистские партии, пользуясь тем, что из ссылки еще не вернулись многие испытанные работники партии большевиков, стремились охватить своим влиянием как можно более широкий круг рабочих и солдатских масс. Причем в армии это удавалось на первых порах гораздо быстрее и легче, так как большинство солдат были теми же крестьянами, одетыми в солдатские шинели.

И все же необходимо еще раз подчеркнуть, что хотя офицеры захватили многие ротные, батальонные и полковые комитеты и сумели подчинить их своему влиянию, это вовсе не означало, что этому влиянию подчинились все солдаты той или иной части. На конкретных, вполне убедительных и проверенных примерах мы видели, что солдатская масса тянулась к правде и игнорировала деятельность тех комитетов, которые возглавлялись офицерами. Даже члены комитетов зачастую пропускали заседания.

Поэтому можно сделать вывод, что, несмотря на большие права, которые имели ротные и батальонные комитеты, они не везде сумели стать центром политической жизни своей части, не всегда могли мобилизовать солдат и решить те вопросы, которые их больше всего волновали.

Напротив, центрами, пользующимися колоссальным влиянием и уважением солдат, стали во всех воинских частях партийные ячейки большевистской партии. Они были созданы, как и районные и городской комитеты партии, сразу после победы Февральской революции, в марте 1917 года.

Возникла большевистская ячейка и в гарнизоне Петропавловской крепости. Пусть и немногочисленная, она вела большую работу среди солдат и играла огромную роль в большевизации политических взглядов солдат гарнизона Петропавловской крепости.

Создание легальной большевистской ячейки среди солдат гарнизона Петропавловской крепости и ее деятельность

В историко-революционной литературе большевистская ячейка гарнизона Петропавловской крепости упоминается только в связи с подготовкой Октябрьского вооруженного восстания. Никаких упоминаний о том, когда она была создана, как работала на протяжении всего 1917 года, мы не находим. Тем не менее, оба большевистских комиссара крепости — и Тер-Арутюнянц, и Благонравов — говорят о том, что руководители «военки» и ВРК знали не только о существовании коллектива большевиков в крепости, но и о том, что одним из его активных членов, по их сведениям, — руководителем ячейки был солдат И. В. Павлов. Направляя

обоих комиссаров в крепость, Подвойский и Антонов-Овсеенко рекомендовали им в первую очередь связаться с Павловым.

Все это можно считать веским доказательством того, что у большевиков-солдат из гарнизона крепости были к этому времени — то есть к октябрю 1917 года — прочно сложившиеся связи с Военной организацией большевиков.

Точно определить, когда и как они возникли, установить пока не удалось, так как, вероятно, архив большевистской ячейки крепости не сохранился. Нами были изучены фонды архива Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС и фонды Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — двух архивов, в которых могут храниться подобные документы. Но ни в одном, ни в другом архиве ничего — не только целного архива ячейки, но даже каких-либо отрывочных документов, связанных с нею, — найти не удалось. Все это, безусловно, затрудняет исследование вопроса. Однако воспоминания бывших солдат гарнизона Петропавловской крепости, хранящиеся в Партийном архиве ленинградского Института истории партии и собранные дополнительно музеем, отдельные документы, обнаруженные в фонде ЦПА и ЛПА, и некоторые воспоминания членов Петроградского комитета РСДРП(б), опубликованные еще в 1920–1930-х годах, дают возможность хотя бы примерно установить время создания коллектива большевиков в крепости, назвать его руководителей и представить себе характер его деятельности. И даже эти первоначальные сведения представляют достаточный интерес для характеристики роста политического сознания солдат гарнизона Петропавловской крепости, для отражения процесса большевизации гарнизона.

Точных данных о днях и числах зарождения и формирования большевистского коллектива среди солдат гарнизона крепости нигде найти не удалось. Но, судя по работе В. Н. Залезского «Первый легион Пека», можно с достаточным основанием предположить, что создание ячейки в крепости проходило под воздействием тех связей с Петроградским комитетом РСДРП(б), которые сложились у солдат гарнизона крепости в первые же дни после победы Февральской революции. Вот что пишет об этом В. Н. Залезский, один из видных партийных работников, который, едва выйдя из тюрьмы, принимал активное участие в создании первого легального Петроградского комитета большевистской партии в конце февраля — марте 1917 года:

«Я уже упоминал, что влияние П. К. было сильно среди солдатских масс некоторых крупных воинских частей. В особенности это надо отметить в отношении ораниенбаумского пулеметного полка, гарнизона Петропавловской крепости и броневого дивизиона. Это были наши части.

Среди гарнизона Петропавловской крепости П. К. пользовался большим уважением, и готовность гарнизона исполнять пекистские „распоряжения“ нам много помогала практически. Дело в том, что в Петербург с самых же первых дней революции приезжало множество ходоков и делегатов фронтовых частей. Многие из них, побывав в Исполкоме, направлялись нашими представите-

лями в П. К. Здесь они попадали в товарищескую атмосферу, получали информацию, среди них велась пропаганда и агитация; часто они жили в П. К. по нескольку дней. Вот тут-то Петропавловская крепость помогала нам весьма и весьма: сейчас же летело в Петропавловку требование на довольствие, которое немедленно же и доставлялось, Петропавловка же снабжала нас немалой долей и оружия»¹⁸⁸.

Далее Залежский приводит в качестве примера эпизод с расквартированием в здании бывшего Народного дома на Кронверкском пр. прибывшего почти в полном составе из Ораниенбаума 1-го пулеметного полка, который, высадившись с платформ в районе Путиловского завода, помог рабочим Нарвской заставы по-снимать всех городских и полицейских в дни Февральской революции. После этого пулеметчики отказались вернуться в свои казармы в Ораниенбаум и остались в городе, как они говорили «для охраны революции». Их временно разместили в здании Народного дома, но, так как Временное правительство мечтало очистить город от «слишком революционной» части, пулеметчики не были обеспечены ни едой, ни сколько-нибудь сносными условиями для жилья. Им на помощь пришли члены ПК, располагавшегося в первые дни революции рядом с Народным домом, в здании бывшей Кронверкской биржи труда (ныне Ленинградский институт точной механики и оптики).

«Помещение Народного дома битком набито солдатами, — вспоминает Залежский. — Они были голодны, в очень возбужденном состоянии и не знали, что им делать. Мы сейчас же здесь устроили митинги, познакомили их с событиями и взяли на себя задачу их накормить. За подписью „председателя П. К.“ была написана официальная „бумага“ в Петропавловскую крепость с требованием выдать пулеметчикам продовольствие. Этого было достаточно, чтобы провизия была немедленно доставлена»¹⁸⁹.

Залежский относит этот эпизод к 28 февраля, но, по-видимому, он ошибается. В этот день пулеметчики только выступили из Ораниенбаума и квартировали сперва на Охте в казармах 1-го запасного пехотного полка и, частично, в здании Технологического института¹⁹⁰, и только позже соединились всем полком в Народном доме. Однако уже к середине марта полк расположился на Выборгской стороне в бывших казармах Самокатного батальона¹⁹¹. Таким образом, описанный Залежским эпизод относится пусть и не к 28 февраля, но к первым числам марта. Это дает право сделать очень важный вывод — что работники Петроградского комитета партии наладили довольно крепкие связи с солдатами гарнизона крепости сразу же после создания П. К. РСДРП(б), в первые же дни марта месяца. К сожалению, Залежский не упоминает ни одной фамилии, не называет никого из наиболее активных, помогавших П. К. солдат. Но мы имеем полное право считать, что это были те из них, которые проявили себя достаточно активно в период самой революции и в биографии которых к 1917 году уже были факты революционной, агитационно-пропагандистской работы.

Прежде всего в их числе надо назвать И. И. Орехова — старшего фейерверкера команды склада, бывшего тульского рабочего, и И. В. Павлова, старшего надзирателя команды склада. Биографию Орехова мы уже узнали в предыдущей главе. С биографией Павлова, хотя о нем довольно много говорилось выше, следует познакомиться именно сейчас, когда речь идет о работе большевистской ячейки.

Иван Васильевич Любезнов (фамилию Павлов он взял позднее) родился в 1889 году в Баку. Родители его, происходившие из Симбирской губернии, переехали в нефтеносный Баку, по-видимому, в поисках работы. Отец умер рано. Любезнов его не помнил, жил только с матерью в страшной бедности — она работала прачкой и едва сводила концы с концами. Но все-таки она смогла дать мальчику начальные навыки грамоты: Любезнов закончил двухклассное городское училище. Работать пришлось начать очень рано. Уже в 14 лет подросток стал членом профессионального союза нефтепромышленных рабочих. Старшие товарищи по союзу вскоре стали привлекать его к революционной работе: поручали сбор союзных отчислений и распространение революционных брошюр и листовок. В 17 лет юноша остался сиротой — умерла и мать, изнуренная недоеданием и тяжелой работой. Шел 1906 год, год первой русской революции. В Баку не затихали стачки. Этот год стал политическим крещением для молодого революционера: Любезнова арестовали и выслали как политически неблагонадежного в Тобольскую губернию. Вскоре он бежал из-под надзора и вернулся в родной город. Продолжая революционную работу, в 1907 году Любезнов вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров). В конце 1908 года он вновь был арестован и выслан с Кавказа на пять лет. После очередного побега и возвращения в Баку его задержали и судили, приговорив за самовольство и непокорность к трем месяцам тюрьмы и к новой ссылке. Отсидев положенное и промучившись два года в изгнании, Любезнов в третий раз бежал из ссылки и вернулся в Баку. Вероятно, в одно из таких возвращений Иван Васильевич и сменил фамилию Любезнов, став Павловым, хотя в автобиографии он об этом не пишет. Дочь Ивана Васильевича, передавшая его документы и автобиографию в музей, рассказывала, что в детстве она часто слушала рассказы отца о его революционной юности и о том, как ему даже пришлось сменить фамилию, скрываясь от преследований полиции. Под новой фамилией — Павлов — Иван Васильевич был призван в 1911 году в армию и вскоре был направлен для прохождения службы в артиллерийский склад Петропавловской крепости. Как Павлов он и числился в команде склада (это подтверждается не только воспоминаниями М. К. Тер-Арутюнянца и Г. И. Благонравова, но и архивными документами¹⁹²).

В 1917 году Павлов занимает должность старшего оружейника (по званию — старший унтер-офицер). Он уже пользуется большим авторитетом у солдат, пытается начать революционную пропаганду, но в условиях строго охраняемого военного объекта это крайне затруднительно. В феврале 1917 года, с первых же дней революции, Иван Васильевич сразу же проявляет себя горячим, яростным борцом: в ночь на 28 февраля он поднимает солдат команды склада на бунт против своих офицеров и заточения, которому подвергли солдат крепости в дни революции, руководит освобождением арестованных и заключенных в крепость солдат-павловцев,

открывает Петроартсклад и начинает выдачу хранящегося там оружия окружившим крепость рабочим и солдатам. После февраля Павлов избирается солдатами в члены гарнизонного и ротного комитетов (председателем гарнизонного комитета Павлов не был, указание на это в регистрационной карточке ошибочно), где ведет активную работу против офицерского эсеро-меньшевистского засилья, принимает деятельное участие в работе большевистской ячейки команды, в создании политического солдатского клуба в крепости. Один из его товарищей по службе на складе солдат-оружейник И. С. Боданенко (ныне майор запаса) вспоминает: «Работая в мастерской, я познакомился со ст. надзирателем т. Павловым, и после Февральской революции он меня приглашал, и я с ним ходил на партийные собрания, которые проводила ячейка команды склада, где было 18–20 солдат»¹⁹³. В воспоминаниях другого бывшего солдата команды И. И. Орехова Павлов назван одним из активнейших солдат команды Петроартсклада. Хотя он и числился в партии эсеров, эта формальная принадлежность его, видимо, мало заботила, ибо во всех практических революционных делах он был теснейшим образом связан с партией большевиков и ее Военной организацией. Его фамилия, как мы уже говорили, была известна и Н. И. Подвойскому, и В. А. Антонову-Овсеенко. Сам Павлов в своей автобиографии, по которой и излагается здесь краткая история его жизни, говорит о том, что он стал членом Военной организации большевиков после Февральской революции. Документального подтверждения этого не обнаружено, хотя в фондах Военной организации при ЦК РСДРП(б) было найдено два документа членов «военки» — солдат гарнизона крепости. Возможно, что документ не сохранился или Павлов не оформил свою принадлежность к большевистской партии официально (в 1917 году это был довольно нередкий случай).

В дни июльских событий Павлов шел во главе колонны солдат команды, выступавшей с большевистскими лозунгами. Он так же, как Голубев и Шорохов, был признан одним из 47 наиболее революционных солдат команды. После июльских дней он был зачислен администрацией Кронверкского артсклада в список наиболее неблагонадежных лиц (туда попал и И. И. Орехов)¹⁹⁴; ему пришлось скрываться и много дней вообще не появляться на складе. Наверное, поэтому на допросе он и назвал себя «бывший солдат команды». Но после подавления Корниловского путча и большевизации Советов Павлов снова открыто появляется в команде и в октябрьские дни становится помощником большевистских комиссаров крепости М. К. Тер-Арутюнянца и Г. И. Благоданова¹⁹⁵. После победы Октября он входит в состав нового Комендантского управления крепости, назначается помощником заведующего Трубецким бастионом¹⁹⁶, а позднее начальником сводного отряда, расквартированного в крепости. Весной 1918 года Иван Васильевич, по его личной просьбе, был откомандирован на родину — в Баку¹⁹⁷. Здесь, вступив в члены компартии Азербайджана, он продолжает вести революционную работу в молодой Азербайджанской коммунистической партии, сначала в условиях подполья, а затем, после установления Советской власти в республике, и легально. До того, как Баку заняли турки, Павлов работал оружейным мастером в Красной армии и, позднее, слесарем в вагоноремонтных мастерских. В 1925 году он возвратился в Ленинград

и поступил работать слесарем на завод «Красный гвоздильщик»¹⁹⁸. Как участнику Октябрьской революции ему была предоставлена квартира в доме № 4 по Петропавловской ул. на Петроградской стороне, где тогда жили многие революционеры. Умер Иван Васильевич неожиданно рано, в 1932 году, от тяжелой болезни. Он оставил своим детям — сыну и дочери — подробные воспоминания, автобиографию и все документы. Все это хранилось долгие годы, но в тяжелый период блокады, когда вдова Павлова умерла и дети остались одни в пустой квартире, все подлинные документы были утеряны, воспоминания — тоже. Сохранились и были переданы в музей только три листка краткой автобиографии и копии ряда документов, заверенные в 1932 году Петроградским райкомом партии. На основе этих материалов и восстановлена биография Ивана Васильевича Павлова, до того совершенно никому не известная.

Хотя Павлов и был чрезвычайно революционным, активным солдатом, хотя в дни февраля 1917 года он и завоевал уважение товарищей смелостью и решительностью, хотя он и участвовал в создании большевистской ячейки в крепости, первым секретарем ее солдаты Петроартсклада избрали не его. По всей видимости, причиной этого были не только его официальная партийная принадлежность к другой партии, но и его молодость, и горячий характер. Среди солдат команды Петроартсклада были люди старше и опытнее его в политическом отношении. Один из них и стал первым секретарем коллектива РСДРП(б) в команде Петроартсклада в крепости. Это был Борис Васильевич Голубев.

К сожалению, полностью его биографию установить пока не удалось. Те из бывших солдат гарнизона крепости, которые хорошо помнят Голубева и довольно подробно характеризуют его деятельность как секретаря большевистской ячейки, не знают о его дальнейшей судьбе (после 1918 года) и весьма мало смогли сообщить о данных его биографии до службы в артскладе крепости. Немного больше можно узнать из кратких биографических сведений, которые сообщали о себе допрашиваемые следственной комиссией Временного правительства, назначенной для расследования июльских событий. Безусловно, поиски документов, родственников и людей, знавших Голубева, будут продолжены. Пока же мы знаем о нем следующее.

В 1917 году Голубеву было уже 36 лет, он был солдатом сверхсрочной службы; Орехов вспоминает, что Голубев был прикомандирован к артскладу крепости в 1915 году из запасного батальона 200-го Нейшлотского полка и назначен в оружейную мастерскую как специалист-слесарь. В первый раз Голубева призвали в армию по возрасту еще накануне 1905 года, и служил он тогда в минном отряде в Кронштадте. Тогда же вступил в партию эсеров, участвовал в революционных выступлениях моряков в дни Первой русской революции, за что был выслан на Кавказ¹⁹⁹. Позднее, вернувшись в Петроград, Голубев участвовал в создании большевистской ячейки в команде Петроартсклада, был избран ее секретарем²⁰⁰ и выполнял ряд других ответственных поручений: был избран солдатами команды склада членом районного совета Петроградской стороны²⁰¹, а когда в Петрограде проходили муниципальные выборы — избирали членов Городской и районных управ, — фамилия Голубева стояла в списке под № 6, так как он был выдвинут

партий большевиков на выборы членов районной Думы Петроградской стороны. Под первым номером значится Я. М. Свердлов. Среди других депутатов названы К. А. Мехоношин, А. К. Скороходов, И. А. Рахья, М. Л. Сулимова, К. Н. Блохин, И. И. Лепсе и другие известные партийные работники²⁰². Называя Голубева среди таких крупных партийных работников, мы не хотим тем самым провести между ними параллель, поставить знак равенства. Мы хотим лишь подчеркнуть, что к маю 1917 года, когда началась муниципальная кампания, Голубев как секретарь ячейки большевистского коллектива крепости настолько зарекомендовал себя, так хорошо стал известен в Петроградском и Центральном комитетах партии, что его выдвинули в числе других депутатов в районную Думу. О задачах, которые стояли перед депутатами-большевиками, и о сложности работы в Думах, где часто имело место засилье представителей меньшевистских и эсеровских партий, мы хорошо знаем из нашей историко-революционной литературы. Поэтому необходимо отметить, что если партия включила Голубева в свой список, значит, она считала его достаточно опытным оратором, пропагандистом, считала, что он сможет сочетать партийную работу с работой в легальных массовых городских органах, которые партия также стремилась использовать в борьбе за массы.

Голубев вступил в большевистскую партию, стал членом Военной организации большевиков. В Центральном партийном архиве при Институте марксизма-ленинизма в Москве хранится членский билет Голубева под № 103, выданный ему 9 апреля 1917 года Н. И. Подвойским — на билете стоит подпись руководителя «военки»²⁰³. Необходимо обратить внимание не только на номер билета и дату его выдачи, но и на отметки об уплате членских взносов, стоящие на обратной стороне — они говорят о том, что Голубев стал членом Военной организации большевиков очень рано — в марте 1917 года (за март им уже уплачены членские взносы). А ведь в этом месяце только начала создаваться сама Военная комиссия — как она первоначально называлась — при ПК РСДРП(б). Решение о ее создании было принято ПК на заседании 10 марта 1917 года, первое организованное заседание «военки» состоялось 21–22 марта, и только 31 марта прошло первое собрание членов Военной организации, на котором присутствовало 97 человек, представлявших 53 воинские части Петрограда²⁰⁴. С полным правом мы можем считать, что на этом собрании присутствовал и Голубев, хотя протоколов не сохранилось и нет списка лиц, участвовавших в заседании. Но номер членского билета Голубева — 103-й — и уплата членских взносов за март 1917 года могут подтвердить это (напоминаю, что членский билет был выдан ему позже).

Собрания Военной организации большевиков в особняке Кшесинской посещал из числа солдат крепости не только Голубев. Частыми гостями были там И. В. Павлов, И. И. Орехов и многие другие солдаты гарнизона крепости. Близость особняка Кшесинской и крепости имела огромное значение для большевизации ее гарнизона, для быстрого налаживания связей солдат крепости с партийными органами, расположенными в особняке, для укрепления и развития этих связей. Быстрое создание партийной ячейки большевиков в крепости — безусловно, один из важнейших результатов работы Военной организации в крепости. И. В. Павлов в воспоминаниях

прямо указывает на помощь членов «военки» солдатам крепости в создании ячейки: «Через посредство этой комиссии (комиссия военной организации большевиков во дворце Кшесинской) мне тогда лично удалось с инструктором Терапиновым организовать в Петропавловской крепости коллектив из воинских частей»²⁰⁵.

Безусловно, под фамилией «Терапинов» Павлов имеет в виду члена военной организации М. К. Тер-Арутюнянца, поручика 180-го пехотного запасного полка, который действительно в это время направлялся «военкой» для агитационных и организационных дел в части, располагавшиеся на Петроградской стороне²⁰⁶. Тер-Арутюнянец вступил в партию только в марте 1917 года, но довольно скоро стал популярным оратором и партийным организатором в армии и в июльские дни проявил себя твердо и последовательно, за что был заключен вместе со многими другими большевиками в тюрьму «Кресты». В дни корниловщины по настоянию ЦК РСДРП(б) он, также с несколькими другими крупными партийными работниками, был выпущен из тюрьмы под залог и снова направлен «военкой» на Петроградскую сторону в качестве председателя районного комитета Военной организации. Тогда, в период подготовки партии к вооруженному восстанию, такие комитеты стали создаваться по всему городу. В это время связи Тер-Арутюнянца с солдатами и большевистской ячейкой крепости стали еще теснее, что и привело к его назначению 21 октября 1917 года первым комиссаром ВРК в крепости и Кронверкском арсенале при ней.

А. Ф. Ильин-Женевский, один из видных членов «военки», известный партийный работник и журналист, вспоминая о первом периоде работы Военной организации большевиков, писал: «Здесь же, на этих собраниях, стал формироваться тот кадр работников Военной организации, который вынес на своих плечах всю тяжесть бурных революционных событий последующего периода. Помню спокойного, рассудительного прапорщика Тер-Арутюнянца с большой шевелюрой черных волос, помню бурно-пламенного прапорщика Куделько, помню осторожного, всегда начеку, подпоручика Тарасова-Родионова»²⁰⁷.

Любопытно, что из названных в воспоминаниях Ильина-Женевского членов Военной организации большевиков с крепостью были связаны и Куделько, и Тарасов-Родионов, а не только Тер-Арутюнянец. Детально мы поговорим об этом позже, в главе, где речь пойдет о роли крепости в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания, но отметить этот факт необходимо сейчас: Военная организация при ЦК РСДРП(б) и Петроградский комитет большевистской партии уделяли специальное внимание работе среди солдат крепостного гарнизона, так как, несмотря на не очень большую численность его, понимали, что крепость — одна из важнейших стратегических точек города, и что выпускать ее из-под своего политического влияния было бы непростительной ошибкой.

Итак, нам удалось установить самое главное: сразу вскоре после Февральской революции в гарнизоне крепости была создана с помощью представителей Военной организации большевиков партийная ячейка. Более детальные обстоятельства ее создания пока неизвестны. Мы не знаем ни точной даты этого события, ни первоначальной численности ячейки, ни того (что очень важно), в какой части крепости

она возникла. Но, исходя из того, что говорят о ее создании и деятельности бывшие солдаты команды склада, можно с уверенностью сказать, что именно в этой, наиболее революционной по духу и наиболее пролетарской по составу, части и возник первый большевистский коллектив в крепости. «С февраля 1917 г. в нашей части, — пишет И. И. Орехов, — была большевистская ячейка, секретарем ячейки был тов. Голубев, и существовала до полной демобилизации нашей части в 1918 г. Большинство солдат нашей части были сочувствующими партии большевиков. В других частях войск гарнизона были или нет большевистские ячейки, сказать не могу...»²⁰⁸.

Бывший солдат 3-го стрелкового полка П. И. Пермяков прямо пишет в своих воспоминаниях²⁰⁹, что в их полку большевистской ячейки не было и что он работал по непосредственным заданиям работников особняка Кшесинской — развозил литературу и т. п. Возможно, что Пермяков не совсем прав, что по каким-либо причинам он просто не знал о деятельности большевистской ячейки в полку. Дело в том, что в полку были люди, связанные с особняком Кшесинской, с Военной организацией и большевистскими газетами. Например, прапорщик Иван Петрович Павлуновский, член партии с 1905 года, организатор Курской военной организации РСДРП(б), после мобилизации в армию ведший постоянную пропагандистскую революционную работу в войсках²¹⁰. В 1917 году он, прапорщик 3-го стрелкового полка, был избран солдатским депутатом Петроградского совета, часто выступал на солдатских митингах и собраниях с докладами, а в октябре, после создания Военно-революционного комитета стал его членом, был направлен комиссаром в отряд петроградских сводных войск, а после Гражданской войны занимал ряд ответственных постов, в частности, с 1927 года был членом Президиума ЦК ВКП(б) и членом коллегии НКРКИ СССР. Уже к 1917 году Павлуновский был партийным работником крупного масштаба, опытным организатором. Вот что пишет о нем в своих воспоминаниях председатель «военки» Н. И. Подвойский: «При помощи их (активной группы прапорщиков 180-го пехотного полка — Е. Б.) и введенных в группу большевиков прапорщика 3-го стрелкового полка Павлуновского и других Военная организация сумела провести работу с особенной интенсивностью не только в 180-м полку, но и в других полках Петроградского военного округа»²¹¹.

Трудно предположить, что Павлуновский мог оставаться пассивным в своем полку и ничего не сделать для создания там большевистской ячейки. Правда, возможно, он служил в той части полка, которая не была размещена в Петропавловской крепости. В документах, касающихся крепостного эшелона за 1917 год, — в приказах, нарядах, протоколах ротных и батальонных комитетов — фамилия Павлуновского не упомянута ни разу. О том, что он служил в 3-м стрелковом полку, мы узнали из документов ВРК, хранящихся в ЦГАОРе. Однако там указан такой адрес Павлуновского: Царское Село, Павловское шоссе, дача Фоминой²¹². Это не может быть точным указанием для разрешения интересующего нас вопроса, так как к октябрю 1917 года весь 3-й стрелковый полк был из Петрограда переведен Керенским в Царское Село — и эшелон Петропавловской крепости, и роты, находившиеся на Вознесенском пр.²¹³ Установить, имел ли Павлуновский отношение

к части полка, квартировавшей в крепости, можно будет только после того, как будет выяснено, в какой роте полка он служил.

Но, как бы то ни было, стрелки, вероятно, были связаны через Павлуновского с Военной организацией большевиков. Об этом говорят некоторые публикации материалов о жизни солдат и их настроениях в газетах «Солдатская правда» и «Правда». Так, например, когда там сообщается о прошедшем заседании Военной организации, то среди представителей полков почти всегда упоминается и 3-й гвардейский стрелковый полк²¹⁴ (так же как и представители команды складов). Более того, на одном из заседаний Военной организации, состоявшемся в апреле 1917 года, было заслушано специальное сообщение одного из солдат-стрелков, только что вернувшегося из своего полка, находящегося на фронте²¹⁵. Фамилия солдата не сообщается, материал опубликовал один из членов «военки», солдат автороты С. И. Черепанов.

Конечно, и Павлуновский, и другие стрелки, бывавшие в Военной организации, а может быть, даже состоявшие ее членами, могли оказать большое влияние на создание ядра большевистского коллектива в эшелоне 3-го стрелкового полка в крепости. Ведь и в команде Петроартсклада было не так много людей, которые были связаны с особняком Кшесинской; в сущности, пока мы знаем только двоих — Голубева и Павлова. Но им удалось создать у себя в команде большевистскую ячейку. Правда, вполне возможно, что ячейка была одна на всю крепость и что в нее входили большевики из разных частей, там размещавшихся. Тем более что митинги и собрания, проводившиеся в гарнизоне, тоже привлекали все части, да и солдатский клуб, созданный в крепости в мае 1917 года, тоже был один для всех частей гарнизона.

Из воспоминаний солдата местной команды Я. А. Артемьева мы знаем, что в команде также были члены большевистской партии. Он пишет, что председателем ротного комитета местной команды был одно время Иван Матвеевич Аристов. «Он был революционно настроенный, — продолжает Артемьев, — когда приехал т. Ленин и поместился во дворце Кшесинской, тогда часто ходили наши солдаты ко дворцу на митинги, и вот т. Аристов сразу же вступил в партию, т. е. в большевистскую партию. После увольнения из армии т. Аристов, как только организовались райкомы, работал секретарем Опочецкого райкома бывшей Псковской губернии. Он сам уроженец бывшей Псковской губернии Опочецкого уезда Старицкой волости...»²¹⁶.

К сожалению, пока нам не удалось найти никаких следов И. М. Аристова. Но поиски продолжаются, и, может быть, нам удастся разыскать этого человека — простого крестьянина, ставшего, благодаря школе, пройденной в армии в дни революции, опытным партийным работником.

Интересно, что Артемьев говорит о том, что Аристов вступил в партию сразу после приезда Ленина, то есть, видимо, в апреле–мае 1917 года. Вспомним, что и Голубев стал членом партии именно в это время, когда большевистская ячейка крепости, конечно, росла и крепла.

В Центральном партийном архиве удалось обнаружить еще одно документальное свидетельство роста партийной ячейки крепости — членский билет члена Военной организации РСДРП(б) № 520, выданный 10 мая 1917 года, на имя солдата

команды Петроградского артиллерийского склада Александра Шорохова. Билет выдал ему, видимо, К. Мехоношин, так как на документе стоит его подпись²¹⁷. Причем, судя по оборотной стороне билета, где отмечались членские взносы за 1917 год, Шорохов был принят своей организацией членом партии раньше, так как взносы уплачены им не только за май, когда он получил билет, но и за апрель. По всей видимости, Шорохов не вошел в число руководителей ячейки, но был ее рядовым членом. Его биографию выяснить не удалось. Только И. И. Орехов немного помнит этого скромного, простого солдата, о котором пишет: «О тов. Шорохове я знаю, что он был прикомандирован к команде склада примерно в 1915 г., из какого запасного батальона, в настоящее время не помню. С тов. Голубевым он, как я знаю, был очень близок, они состояли в одном отделении, работали в мастерских на одном верстаке, на работу ходили всегда вместе»²¹⁸.

Кроме Шорохова, членами большевистской ячейки могли быть и такие активные солдаты и вольнонаемные рабочие, работавшие на Петроартскладе, как Павел Кушников и Григорий Коротков. О Короткове И. И. Орехов говорит в своих воспоминаниях, называя наиболее активных революционно настроенных солдат. О Кушникове вспоминают и Орехов, и Боданенко. Правда, будучи сами в то время беспартийными, они не могут сказать, были ли эти товарищи уже тогда членами партии. Но то, что мы знаем о биографии того и другого, дает нам право считать, что они не стояли в стороне от работы большевистской ячейки команды склада и крепости в целом.

Григорий Коротков был солдатом команды артсклада крепости. В декабре 1914 года он дал пощечину фельдфебелю в ответ на издевательства с его стороны. После этого, спасаясь от жестокой кары, по совету товарищей бежал из Петрограда к родственникам на Кавказ, под Баку. Но там Коротков был схвачен полицейскими, заключен в тюрьму, из тюрьмы по этапу доставлен в Петроград для следствия и суда. Однако его освободила от суда Февральская революция. Воспользовавшись смутными днями, он вырвался из-под конвоя и возвратился в свою часть, где стал активно участвовать в политической жизни, активно содействуя подготовке к восстанию и свержению буржуазного Временного правительства²¹⁹.

Павел Кушников был рабочим-металлистом, в 1905 году работал на Тульском оружейном заводе, затем перебрался в Петербург и в 1910–1913 годах работал на заводах Выборгской стороны, в последнее время на заводе «Айваз» (ныне завод им. Ф. Энгельса). Он был связан со своим земляком, солдатом команды Петроартсклада И. И. Ореховым, и когда началась империалистическая война и в артсклад стали набирать вольнонаемных рабочих, поступил туда на работу и стал осторожно вести среди солдат команды склада революционную агитацию. В июле 1914 года, когда вся Выборгская сторона покрылась баррикадами (рабочие протестовали против начавшейся войны), Кушников участвовал в баррикадных боях и несколько дней не выходил на работу. После этого он появился на складе с перевязанной рукой — следы стычек с полицейскими на баррикадах. Администрация склада не преминула тотчас же уволить его наряду с многими другими рабочими²²⁰ на основании политической неблагонадежности. После увольнения Кушников очень скоро был призван

в армию и попал на фронт. Примерно через год он был ранен и для излечения был отправлен назад в Петроград, а после выздоровления был освобожден от военной службы и вновь начал работать на одном из заводов в Петрограде. Своих товарищей в крепости Кушников не забывал. По воскресеньям, вечерами, он часто приходил в казармы и подолгу беседовал с солдатами, знакомил их с текущими событиями, старался помочь разобраться в непонятных вопросах. Орехов пишет, что Кушников был членом Петроградского комитета большевиков. Однако ни в составе районного комитета партии Петроградской стороны, ни тем более в составе Петроградского городского комитета РСДРП(б) фамилия Кушникова не попадает. Вполне возможно, что Орехов что-то напутал, что Кушников входил в состав партийного комитета завода, на котором работал (а это нам пока не известно) или в состав какого-либо райкома. Вероятно, он был членом партии на протяжении всего 1917 года и сохранял связь с гарнизоном Петропавловской крепости; эта связь была так крепка, что после Октябрьской революции, когда в крепости создавалось новое комендантское управление, Кушников вошел в него в качестве одного из комиссаров²²¹.

И еще одного человека можно назвать в качестве члена большевистской ячейки крепости — солдата Крисавича. О нем известно только, что он присутствовал 27 марта 1917 года на общем собрании членов большевистской партии Петроградской стороны, состоявшемся в столовой Женского медицинского института на Архьерейской ул. (ныне 1-й медицинский институт на ул. Л. Толстого). Это было первое организационное собрание большевиков Петроградской стороны, на котором был избран первый районный легальный партийный комитет. На собрании присутствовало около 90 человек, в районе было к этому времени зарегистрировано 119 членов партии. Крисавич вошел в состав райкома партии от «команды Петропавловской крепости»²²² (видимо, имеется в виду команда Петроартсклада). Больше никаких данных о нем нами не обнаружено.

Тот факт, что при создании райкома партии Петроградской стороны в его состав был введен в качестве полноправного члена представитель от партийного коллектива одной из частей гарнизона Петропавловской крепости, позволяет нам сделать вывод, что этот коллектив уже организационно оформился и имел достаточное количество членов для того, чтобы избрать не только секретаря, но и делегата в районное собрание большевиков. Значит, в числе 119 членов партии, зарегистрированных на конец марта в Петроградском районе, было несколько большевиков и из гарнизона крепости.

Крисавич представлял гарнизон крепости в Петроградском райкоме партии до 1 июня 1917 года. На общем собрании 1 июня был избран новый состав райкома партии, но установить, кто попал в него от гарнизона крепости, не удалось, так как фамилии в документе перечислены без указания принадлежности к организации. Фамилии Крисавича в этом втором списке членов райкома нет²²³.

Охарактеризовав ядро партийной ячейки крепости, познакомившись с людьми, которые ее создали, надо теперь рассмотреть вопрос о ее численности. Ячейка не могла быть большой, поскольку во всем районе большевиков было к концу марта немногим больше сотни. Только что мы назвали пять-шесть человек, которые

составляли ее ядро. Конечно, кроме названных товарищей, были и еще члены ячейки. Павлов пишет: «...коллектив рос у нас не по дням, а по часам. Но за последнее время этот рост несколько затормозился: за последнее время у нас насчитывалось в коллективе всего около 200 человек, несмотря на то, что в гарнизоне было 2000 солдат. В виду такого тормоза в росте нашего коллектива у нас шла открытая агитация, расклеивались объявления по всему гарнизону, призывали сочувствующих на заседание коллектива»²²⁴.

Принимать на веру цифры, сообщенные Павловым, безусловно, нельзя. Поскольку он говорит об открытой агитации в гарнизоне, речь идет о мирном периоде развития революции, то есть о времени до июльских дней 1917 года. Конечно, за этот период численность партийных коллективов в районе сильно возросла, и на 2-й общегородской конференции РСДРП(б), открывшейся 1 июля, собралось 2500 членов партии Петроградского района²²⁵. При этом на первом организационном собрании большевиков Петроградской стороны, на котором создавался райком, было представлено 20 организаций. А к июлю число организаций, в которых создались партийные коллективы, конечно, возросло. Поэтому в крепости не могло быть двухсот членов партии. Этот коллектив не входил в число самых крупных ячеек, были ячейки крупнее. Вероятно, 200 — это число солдат, которые посещали заседания ячейки, живо откликались на приглашения ее руководителей (о чем говорит и сам Павлов). Приведем отрывок из воспоминаний И.С.Боданенко, который, как мы знаем, вступил в партию только в 1927 году, но и в это время, будучи беспартийным, проявлял большую активность. Он пишет: «Работал еще в мастерской (речь идет об оружейной мастерской Петроартсклада. — Е. Б.). Там я познакомился со старшим арт. надзирателем т. Павловым, и после Февральской революции он меня приглашал, и я с ним ходил на партсобрание, которое проводила ячейка команды склада, где было 18–20 солдат. Собрание проводилось в швальной мастерской команды склада...»²²⁶. Конечно, цифры, которые приводит Боданенко, гораздо ближе к истине. В июльские дни, когда администрация Кронверкского арсенала крепости составила список наиболее неблагонадежных в политическом отношении солдат, в него было включено 47 человек²²⁷. Наконец, будучи партийным организатором Петроградской стороны от Военной организации большевиков, Тер-Арутюнянц сообщал руководителям «военки» сведения о воинских частях, расположенных на Петроградской стороне, и о состоянии партийной работы среди них. О крепости он пишет следующее: «Коллектив партии: 4 члена партии и 35 сочувствующих, записавшихся в коллектив»²²⁸. Это очень важные данные, хотя они и относятся к концу сентября — началу октября 1917 года (документ не содержит точной даты). Из него следует, что, во-первых, даже в конце сентября — начале октября 1917 года — во время особенно активного роста партийных коллективов — численность ячейки в крепости не превышала 40 человек. Во-вторых, официально в партии значились только 4 человека, а остальные были записаны в коллективе ячейки, но, видимо, документально свою принадлежность к партии еще не успели оформить. Во втором донесении, относящемся к 11 октября 1917 года, Тер-Арутюнянц сообщает не только число, но и имена членов партии, имеющих партийные билеты. Причем, их уже уже значится не четверо, а двое — Голубев Борис Васильевич и Шорохов

Александр Дмитриевич. В донесении указано, что «при сем прилагаются членские билеты»²²⁹ (вполне возможно, что именно поэтому и сохранились в архиве именно эти два членских билета — Голубева и Шорохова).

Вероятно, руководители ячейки считали членами партии всех тех, кто у них «записался в коллектив» (по словам Тер-Арутюнянца). А сочувствующих, которые еще не записались, было гораздо больше. Об этом единодушно свидетельствовали на допросах после июльских дней все офицеры крепостного гарнизона. Вот несколько наиболее выразительных высказываний.

Комендант крепости капитан Алухтин:

«Я назначен комендантом Петроградской крепости 1 июня сего года, и с первого дня мне пришлось столкнуться с большевистской пропагандой, которая в крепости была очень сильна ввиду близости дома Кшесинской и постоянного нахождения среди гарнизона многих ораторов-большевиков»²³⁰.

Комендант Кронверкского арсенала прапорщик Филиппов:

«Сильно сказалась близость к крепости дворца Кшесинской и Цирка „Модерн“. На крепость, безусловно, было обращено внимание агитации большевиков. Приходили ораторы-агитаторы в казармы. Во время же митингов <...> являлись ораторы во множественном числе и настойчиво требовали слова. Большое значение я придаю „кружковому“ воспитанию солдат на площади близ дома Кшесинской. Немалую роль сыграла газета „Правда“, которой забрасывали части гарнизона крепости. <...> Есть в солдатских массах определенно отрицательно относящиеся к большевизму». Тут же Филиппов довольно точно определяет эти слои среди солдат: «в особенности среди писарей, инженерных управлений, наиболее грамотных и т. п., но думаю, ввиду общего движения влево, они не могли найти нужной ноты к активности»²³¹.

Вольно или невольно прапорщик-эсер показал действительное положение дел, соотношение политических сил в гарнизоне крепости, установившееся к июльским дням: большинство солдат сдвинулись влево, и даже те, которые не сочувствовали большевистской пропаганде в силу своего социального происхождения, не могли развить достаточную политическую активность.

И, наконец, не менее интересно свидетельство прапорщика 3-го стрелкового полка Рябова:

«Из отдельных разговоров с солдатами, из приема ораторов-большевиков на митингах можно положительно утверждать, что лозунги большевиков встречали в массе солдат сочувствие. Этому способствовала близость организации большевиков (д. Кшесинской), а главное, конкретность лозунгов и настроение солдат, вытекающее от недовольства позицией правительства...»²³².

Отсюда ясно видно, что сочувствующими и не записавшимися в большевистский коллектив можно считать подавляющее большинство солдат гарнизона крепости, причем всех частей, в ней расквартированных. Поэтому если ячейка в гарнизоне и была небольшой — в пределах 20–30 человек,

то работа, проводимая ею, сильно чувствовалась в масштабах целого гарнизона, что и было главным.

Из чего же складывалась работа большевиков-солдат в гарнизоне Петропавловской крепости? Обратимся прежде всего к воспоминаниям солдат, которые не были членами партии в то время и, тем не менее, прекрасно знали и видели работу, которую вела большевистская ячейка. Вот что пишет И. И. Орехов:

«После Февральской буржуазной революции тов. Голубев проявил себя среди солдат как революционер-большевик, вел ожесточенную борьбу с меньшевиками, эсерами, распространял большевистскую литературу „Солдатская правда“ и другую и в скором времени при организации большевистской ячейки был избран секретарем»²³³. «После Февральской буржуазной революции у нас в казармах стали собирать общие собрания на разные темы, солдат более всего интересовал вопрос об окончании войны, и когда этот вопрос возникал, меньшевики и эсеры всегда выступали — вести войну до окончательной победы, т. Голубев в своем выступлении разъяснял солдатам, что империалистическая война, затеянная капиталистами, есть война захватническая и такая война рабочим и крестьянам ничего не дает кроме смерти. Его выступление завоевывало большой авторитет среди солдат, те солдаты, которые поддерживали меньшевиков и эсеров, стали отходить от них и стали более поддерживать партию большевиков»²³⁴.

Итак, как секретарь большевистского коллектива Голубев занимался распространением большевистской печати — прежде всего газет; кроме того, в гарнизоне проводились постоянные митинги и собрания, посвященные самым насущным вопросам политики и текущей жизни, на которых большевики и силами своей ячейки, и с помощью приглашенных ораторов давали открытые бои соглашателям — эсерам и меньшевикам, завоевывая все больше сочувствующих среди солдат.

Политические бои за гарнизон Петропавловской крепости проходили иногда в очень острой форме. Реакционные организации, вероятно, зная, что у солдат гарнизона начинают завязываться прочные связи с большевистской партией, попытались помешать этому. Пускались в ход самые открытые реакционные приемы, которые сразу же отпугнули солдат. Вот что писала об этой попытке «Солдатская правда»: «13-го марта открылся солдатский клуб 6-го эшелона гарнизона Петропавловской крепости. При открытии выяснилось, что деньги 2000 руб. дала ассоциация Христианских Молодых людей, которая и намеревается вести здесь свою работу. Эта ассоциация, известная своей противосоциалистической деятельностью в Западной Европе, открывает свою деятельность в самой твердыне гарнизона. Комендант крепости заявил, что ему совершенно неизвестно, из каких источников получены деньги и какова роль клуба. Но ему, вероятно, известно негодование, охватившее их при первых словах реакционных проповедей, раздавшихся в этом, с позволения сказать, „клубе“»²³⁵. После заметки редакция «Солдатской правды» в этом же номере поместила маленькое сообщение для солдат крепости: «Солдаты Петропавловцы имеют полную возможность посещать соц.-демокр. клуб „Правда“, помещающийся во дворце Кшесинской,

Б. Дворянская, 1-2. Лекции и беседы в клубе „Правда“ проходят ежедневно от 7 до 10 час. вечера».

Мы уже знаем по цитированным воспоминаниям и показаниям офицеров гарнизона, что солдаты крепости широко пользовались этой возможностью; прапорщик Филиппов — комендант Кронверкского арсенала — называл эти посещения даже особым «кружковым» методом воспитания солдат.

Однако одного солдатского клуба было недостаточно. Поэтому Военная организация большевиков призывала солдат всех частей Петрограда организовывать по примеру клуба «Правда» свои солдатские клубы в частях. Одним из первых был создан такой клуб в гарнизоне Петропавловской крепости.

Необходимость его создания, несмотря на близость особняка Кшесинской и цирка «Модерн», вероятно, как раз и была вызвана остротой политической борьбы за крепость. Хотя солдаты гарнизона и были возмущены открытием реакционного клуба, но, поскольку сообщение об этом было напечатано в конце апреля в «Солдатской правде» с призывом от редакции посещать клуб «Правда», деятельность реакционного клуба все же как-то пытались поддерживать. В противовес ему в казармах 3-го стрелкового полка (т. е. или в Иоанновском рavelине, или в Невской куртине — точных сведений пока нет) открылся настоящий солдатский клуб, который очень скоро стал действительным центром политической жизни гарнизона крепости.

У нас, к сожалению, чрезвычайно мало документов о деятельности этого клуба. Помимо сообщения в «Правде» об открытии клуба, в архиве обнаружена листовка, обращенная к солдатам гарнизона с призывом посещать клуб, и в воспоминаниях солдат и показаниях, данных офицерами комиссии, расследовавшей июльские события, есть несколько упоминаний о его деятельности. И хотя мною были просмотрены все сохранившиеся архивы культурно-просветительных комиссий Военной организации большевиков в ЦПА, ПК РСДРП(б) в ЛПА и Временного правительства в ЦГВИА, никаких других следов работы клуба гарнизона крепости обнаружено не было.

И все-таки даже то, что найдено, дает возможность охарактеризовать деятельность клуба и его политическую направленность.

Клуб был создан культурно-просветительной комиссией гарнизона Петропавловской крепости (ею подписана листовка с призывом посещать клуб), одним из руководителей которой был, по-видимому, вольноопределяющийся отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии Теодорович (или Феодорович), связанный, как мы уже отмечали, с Военной организацией большевиков. Об открытии клуба была помещена довольно большая заметка в «Правде», что является показателем значимости этого события в общей политической жизни города, с одной стороны, а с другой — дает ему и определенную политическую окраску. Приведу эту заметку полностью:

«22-го сего мая состоялось открытие политического клуба гарнизона Петропавловской крепости. Ровно в 2 часа дня парадная процессия со знаменами и „Марсельезой“ двинулась из помещения клуба на митинг, который происходил

под открытым небом между Петровскими и Иоанновскими воротами в самой крепости. Открывая собрание, председатель президиума и организатор Феодорович сделал краткий очерк о значении и задачах клуба. На митинге выступили ораторы от всех социалистических групп и партий и от С. Р. и С. Д. Один из ораторов, приветствуя открытие политического клуба в стерах Петропавловской крепости, указал, что та крепость, которая до сих пор была известна в России как место заключения важных политических деятелей, теперь зажила политической жизнью, сделалась революционной базой и стремится к стройной организации и политическому объединению»²³⁶.

Итак, хотя отчет о создании клуба и помещается большевистской газетой, на митинг приглашаются представители всех социалистических партий, и в заметке даже говорится, что клуб стремится к «политическому объединению». На первый взгляд это может показаться странным. Но в то же время это вполне закономерно. Большевистская партия завоевывает симпатии в открытых политических спорах, большевистские ораторы выступают всегда после ораторов-меньшевиков или эсеров, но в том-то их и сила, что они умеют наголову разбить все их неверные положения, освободить головы слушателей от идеологического тумана и внести полную ясность.

Именно такими и были все митинги, которые проводил клуб, открывшийся в гарнизоне крепости. (Почти всегда митинги проходили там же, где и в первый раз, — на площадке между Иоанновскими и Петровскими воротами). На них выступали ораторы из разных партий, как это и сообщалось о первом митинге, посвященном открытию клуба, но пользовались успехом и получали слово только большевики. Неожиданное подтверждение этому мы находим в показаниях прапорщика Шитковского (из 3-го стрелкового полка), данных им на допросе по поводу расследования июльских событий. Забавны сбивчивость, торопливость и путанность этих показаний. С одной стороны, Шитковский хотел бы обвинить во всем большевиков, а с другой, ему было не очень приятно выставлять полное бессилие офицеров гарнизона крепости в вопросах политического воспитания солдат. Вот его показания:

«Относительно настроения стрелков и остального гарнизона крепости до событий 3-го — 6-го июля могу показать следующее.

Близость дворца Кшесинской не могла не повлиять на малосознательные элементы; офицерству и благоразумным солдатам не под силу было всецело изжить это разлагающее массу влияние. На помощь им явился политический клуб крепости, который задался целью время от времени устраивать митинги, дабы познакомить солдат и с другими политическими партиями и помочь им в них разобраться. Таких митингов было два. Первый прошел гладко, представитель большевиков все завоевал симпатией, анархист же, можно сказать, прямо провалился; второй прошел иначе (дело было на Троицу). Почему-то ораторов-большевиков (кажется, три) было больше, чем ораторов от других партий. Они наэлектризовали толпу, завладели их вниманием, а ораторы других партий не имели успеха. Помнится прямо погромная речь поручика

Дашкевича (Дашкевич — один из создателей и ведущих членов „военки“, известный партийный работник, оратор и организатор. — Е. Б.). <...> Как на первом, так и на втором митинге председательствовал вольноопределяющийся Федорович. Других митингов не помню, но агенты большевиков сновали по-всюду. Однако вполне определенно заявляю, что большого влияния большевики не имели»²³⁷.

Выступление Дашкевича на одном из митингов в крепости запомнилось не одному прапорщику Шитковскому. Сам комендант крепости помнил об этом выступлении. Когда в июльские дни гарнизон крепости волновался и не хотел складывать оружие, комендант попросил у Совета прислать для выступления какого-нибудь большевистского оратора, ибо знал, что никто другой на солдат не сможет оказать влияния. Но, когда он узнал, что в крепость выехал Дашкевич, то заволновался, так как, по его показаниям, «знал Дашкевича по одному митингу в крепости»²³⁸.

Дашкевич был одним из лучших большевистских военных ораторов, выступления его в частях были, что называется, «нарасхват», поэтому партия направляла его на митинги в особо важных случаях, когда ожидалась серьезная полемика и требовалось большое умение и искусство завоевания масс. Поэтому тот факт, что Дашкевич выступал в крепости, лишний раз свидетельствует и об остроте политической борьбы за гарнизон крепости, и о том большом внимании, которое уделяли крепости большевистские организации.

Другой офицер гарнизона крепости, комендант Кронверка прапорщик Филиппов, о котором мы уже не раз вспоминали, яркий эсер, в своих показаниях пишет: «Разбить большевика на митинге из малоразвитой (любимый термин эсеров и меньшевиков, определяющий грамотность и политическую „благонадежность“ аудитории. — Е. Б.) публики невозможно»²³⁹.

Помимо столь откровенного признания, Филиппов «сослужил нам службу» еще и тем, что направил в комиссию собранные им записки, которые солдаты писали на митингах выступающим ораторам. Благодаря этому, записки сохранились в архиве до наших дней, и представляют для исследователя чрезвычайный интерес. Правда, необходимо отметить, что, конечно, прапорщик-эсер собирал, главным образом, записки, которые могли хоть как-то показать несогласие слушателей с ораторами-большевиками. Но и он не смог обойтись без записок, которые характеризуют большевистские настроения солдат крепости. Причем, как делает вывод сам Филиппов, «анализируя» собранный им «материал», таких записок большинство — солдаты повернулись «влево». Вот наиболее интересные их солдатских записок²⁴⁰, показывающие недовольство политикой Временного правительства, затрагивая широкий круг вопросов — от мелких, насущных, до принципиальных, политических:

«Почему выдают жалованье членам Гос. Совета и губернаторам?»

«Почему до сих пор не конфискованы церковные и монастырские богатства?»

«Смертная казнь отменена только Николаю с его прислугой еще дайте ответ почему находят ген. по 10 т в месяц а нашим нет 25 руб.»

«Товарищ вы призываете организовать, а когда Кронштадт организовался вы кричите анархия».

«Товарищ вы говорите с крестьянина стянули все и даже и жизнь но почему у капиталистов нельзя взять те капиталы которые они нажили нашей кровью ответьте».

«Получилось сведение, что Штюмер и Протопопов слышат Вашу речь и очень радуются».

Записки говорят о том, что солдаты интересуются и положением в деревне, и положением своих семей, и осведомлены о работе большевистских организаций в Кронштадте. Все это — результат постоянной политической работы, проводившейся в гарнизоне. В разных командах в частях гарнизона проводились собрания и митинги на самые разные политические темы. Вот резолюция одного из таких собраний, прошедших в прожекторной команде Петроградской крепостной артиллерии. (Хотя, как было сказано в первой главе, начальник команды помещался не в крепости, на территории крепости стояли прожекторы команды, она официально входила в состав гарнизона крепости и, конечно, была с ним связана. Поэтому резолюция отражает настроения солдат крепости.)

«Мы, солдаты прожекторной команды Петроградской крепостной артиллерии, собрались 28 марта и выслушав доклад присланного Петроградским Комитетом Р.С.Д.Р.П. товарища постановили:

Что революционные рабочие и солдаты, сломив кровавое иго прежнего режима, передали нашу Волю Временному Правительству и в одно и то же время создали Совет Рабочих и Солдатских депутатов для того, чтобы они представили истинную нашу волю и защищали не только завоеванную свободу, но и наши будущие интересы и цели — рабочих и крестьян. Мы всячески будем поддерживать Сов. Раб. и Солд. Деп., поскольку они будут влиять на новое министерство в проведении в жизнь наших желаний, а именно: конфискации помещичьих, удельных, монастырских и кабинетных земель и передачи их общественным комитетам, избранным на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования; установлении 8-часового рабочего дня; страхования на случай старости, инвалидности, безработицы и материнства; немедленного провозглашения воли народа о немедленном заключении мира со всеми народами; фактического отказа от захватных и поработительных целей настоящей войны, навязанной нам старым режимом и капиталистами и помещиками всех стран. Да здравствует мир между всеми народами, национальное самоопределение, всемирное братство трудящихся бедных классов! Мы верим, что всемирное братство и революция освободят все народы.

Мы всячески будем поддерживать рабочие газеты, в частности „Правду“ против всяких провокаторов и травли буржуазных газет „Русской воли“, „Речи“, „Дня“ и т. д. Принято единогласно»²⁴¹.

Резолюция, написанная, вероятно, рукой выступавшего на собрании оратора от ПК РСДРП(б), несколько грешит ошибками, свойственными ПК в первый период его деятельности (до возвращения В. И. Ленина), когда ПК не нацеливался на решительную непримиримость по отношению к Временному правительству. Здесь наличествует характернейший оборот: мы поддерживаем Временное правительство и Совет постолку, поскольку они будут отстаивать наши требования. Тем не менее программа, изложенная дальше в резолюции, целиком отвечает требованиям большевистской партии. Важно, что принята она единогласно. А ведь прожекторная команда была не самой революционной частью гарнизона крепости.

Правда, нам уже известно из книги П. Я. Канна «Петропавловская крепость» и некоторых воспоминаний рабочих Петрограда о встрече В. И. Ленина, что в день его приезда из эмиграции, в памятный день 3 (17) апреля, площадь у Финляндского вокзала освещалась прожекторами, доставленными именно этой прожекторной командой Петропавловской крепости. Так что и эта маленькая часть не была в стороне от политической жизни и большевизации гарнизона крепости.

Большую роль в этом процессе играли большевистские газеты. Солдаты гарнизона читали главным образом «Правду» и «Солдатскую правду». Это подтверждается тем, что они принимали постоянное и активное участие в сборе средств на издание этих большевистских газет. Общеизвестно, что «Правда» и «Солдатская правда» существовали на деньги, собранные рабочими и солдатами Петрограда и других городов России. Обе газеты постоянно печатали краткие отчеты о средствах, поступающих на их содержание. Из этих сводок мы узнаем, что уже к 21 марта 1917 года солдаты Петроартсклада собрали в «железный фонд» «Правды» 23 руб. 50 коп.²⁴² Учитывая ничтожность солдатского заработка, это очень большая сумма, собрать которую солдаты могли, только лишая себя тех копеек, которые им выдавались на курево. Причем, собрав это первое свое пожертвование большевистской газете, солдаты послали его в редакцию с приветственным письмом, содержание которого было опубликовано «Правдой» на следующий день, в номере 16: «Приветствуем нашу вновь возродившуюся газету „Правда“, отстаивающую наши интересы. Шлем ей и ее сотрудникам свой горячий привет. С глубоким чувством негодования возмущаемся травлей буржуазной печати и заявляем, что ей не удастся задушить рабочую „Правду“ грязными выпадами. Мы всеми мерами будем поддерживать ее. Шлем в Железный Фонд 23 р. 50 к. Группа солдат Ор. моск. команды Пет. Арт. Ск. Петропавловской крепости»²⁴³. Газета допустила опечатку, публикуя подпись под письмом: слова «Ор. моск. команды Пет. Арт. Ск.» должны означать «оружейная мастерская команды Петроградского Артиллерийского склада», поэтому в сокращении надо было напечатать не «Ор. моск.», а «Ор. маст.». Опечатка не была замечена и исправлена. Но это не мешает точному определению источника поступления денег: им была та же команда Петроартсклада, в которой в это время уже существовала большевистская ячейка. Если внимательно прочитать текст письма, посланного в газету, станет ясно, что написано оно солдатами под руководством большевика, возможно даже, что принято оно было после собрания, на котором обсуждался призыв ПК и ЦК РСДРП(б) о создании «Железного фонда» «Правды» и о поддержке

газеты вопреки травле со стороны буржуазной печати. Это было первое пожертвование. Затем средства шли в газету регулярно. К концу мая от солдат Петроартсклада и отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии в фонд «Правды» поступило 185 руб. 20 коп.²⁴⁴

Солдаты собирали деньги и в фонд «Солдатской правды». Как только стала выходить эта солдатская газета — орган Военной организации ПК а затем и ЦК РСДРП(б), на собраниях и митингах стали собираться средства и на издание этой газеты. В первой же публикации отчетов о собранных средствах за период с 15 апреля по 8-е мая «Солдатская правда» перечисляет и поступления от «лагерного комитета 3 стрелкового полка 2 руб. 50 коп», и «запасного б-на 3 стрелкового полка 28 р. 12 к.»²⁴⁵, то есть от лагерной команды и запасного батальона 3-го стрелкового полка.

Немедленно откликнулись на выход новой большевистской солдатской газеты и солдаты-артиллеристы Петроартсклада. В 5-м номере от 6 мая (23 апреля) 1917 года было помещено маленькое приветствие: «Шлем привет нашей уважаемой газете „Солдатская правда“ и нашу посильную лепту от 20 человек рабочих и солдат 4-го отделения отдела артиллерии Петроградского Артиллерийского Склада 15 руб. 50 коп. А. И. Масленников»²⁴⁶.

К сожалению, об А. И. Масленникове нам ничего пока не известно. И. И. Орехов упоминал эту фамилию в своих воспоминаниях и характеризовал его как активного солдата, но относил его почему-то к пулеметному батальону Колыта, который был введен в крепость накануне Октябрьского вооруженного восстания. По-видимому, здесь Орехов ошибся. Из документов ВРК, хранящихся в ЦГАОРе, мы знаем, что после победы Октября Масленников был введен в состав вновь созданного комендантского управления²⁴⁷. Ничего более определенного о нем пока сказать нельзя, но его подпись под таким документом дает право предположить, что он действительно был одним из активных солдат команды склада и тоже принимал участие в работе большевистской ячейки.

Кроме этих первых поступлений, солдаты Петроартсклада собрали и отправили в фонд «Солдатской правды» еще 14 рублей²⁴⁸.

Большевики крепостного гарнизона были тесно связаны со всеми остальными воинскими частями, принимали участие в митингах и демонстрациях, посвящавшихся различным текущим и политическим вопросам дня и политики Временного правительства.

Так, например, когда издание «Солдатской правды» было поставлено под угрозу ввиду отказа типографии Петроградского градоначальства ее печатать, 8 июня в манеже Измайловского полка собрался грандиозный митинг солдат и офицеров социал-демократической и большевистской ориентаций. Среди двух тыс. присутствующих на митинге были представители 3-го стрелкового полка, Петроартсклада и отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии. Они вместе со всеми проголосовали за следующую резолюцию собрания:

«По вопросу о прекращении выхода „Солдатской правды“ собрание вынесло следующее постановление:

В виду отказа в типографии Комиссара Временного Правительства над Управлением бывшего Петроградского Градоначальника печатать нашу газету „Солдатская правда“, Общее Собрание солдат социал-демократов, считая, что „Солдатская правда“ является самой стойкой, самой верной защитницей солдат и всех угнетенных и что она получила за полтора месяца своего существования самое широкое распространение среди наших товарищей в окопах, в тылу и в деревне, — постановило отправить делегацию в Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с требованием какими угодно путями предоставить возможность „Солдатской правде“ выходить с 10 июня 1917 года. Одновременно Общее Собрание протестует против засилья погромных газет капиталистов, требует контроля над их типографиями, для социалистических же газет, требует, чтобы они преимущественно выходили и распространялись широко и беспрепятственно.

Кроме того, Собрание обращается к Союзу Печатников, Центральному Бюро Профессиональных Союзов, Совету заводских Комитетов с просьбой содействовать скорейшему выходу газеты „Солдатской правды“!²⁴⁹.

Другой, не менее показательный пример: 18 июня 1917 года Временное правительство начало широко разрекламированное наступление на фронте, пытаясь в шумихе националистических лозунгов потопить намечавшуюся в Петрограде большевистскую демонстрацию и, вообще, надеясь успехами на фронте свести внимание рабочих и солдат от насущных вопросов развития революции. В ответ на это Военная организация при ЦК и ПК РСДРП(б) немедленно собирает общее собрание членов «военки», на котором рассматривается один вопрос — о войне и наступлении на фронте. Единогласно принимается резолюция, резко осуждающая военную политику Временного правительства. Среди участников собрания названы: «Члены соц.-демократической партии: <...> 3-го стрелкового, команды складов Петропавловской крепости»²⁵⁰.

Солдаты разных частей крепостного гарнизона принимали участие и в общегородских демонстрациях. Правда, свидетельств этого у нас немного. Об апрельской демонстрации пока никаких документов не найдено. Правда, опубликованное выше свидетельство об отношении солдат гарнизона к вопросу о войне может явиться достаточным основанием для того, чтобы предположить, что в общей волне возмущения, которую вызвала нота Милокова среди солдат Петрограда, участвовали и солдаты Петропавловской крепости.

Что же касается июньской демонстрации, в архивах были обнаружены интересные документы, позволяющие проследить, как была встречена демонстрация солдатами и офицерами разных частей гарнизона крепости. Правда, документы, на которые можно опереться, нельзя принимать полностью на веру, ибо это рапорты начальников частей и войск штаба Петроградского военного округа. После того, как демонстрация была проведена и показала, что большинство гарнизона города идет под большевистскими лозунгами, руководство штаба ПВО, вероятно, заволновалось. По всем частям полетели телеграммы с запросами: участвовала ли та или

другая часть в демонстрации и под какими лозунгами? Понятно, что на такие запросы далеко не все начальники частей отвечали правду, а многие, наоборот, пытались скрыть истину, приукрасить положение вещей, чтобы хоть как-то показать Временному правительству, что положение еще не так плохо. Приведем выразительный пример.

В первой главе мы уже ознакомились со сложной структурой батальона для воздушной обороны Петрограда и окрестностей — он состоял из четырех рот по четыре батареи в каждой, причем все батареи были раскреплены за самыми разными военными и промышленными объектами, которые они охраняли. В крепости находились только 8-я батарея 2-й роты и отдельная рота Петроградской крепостной артиллерии. Понятно, что при такой структуре батальону было очень трудно выступить на демонстрации единой частью. Когда встал вопрос об участии в демонстрации, он прежде всего был рассмотрен на заседании Полкового комитета, состоявшемся 14 июня 1917 года. Напомню, что была принята следующая резолюция: «2. Об участии в манифестации 18-го июня с. г. Участие Петроградской Крепостной Артиллерии в манифестации желательно, но ввиду специальной службы батальона и технических затруднений, батальон выступить не может. Отдельное выступление недопустимо. Петроградская Крепостная Артиллерия обязуется поддержать порядок на местах»²⁵¹.

Мы уже характеризовали эту резолюцию как вредно-соглашательскую. И действительно, уступая, по-видимому, солдатской части состава, комитет не решается принять резолюцию об отказе от участия в демонстрации, но, чтобы как-то воспрепятствовать этому, запрещает отдельно разбросанным частям батальона принять участие в демонстрации отдельно друг от друга: «Отдельное выступление недопустимо!» К тому же начальник Крепостной артиллерии, получив запрос из штаба, считает возможным ответить следующим образом:

«Срочно

Начальнику отдела нарядов войск Штаба Петроградского Военного округа Паршину

На телеграмму Вашу № 3636 сообщаю, что части вверенной мне Артиллерии: Отдельная рота и роты батальона для воздушной обороны Петроградского района участия в манифестации 18-го июня сего года не принимали, и никаких плакатов в названных частях не имеется»²⁵². (Письмо датировано 1 июля 1917 года.)

Конечно, часть как боевая единица не выступала, но нет сомнения в том, что солдаты-артиллеристы вышли на демонстрацию.

Когда такой же запрос (телеграмма под тем же номером) пришел на имя начальника Петроградского артиллерийского склада, он дал более правильный ответ. Приведем его полностью:

«Начальнику Отдела Нарядов Войск Штаба Петроградского Военного Округа
РАПОРТ

15-го Июня с/г. Команда вверенного мне Склада численностью около 1000 человек, как определенная часть не выступала.

Писаря Управления участвовали в манифестации в союзе военных писарей, а потому надписи на плакатах может сообщить вышеназванный союз.

Команда солдат Склада (приблизительно 100 человек) шла с вольнонаемными рабочими Склада и рабочими Монетного Двора со следующими плакатами: „Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“, „Пора кончать войну“, „Пусть Совет Депутатов объявляет справедливые условия мира“, „Долой контр-революцию“, „Долой Царскую Думу“, „Долой Государственный Совет“, „Пересмотреть Декларацию прав солдата“, „Отменить приказы против солдат и матросов“, „Долой разоружение революционных рабочих“, „Да здравствует народная милиция“, „Долой десять министров-капиталистов“. О чем и доношу»²⁵³.

Итак, оказывается, даже по данным начальника склада не менее сотни солдат команды склада вышли на демонстрацию под большевистскими лозунгами, причем вместе с вольнонаемными рабочими склада и рабочими Монетного двора. Напрашивается предположение, что и солдаты из отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии могли примкнуть к этой колонне.

Согласно церемониалу демонстрации, разработанному ЦК РСДРП(б) и опубликованному в «Правде», все колонны рабочих и воинские части Петроградской обороны собирались в 8 часов утра 18 июня у здания Петропавловской больницы (Архиерейская ул., 4 — ныне больница им. Эрисмана), затем по Большому пр. шли к Тучкову мосту, по Васильевскому острову к Дворцовому мосту, по Невскому пр. и на Марсово поле со стороны Садовой улицы²⁵⁴. По Троицкому мосту двигались колонны, уже прошедшие мимо трибун и заканчивающие демонстрацию. Таким образом, многотысячные колонны демонстрантов, украшенные яркими лозунгами и транспарантами, весь день шли мимо Петропавловской крепости. Уже само это шествие было прекрасной агитацией и для тех солдат, которые остались в казармах. Вот как описывала «Правда» шествие в день демонстрации по районам:

«На Петроградской стороне шествие открылось в девятом часу. Ни одного плаката не было с неопределенными лозунгами или с выражением прямого доверия Временному Правительству. Весь Большой просп. был залит красными знаменами (или белыми знаменами с красными буквами на них) с подписями: „Долой 10 министров-капиталистов“, „Вся власть С. Р. и С. Д.“, „Долой капиталистов мародеров и локаутчиков“, „Война войне“, „Мир всему миру через социальную революцию пролетариата всего мира“, „Долой Госуд. Думу и Госуд. Совет“, „Контроль рабочих над производством и распределением“, „Да здравствует III Интернационал“ и т. д.

Стройными, сомкнутыми рядами шел организованный пролетариат под звуки „Марсельезы“, „Варшавянки“, „Интернационала“, которые играли оркестры музыки и пели звонкие голоса юношеских организаций и работниц»²⁵⁵.

И в этих рядах шла дружная колонна рабочих и солдат Петропавловской крепости, вышедшая вопреки воле своих офицеров, вопреки постановлениям некоторых ротных и батальонных комитетов, вышедшая, чтобы продемонстрировать свою верность партии, связи с которой стали уже крепкими, нерасторжимыми.

Особенно ярко это подтвердилось в дни июльских событий.

Работники ЦК, ПК и Военной организации большевиков знали, что могут рассчитывать на гарнизон Петропавловской крепости. На второй Общегородской конференции РСДРП(б), открывшейся 1 июля, Н. И. Подвойский в своем выступлении сказал, что организации партии, помещающиеся в особняке Кшесинской, знают, что пушки крепости всегда защитят их и не допустят никаких насилий над большевиками. Это высказывание руководителя «военки» основывалось на резолюции общего собрания 8-й батареи 2-й роты батальона для воздушной обороны Петроградского района, которая была принята в связи с обсуждением вопроса об угрозе выселения ЦК и ПК из особняка Кшесинской. Резолюция была напечатана в «Солдатской правде» под заголовком «Дворец Кшесинской — Военной организации»:

«Собравшиеся в полном составе батареи и обсудив затруднительное положение товарищей Военной организации т.т. большевиков, которых Временное Правительство пытается выселить из дворца балерины Кшесинской, бывшей любовницы Николая Романова, доводим до сведения, что дворец Кшесинской должен принадлежать товарищам Военн. орг. тт. большевиков.

Поэтому обращаемся к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и требуем принять решительных мер против выселения и оставить дворец в полное распоряжение Военной организации товарищей большевиков.

Мы соседи этого дворца. Наши орудия постоянно смотрят на него и, если потребуется, то мы сумеем защитить неприкосновенность наших товарищей.

Да здравствует Военная организация.

Просим товарищей солдат, матросов и рабочих присоединиться к нашей резолюции»²⁵⁶.

Таково было настроение не только одной батареи крепостной артиллерии, таким было настроение подавляющего большинства солдат гарнизона крепости. Это был главный результат работы, которую вела на протяжении марта – июня 1917 года большевистская ячейка гарнизона крепости. Конечно, без постоянного внимания и помощи, которые оказывали ей партийные организации большевиков и особенно ее военная организация, агитационно-пропагандистская работа не получила бы такого размаха, не смогла бы стать достаточно глубокой, не нашла бы такого отклика в сердцах большинства солдат. Но и в создании и постоянном укреплении и расширении связей с центральными партийными организациями и с военной организацией — тоже заслуга партийного коллектива крепости и, в частности, его руководителя солдата Бориса Васильевича Голубева.

ГЛАВА 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ГАРНИЗОНЕ КРЕПОСТИ В АВГУСТЕ – СЕНТЯБРЕ 1917 ГОДА

После июльских дней обстановка в гарнизоне крепости, как и в других частях Петроградского военного округа, была очень тяжелой. В июле – августе в крепости постоянно работали члены следственной комиссии Временного правительства, созданной Керенским 9 июля для «расследования» июльских событий, то есть для того, чтобы сфабриковать грязное обвинительное заключение в адрес большевистской партии о подготовке вооруженного восстания в июльские дни. Члены этой комиссии работали во всех крупных воинских частях Петрограда, пытались путем специально подстроенных показаний создать нужную Керенскому «обвинительную» картину. В крепости было допрошено 83 солдата и офицера, причем комиссия снимала показания главным образом с офицеров и солдат, которые были членами соглашательских, эсеро-меньшевистских партий. Члены следственной комиссии своими вопросами наталкивали на выявление фамилий «зачинщиков и смутьянов», к которым собирались применять различные карательные меры. Следователи пытались разжигать и взаимное недоверие одних частей гарнизона к другим и играли на этом. Так, например, офицеры и ряд солдат частей, входивших непосредственно в гарнизон крепости, пытались обвинить в росте революционных настроений в гарнизоне солдат и даже офицеров прикомандированного к крепости 3-го стрелкового полка. Офицеры крепостного гарнизона обвиняли офицеров-стрелков чуть ли не в поголовном большевизме и «дурном» влиянии на солдат.

Все эти обстоятельства осложняли и без того напряженную обстановку в гарнизоне крепости, создавали настроение подозрительности, слежки, травли. В результате работы комиссии к числу войск, выступавших на стороне большевиков в июльские дни, был отнесен весь эшелон 3-го стрелкового полка²⁵⁷, и поступило распоряжение о его выводе из Петропавловской крепости. Комендант Кронверка прапорщик Филиппов на основе данных, собранных на допросах комиссией, и своих личных наблюдений, составил список наиболее «неблагонадежных» солдат команды Петроградского артиллерийского склада и представил его комиссии. В списке было перечислено 47 солдат²⁵⁸.

Начались репрессии: стрелков стали выводить из крепости. Этот процесс длился весь июль. Только 5 августа командир батальона доложил начальнику штаба Петроградского военного округа, что стрелки из крепости выведены²⁵⁹. По списку, представленному Филипповым, установили слежку за революционными солдатами, пытались избавиться от них путем высылки из крепости.

Борясь с революционными настроениями, офицеры гарнизона стремились восстановить авторитет Совета среди солдат и вели разговоры о том, что июльские события были результатом «козней контрреволюции». Агитация эта была очень упорной и иногда давала свои плоды²⁶⁰ даже среди команды солдат Петроартсклада,

которая была наиболее революционной частью. Восьмого июля на общем собрании солдаты команды осудили своих наиболее революционных товарищей, которые в дни июльских событий были тесно связаны с Военной организацией большевиков и высказали полное доверие Петроградскому Совету. Характерно, что председателем собрания был избран солдат-эсер Иван Алешечкин²⁶¹.

Но принятие такой резолюции, против которой во время голосования открыто решили высказаться только трое (фамилий, к сожалению, в документе нет), не отражало действительных настроений всех солдат команды. Наглядным доказательством этого является публикация в возрожденной после июльского разгрома газете «Правда» письма группы солдат команды, твердо стоявших на позициях большевизма. Приведем этот документ полностью:

«Привет! Товарищ редактор! Просим Вас поместить в Вашей уважаемой газете наше приветствие.

Мы, солдаты Кронверкского арсенала, оружейной мастерской, шлем Вашей газете „Рабочий и солдат“ как единственной выразительнице интересов трудового народа горячий привет и просим принять собранные нами 60 рублей.

Мы, солдаты, видим, что только Ваша газета не идет солидарно с буржуазной прессой, а защищает интересы трудовой рабочей и солдатской массы.

Следует 60 подписей солдат и рабочих Кронверкского арсенала оружейной мастерской»²⁶².

Этот документ позволяет сделать вывод, что, во-первых, несмотря на напряженную обстановку травли и преследований, революционные, по-большевистски настроенные солдаты склада продолжали собираться, — значит, продолжалась деятельность большевистской ячейки склада. Кроме того, они обсуждали происшедшие события, делали правильные выводы и стремились к восстановлению связей с партийными организациями, о чем свидетельствуют письмо в газету и приветствие ей. Ячейка продолжает работать в содружестве с вольнонаемными рабочими, и, по всей видимости, она не ограничивалась только кругом солдат, примыкавших к ней, а пыталась действовать и шире — об этом говорит сумма взноса в газету, 60 рублей (важно подчеркнуть, что этот взнос в фонд возрождения «Правды» не был единичным²⁶³). Кроме того, солдат волновали многие политические события, происходившие в городе: например, положение политических заключенных, то есть большевиков, попавших в тюрьму после июльских событий. В конце июля — начале августа солдаты Петроградского артиллерийского склада прислали в газету «Пролетарий» еще 73 рубля для Центрального бюро помощи политическим заключенным²⁶⁴.

Все это, конечно, лишь крупницы, отдельные штрихи, по которым можно только догадываться о проводившейся среди солдат работе. Но они показывают самое главное: солдаты-большевики команды артиллерийского склада не растерялись в сложившихся трудных условиях, не прекратили политической работы. И во многом это была заслуга руководителя ячейки, солдата Бориса Васильевича Голубева.

О том, что Голубев был первым секретарем большевистской ячейки солдат команды склада, мы узнали из воспоминаний солдат И. И. Орехова и И. С. Боданенко. Подтверждением этого служит документ, обнаруженный в ЦПА при ИМЛ в Москве, — подлинный, подписанный Н. И. Подвойским членский билет Военной организации большевиков на имя Б. В. Голубева. Билет имеет № 102 и выдан 9 апреля 1917 года, то есть в период, когда сама Военная организация только завершила период своего становления²⁶⁵. Естественно, что человек, так рано вступивший в ряды Военной большевистской организации, и должен был стать организатором и руководителем партийной ячейки в своей команде.

Пока у нас очень мало сведений о биографии этого интересного человека, рядового партии. Год и место рождения установить не удалось. По воспоминаниям Орехова, в 1917 году Голубеву было 36 лет, это был солдат сверхсрочной службы, призванный в годы империалистической войны в армию вторично. Первый срок службы он проходил в 1905 году, служил в Кронштадтском минном отряде, принимал активное участие в событиях революции и тогда же вступил в партию эсеров. За участие в революционном выступлении моряков Голубев был выслан на Кавказ. К артскладу Петроградской крепости он был прикомандирован, как пишет Орехов, в 1915 году, из запасного батальона 200-го Нейшлотского полка и назначен в Оружейную мастерскую склада в качестве специалиста-слесаря (эта деталь говорит о том, что до призыва на военную службу Голубев был рабочим-металлистом). В Петроартскладе Голубев служил до демобилизации старой армии — до января 1918 года. Затем его следы теряются, и дальнейшую судьбу пока установить не удалось. Зато мы знаем, что в 1917 году, в период мирного развития революции, уже будучи секретарем большевистской ячейки команды Петроградского артиллерийского склада, Голубев вел большую общественно-политическую работу; являлся депутатом солдат гарнизона крепости в Петроградском районном Совете²⁶⁶, был включен Военной организацией большевиков в список № 6 во время выборов в районные Думы и принимал участие в этой важной политической кампании по борьбе за влияние большевиков в легальных городских органах²⁶⁷. В дни июльских событий он был главным уполномоченным Военной организации большевиков на переговорах особняка Кшесинской с комендантом Петропавловской крепости²⁶⁸. Повидимому, именно эти бурные революционные месяцы и большая работа закрепили и дополнили тот политический багаж, который уже был у Голубева после событий первой русской революции 1905 года.

Упорная, целенаправленная работа, которую продолжала большевистская ячейка команды Петроградского артиллерийского склада после июльских дней (восстановление связей со ставшей нелегальной большевистской печатью и постоянный сбор средств для ее издания, обсуждение важных политических вопросов текущего момента) показывают, что политическая жизнь в крепости в эти тяжелые дни не замирала. Конечно, работа ячейки, уже фактически подпольной, стала более локальной, осторожной, если можно так выразиться. Не проводилось широких, бурных митингов, как в мирный период, в мае — июне, не приходило такого большого

количества большевистских газет, и чтение их не превращалось в массовые собрания, но все же работа велась.

Пока не удалось восстановить, возобновил ли в этот период свою работу революционный солдатский клуб, который впервые был открыт в Петропавловской крепости еще в мае 1917 года²⁶⁹. Никаких сведений на этот счет пока не обнаружено. Но, судя по тому, что клуб помещался в казармах стрелков, а в июле – августе они выводились из крепости и их место занимали самокатчики, клуб не мог действовать.

Из-за осторожного, почти подпольного характера политической работы в воинских частях вообще и в Петропавловской крепости в частности, в этот период между отдельными частями ее гарнизона связи не было. Тем не менее процесс большевизации шел и в другой крупной части крепостного гарнизона — в ротах самокатчиков, введенных в крепость в июле – августе.

В связи с реакционным поведением самокатчиков в дни Февральской революции, а также в связи с тем, что они прибыли в революционный Петроград по вызову Керенского для контрреволюционной расправы, в работах советских историков самокатчики огульно характеризуются как реакционные части. Однако если ознакомиться с их политическими настроениями более внимательно и детально, то обнаружится довольно любопытная картина.

Временное правительство действительно возлагало на самокатчиков большие надежды. Корреспондент «Нового времени» описывал их прибытие в Петроград восторженно: «Вид самокатчиков прекрасный, несмотря на то, что они спешили поскорее прибыть в Петроград и, следовательно, устали»²⁷⁰. А «Биржевые ведомости» даже вложили в уста солдат такие патриотические речи: «...мы сочли нужным приехать, чтобы спасти свободу, которая сейчас находится в опасности. Мы, безусловно, верим Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов, приказаний которых будем слушать беспрекословно»²⁷¹.

Что же действительно думали по этому поводу самокатчики и как они приехали в Петроград и разместились в особняке Кшесинской, мы можем узнать из воспоминаний солдата 6-й роты Семена Кузьмича Дурихина:

«Я расскажу, как 6-я самокатная рота была вызвана в Петроград Временным правительством. Когда нас пригнали в Псков, нам дали отдохнуть, сделали дневку, а ночью часов в 12 нам сделали тревогу выстрелами и повели нас на площадь. На площади нам объявили, что нас отзывает правительство в Петроград. Солдаты стали протестовать, так как шли слухи, что в Питере что-то неладно. Нам заявили, что мы военные и что мы должны ехать, и нас тут же ночью погрузили спешно. Солдаты стали сговариваться по дороге не вступать в бой, что бы нам ни грозило, так как мы чувствовали, что нас гонят на нехорошее дело, и так и решили в дороге — не принимать бой. Приехали в Петроград, разгрузились и пошли боевым порядком. Ну, было сказано, чтобы быть наготове. Ну, а солдаты о готовности и не думали... Перешли мост, остановились против Петропавловской крепости, в тени под деревьями, поставили самокаты и винтовки в козлы. К нам стали подходить граждане и гражданки

рабочие, обступили нас и стали расспрашивать, откуда мы приехали. Мы охотно отвечали, что нас пригнали с фронта, а зачем — не знаем. Нам рассказали, что вчера была демонстрация рабочих, рабочие требовали у правительства „Долой войну“, „Да здравствует мир“, „Долой 12 министров-капиталистов“. „Долой войну“, „Да здравствует мир“ — долгожданные слова, желанные для солдат. Солдаты жадно и внимательно слушали. Мы разбивались по партиям, на кучки солдат, и к нам вливались женщины и мужчины и поясняли, и разъясняли, чего хотят большевики... Мы тут простояли до вечера. Много пришлось услышать от рабочих и работниц, нам стало понятно, что Ленин борется за мир и против войны, чего жаждут солдаты».

Эти воспоминания очень ярко показывают, что в июльские дни самокатчики вернулись с фронта не теми, какими были накануне Февральской революции. В их среде началось расслоение. И это было сразу замечено Военной организацией большевиков. Николай Ильич Подвойский, выступая на II Общегородской партийной конференции большевиков и характеризуя настроения в полках после июльских дней, отметил: «Самокатчики уже поделились на большевиков и меньшевиков, и среди них идет чуть ли не поножовщина»²⁷².

Разместившись в Петропавловской крепости, самокатчики долгое время держались особняком, присматривались и не устанавливали связи с другими частями гарнизона. Но сама жизнь втягивала их в русло политической борьбы. Так, став частью гарнизона крепости, самокатчики должны были избрать своих депутатов в районный Совет Петроградской стороны. Были избраны три солдата, в том числе самокатчик 1-й роты Венедикт²⁷³, который потом, в дни Октябрьского вооруженного восстания, был одним из парламентариев от ВРК к Временному правительству. Солдаты-самокатчики, посещая заседания Совета, который тогда возглавлял большевик А. К. Скороходов, работали бок о бок с революционными рабочими. В августе же в батальоне было проведено собрание солдат, на котором наиболее революционно настроенные самокатчики выбрали своего представителя — как они его называли, комиссара — Адама Ивановича Поппеля и направили его установить связь с Военной организацией большевиков²⁷⁴.

Рассказ об этом, впервые записанный со слов самого Адама Ивановича, оказался нам маловероятным. Однако затем в Центральном партийном архиве были обнаружены документальные записки в дневнике дежурного члена Военной организации при ЦК РСДРП и в переписке местных военных организаций с центральной о том, что 3 и 6 сентября 1917 года представитель 1-го самокатного батальона, расположенного в Петропавловской крепости, солдат 3-й роты Адам Поппель, член батальонного комитета, прибыл в Военную организацию для установления связи²⁷⁵.

Адам Иванович Поппель (1895–1965) — член партии большевиков с января 1918 года, персональный пенсионер республиканского значения, сыграл большую роль в большевизации самокатного батальона, в его окончательном переходе на сторону ВРК накануне восстания. Его имя упоминалось только в мемуарной литературе²⁷⁶. Невнимание к самокатному батальону сказалось и на биографии Поппеля,

хотя даже короткое знакомство с ней показывает, какую интересную жизнь прожил этот человек и как типична его судьба для сотен и тысяч бывших солдат и рабочих России, делавших революцию, а потом ставших строителями нового общества.

Родился А. И. Поппель в 1895 году в Петербурге и с малых лет начал работать на заводе. Перед началом 1-й империалистической войны был рабочим завода Лесснера на Выборгской стороне и принимал активное участие в забастовках рабочих. Его неоднократно увольняли как неблагонадежного, а потом, после участия в одной из крупных забастовок, направили на фронт. Там он довольно скоро попал в самокатные части как специалист, умеющий ремонтировать машины. А в 1917 году вместе со всем 1-м самокатным батальоном Поппель прибыл в Петроград и как солдат 3-й роты в июле был размещен в казарме Петропавловской крепости.

Сам Адам Иванович вспоминал, что к этому времени он уже фактически был членом большевистской партии (подал заявление в РСДРП(б) в апреле 1917 года, когда на фронте узнал о возвращении В. И. Ленина в Россию; это не указано в партийных документах, так как партийный билет Поппель смог получить только в 1918 году). Отсюда и его активность, и революционность, и связь с Военной организацией большевиков, тесные контакты и совместная работа уже накануне восстания с Г. И. Благоднавым, комиссаром ВРК в крепости. Сразу после победы Октября А. И. Поппель был выбран солдатами-самокатчиками в состав нового, советского комендантского управления Петропавловской крепости, а после отъезда Благоднава в Москву стал вторым комендантом Петропавловки. Летом 1919 года Поппель с одним из соединений Красной армии ушел на фронт воевать против Юденича. Он защищал красный Петроград от белогвардейских банд. После Гражданской войны перешел на хозяйственную работу. Последние годы жизни работал в ЦКБ завода «Знамя труда»²⁷⁷.

Установив связь с Военной организацией большевиков, Поппель создал у себя в батальоне небольшую революционную группу солдат, подобрав себе в помощники главным образом бывших рабочих. Политическая разъяснительная работа велась в батальоне очень осторожно: боялись слежки своих офицеров, опасались какой-нибудь оплошности, ошибки. Однако солдаты относились к разговорам о большевиках с интересом, часто просто положительно. С. К. Дурихин вспоминает, что большую роль в знакомстве с идеями большевиков сыграли большевистские книги, брошюры и газеты, которые обнаружили самокатчики, когда заняли разгромленный особняк Кшесинской. По всем комнатам бывшей редакции «Солдатской правды» были разбросаны кипы революционных газет и брошюр. Никому из офицеров и в голову не пришло вовремя их убрать. Они дали распоряжение солдатам использовать эту «макулатуру» для топки печки в кухне. Но солдаты начали читать так неожиданно «подброшенную» им литературу. Это занятие в первые дни захватило всех поголовно. Солдаты не реагировали на присутствие своих начальников, на их приказания. Тогда-то и всполошились чиновники из штаба ПВО и Временного правительства, вероятно, поняв, какую оплошность допустили. К особняку Кшесинской был прислан грузовик, но солдаты успели попрятать часть литературы: закопали в саду под кустами, заматали вокруг ног под портянки. Офицеры

запоздало устраивали обыски, перетряхивали солдатские вещмешки, даже заставляли портянки разматывать. Но все же часть большевистских изданий самокатчики сумели сохранить и продолжали их изучать и в Петропавловской крепости²⁷⁸.

Новые документы и материалы, отражающие политические настроения в самокатном батальоне в июле – сентябре 1917 года представляют особый интерес потому, что показывают ход большевизации среди тех воинских частей, на которые Временное правительство возлагало наибольшие надежды, которые оно специально отозвало с фронта для укрепления своей власти. Начало большевизации самокатчиков, до некоторой степени стихийное, особенно интересно еще и потому, что весьма выразительно подчеркивает силу жизненности идей, выдвинутых большевистской партией в период подготовки вооруженного восстания, их неразрывную, глубокую связь с действительными настроениями широких солдатских, крестьянских и рабочих масс.

ГЛАВА 6

РАБОТА РАЙОННОГО КОМИТЕТА ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ (КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ – ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)

Во второй половине сентября 1917 года началось значительное оживление политической работы в Петрограде. Это было связано с тем, что после подавления Корниловского мятежа сильно возросло влияние большевистской партии, она перешла к открытой работе по подготовке вооруженного восстания, и ряды Военной организации большевиков пополнились группой опытных партийных работников, главным образом офицеров-большевиков, которые были выпущены Временным правительством под залог из тюрем Петрограда²⁷⁹. Среди них был и прапорщик 180-го пехотного полка Михаил Карпович Тер-Арутюнянц, член партии большевиков с марта 1917 года, один из создателей Военной организации, вожак своего полка в июльские дни. Тер-Арутюнянца знали в военной организации как пламенного оратора, умелого организатора, человека большой находчивости и смелости. После выхода из тюрьмы он был направлен «военкой» на Петроградскую сторону создавать районный комитет Военной организации и восстанавливать связи с воинскими частями, нарушенные в период реакции после июльских дней. Вот как вспоминает об этом М. К. Тер-Арутюнянц в своих неопубликованных и, к сожалению, незавершенных воспоминаниях, поступивших после его кончины в архив Государственного исторического музея: «В середине сентября впервые были созданы Районные комитеты Военной организации партии для приближения партийного руководства к первичным партийным организациям в войсках. 21 сентября Бюро Воен. Орг. при ЦК партии я был направлен в район Петроградской стороны в качестве Председателя Райкома военной организации»²⁸⁰. К этому времени, как пишет Тер-Арутюнянц, на Петроградской стороне численность всех воинских частей превышала 10 тыс. человек (кроме Петропавловской крепости здесь были расположены гвардии Гренадерский полк, Огнеметно-химический батальон, Автобронедивизион, Павловское и Владимирское военные училища и ряд более мелких соединений)²⁸¹. Конечно, к ним примыкали сотни и тысячи сочувствующих, но необходимо было взяться за укрепление организационной стороны дела — в этом теперь был ключ к решению задачи по подготовке вооруженного восстания. Райком военной организации, как пишет Тер-Арутюнянц, поставил перед собой следующие задачи: «1) Вести организационную и политическую работу среди солдат, особенно гарнизона Петропавловской крепости и Кронверкского арсенала при ней. 2) Подготовить район к вооруженному восстанию»²⁸².

Реализовывались эти задачи путем широкого использования легальных форм работы — проведения собраний, митингов, распространения партийной литературы — и путем организации нелегального, «повстанческого», как назвал

его Тер-Арутюнянц, штаба восстания, в который вошли председатель райсовета А. К. Скороходов, начальник комендатуры Красной гвардии района Я. И. Крамер²⁸³ и председатель райкома Военной организации большевиков М. К. Тер-Арутюнянц. Сообщение об организации комитета сделал на заседании райисполкома 22 сентября 1917 года товарищ Крамер, и райисполком одобрил это мероприятие²⁸⁴.

Более широкое развертывание агитационно-политической деятельности привело к возобновлению работы солдатского революционного клуба Петропавловской крепости. Произошло это, по-видимому, в конце сентября – начале октября 1917 года. Четвертого октября того же года в «Журнале учета проведенных митингов и лекций» Петроградского комитета РСДРП(б) в графе «Кто устраивает, где (адрес), сколько слушат. и пр.» появилась такая запись: «Политический клуб гарнизона Петропавловской крепости», а в графе «Тема» — «Учредительное собрание и наши задачи». ПК выделил для выступления в крепости одного из сильных своих агитаторов — Ф. Н. Дингельштедта, который часто выступал на собраниях рабочих и военных. На лекции присутствовали, как показывает запись, 500 человек²⁸⁵. Несмотря на то, что запись, относящаяся к Петропавловской крепости, только одна в журнале Петроградского комитета партии, она говорит о многом. Интересна и весьма показательна сама тема лекции. Ведь вопрос об Учредительном собрании, выдвинутый Временным правительством и поддержанный соглашательскими партиями, должен был отвлечь широкие рабочие и особенно солдатские массы от вопроса о подготовке вооруженного восстания. Посулами об учредительном собрании вместо скорейшего разрешения жизненно важных проблем Временное правительство пыталось выиграть время и помешать большевистской партии собрать свои силы в единый кулак. То, что солдаты-большевики Петропавловской крепости поставили именно этот вопрос и обратились за помощью в Петроградский комитет, говорит об их политической зрелости. Число же присутствующих на лекции (500 человек) показывает, что к началу октября агитационно-пропагандистская работа в гарнизоне достигла большого размаха. По воспоминаниям бывших солдат артиллеристов и колыбистов, мы знаем, что в этот период солдатский политический клуб находился в помещении Невской куртины, в бывших казармах стрелков, которые теперь были заняты самокатчиками (после 11 октября сюда же частично влились и колыбисты). Естественно предположить, что на лекции, кроме солдат Петроградского артиллерийского склада, присутствовали и самокатчики. И, конечно, это была не единственная лекция. Возродив свою работу, политический клуб проводил собрания и митинги регулярно, но просто пока не обнаружены документальные данные. В воспоминаниях же солдаты И. И. Орехов, И. С. Боданенко и другие упоминают о частых собраниях и митингах, проводившихся в этот период в гарнизоне крепости, и о большой разъяснительной работе по борьбе с влиянием меньшевиков и эсеров, которую проводила партийная ячейка и ее секретарь Борис Васильевич Голубев. Вспоминает о многочисленных митингах, распространении политической литературы и о чтке ее на собраниях и М. К. Тер-Арутюнянц.

Не меньшее внимание райком «военки» и революционный штаб по подготовке восстания на Петроградской стороне уделяли и нелегальным формам работы.

Это была работа по формированию и обучению отрядов Красной гвардии в районе и подготовка к ее вооружению. Второй вопрос был особенно сложным не только для Петроградской стороны, но и в масштабе всего города. Поэтому Военная организация поручила Тер-Арутюнянцу особое внимание обратить на выяснение числа запасов вооружения, имеющегося в крепости в Петроградском артиллерийском складе (Кронверкском арсенале). Тер-Арутюнянец занялся этим вопросом сразу же после прибытия на Петроградскую сторону. О результатах своей работы он посылал рапорты в Военную организацию с подробным перечислением воинских частей и имеющегося у них оружия. Два рапорта сохранились в архивах Военной организации и представляют для нас большой интерес, так как среди других частей в них упоминается и Петропавловская крепость. Так как документы еще ни разу не публиковались, позволю себе привести полностью ту часть, которая касается характеристики гарнизона Петропавловской крепости.

Первый рапорт озаглавлен «Сведения о воинских частях, стоящих на Петроградской стороне», помечен 11 октября и подписан так: «Ответственный организатор района М. К. Тер-Арутюнянец»²⁸⁶.

«III. Петропавловская крепость.

1. Команда Артиллерийского склада.

а) Налицо — 800 чел.

б) Винтовок — 400

с) Патронов имеется при каждом, посчитать нельзя.

д) Орудия — только на крепости.

е) На складе в запасе снарядов и орудий неизвестно.

ф) На складе в запасе — 100 000 винтовок.

г) Броневых, легковых, грузовых машин нет.

h) Коллектив партии: 4 члена партии и 35 сочувств., записавш. в коллектив.

2. Других сведений о других командах крепости пока не удалось добыть. В других командах крепости: рота артиллерии, воздухоплавательная команда, местная или конвойная команда — вместе взятые — около 700 чел.».

Документ и в самом деле чрезвычайно интересный — он был результатом кропотливой работы, проделанной за конец сентября — начало октября 1917 года. Если учесть, что такие же подробные сведения М. К. Арутюнянец сообщает и по другим крупным воинским частям Петроградской стороны (по Автобронедивизиону, Гренадерскому полку, Огнеметно-химическому батальону и др.), то можно себе представить, какую ценность имел этот рапорт для Военной организации в октябре 1917 года. Здесь и сведения о численности войск (причем довольно правильные), и, там, где возможно, данные о запасах оружия, и, главное, сведения о наличии партийных ячеек в воинских частях и их численности. Понятно, что такие обширные данные Тер-Арутюнянец не мог собрать один. И в конце документа действительно имеется приписка: «Все сведения получены мною от представителей коллективов в Комитете Района В. О. (Военной организации). — Е. Б.».

Кто же входил в состав районного комитета Военной организации от Петропавловской крепости? Ответ на этот вопрос мы находим также в одном из рапортов Тер-Арутюнянца в Военную организацию:

«Список членов партии Р.С.Д.Р.П. (большевиков), входящих в район Военной организации Петроградской стороны²⁸⁷:

III. Петропавловская крепость ком. склада

1. Голубев Борис Васильевич 355

2. Шорохов Александр Дмитриевич 356».

(Номера рядом с фамилиями обозначают номера партийных билетов, которые Тер-Арутюнянец почему-то приложил к рапорту)²⁸⁸.

Таким образом, солдаты команды Петроградского артиллерийского склада избрали своими представителями в районный комитет Военной организации большевиков секретаря своей партийной ячейки Бориса Васильевича Голубева и солдата Александра Дмитриевича Шорохова.

Что же нам известно об А. Д. Шорохове? Пока очень мало. В апреле 1917 года Шорохов вступил в Военную организацию большевиков, в мае ему был вручен членский билет, подписанный К. Мехоношиным²⁸⁹. До призыва в армию он, по-видимому, также был рабочим, так как И. И. Орехов вспоминает, что он работал в складе на ремонте оружия. Шорохов принимал деятельное участие во всей работе партийной ячейки команды склада, во всем помогал Голубеву. Он пользовался авторитетом у солдат: его избрали членом Гарнизонного комитета крепости²⁹⁰; в дни июльских событий он вместе с Голубевым был уполномоченным Военной организации на переговорах крепости с особняком Кшесинской²⁹¹. После июльских дней Шорохов был, конечно, также включен комендантом Кронверка — прапорщиком Филипповым — в список наиболее неблагонадежных солдат²⁹². Даже этих скудных данных достаточно для того, чтобы понять, почему именно Шорохов был делегирован солдатами вместе с Голубевым в районный комитет Военной организации большевиков.

В рапорте Тер-Арутюнянца содержатся чрезвычайно важные для нас сведения о численности партийной ячейки команды Петроградского артсклада. Она, как мы и предполагали, была немногочисленна — всего 4 человека, официально оформивших свое членство в партии (Голубев, Шорохов и еще двое, фамилий которых мы пока не знаем), и, как пишет Тер-Арутюнянец, «35 сочувствующих, записавшихся в коллектив». Но именно этими небольшими силами проводилась большая работа, как легальная, о чем мы уже писали выше, так и нелегальная — в помощь районному организатору «военки».

Очень важно вспомнить, что цифра в 100 000 винтовок, хранящихся в Кронверкском арсенале, впервые приведенная в процитированном рапорте Тер-Арутюнянца, затем стала неоднократно упоминаться руководителями Военной организации большевиков, когда встал вопрос о необходимости организации контроля над работой военных складов. Причем Тер-Арутюнянец сообщил о количестве

винтовок как раз накануне ряда важных совещаний членов и руководителей «военки» с В. И. Лениным, который к этому времени вернулся из Финляндии в Петроград по вызову ЦК партии. На одно из совещаний был приглашен и М. К. Тер-Арутюнянц²⁹³. Уже сам факт вызова его на столь важное и конспиративное заседание говорит о том, какое большое значение придавала Военная организация тем сведениям, которые добыл Тер-Арутюнянц, будучи районным организатором на Петроградской стороне. В ходе бесед с В. И. Лениным выяснилось, какое громадное значение имели запасы оружия, хранящегося в Петропавловке. Руководители Военной организации поняли, что за эти запасы необходимо бороться, причем вести борьбу не на жизнь, а на смерть. «Надо теснее связаться с арсеналами и складами боеприпасов, — говорил В. И. Ленин руководителям «военки», критикуя их за недостаточно активную работу в армии. — Там ведь тоже рабочие и солдаты. Разработайте такой план и обеспечьте так дело, чтобы мы могли взять оружие из самих складов непосредственно перед тем, как оно потребуется. Сестрорецкий завод — это хорошо, но этого мало. Уверен, что если вы поможете большевикам Петропавловского арсенала, Нового арсенала на Литейном и старого — на Выборгской стороне развернуться по-настоящему, они в нужный момент откроют склады для раздачи оружия рабочим»²⁹⁴.

Выполняя это требование вождя, Военная организация, а затем и Военно-революционный комитет поставили дело с Арсеналом Петропавловской крепости именно так (причинами этого стали, прежде всего, усилия партийной ячейки команды склада и та большая подготовительная работа, которая была проведена ею в гарнизоне крепости с помощью районного комитета Военной организации). То, что Тер-Арутюнянц сам присутствовал на одной из встреч с В. И. Лениным, имело огромное значение, так как указания вождя стали главными в его работе как руководителя райкома «военки» и как члена Революционного штаба на Петроградской стороне. По-видимому, он сумел достаточно четко разъяснить солдатам крепости их основную задачу — сохранить богатства Арсенала для вооружения отрядов Красной гвардии.

Солдаты команды Петроградского артиллерийского склада, выбранные в состав комитета Военной организации большевиков, члены большевистской ячейки и группировавшиеся вокруг нее революционные солдаты команды склада подошли к порученному им делу чрезвычайно ответственно. По всей видимости, они организовали какую-то негласную и очень действенную форму контроля над всей работой склада. Возможно, контроль осуществлялся через солдатский командный комитет, в котором, как мы знаем по документам мая – июня 1917 года, большинство составляли революционно настроенные солдаты и рабочие склада²⁹⁵. Пока у нас нет материалов, подтверждающих эту догадку. Мы знаем только, что солдаты склада имели своих представителей в районном комитете Военной организации большевиков (Б. В. Голубев и А. Д. Шорохов) и что они помогали Тер-Арутюнянцу добывать сведения о численности оружия, хранящегося на складе.

В середине октября 1917 года, когда при Петроградском совете, уже большевизировавшемся, по инициативе большевиков стал создаваться Военно-революционный

комитет — руководящий орган вооруженного восстания, его опорой на местах стали те районные комитеты, которые в сентябре создала Военная организация. Таким образом, связи солдат с «военкой» стали непосредственными связями с комитетом, готовившим вооруженное восстание, — ВРК. И надо сказать, что районный комитет оказал только что возникшему ВРК очень важную помощь: своим своевременным сообщением о дошедших до солдат и рабочих Петроградского артиллерийского склада намерениях штаба Петроградского военного округа вывезти 10 000 винтовок из Петропавловской крепости на Дон, к контрреволюционному генералу Каледину, он натолкнул руководителей ВРК на необходимость установления контроля выдачи оружия с военных складов в масштабе всего города. История эта известна, но хочется подчеркнуть, что именно революционная бдительность таких простых солдат-большевиков, как Голубев и Шорохов, помогла ВРК провести в жизнь его первое важное революционное мероприятие — назначение комиссаров в воинские части Петрограда. Вот как рассказал об этом сам руководитель ВРК В. А. Антонов-Овсеенко в отчетном докладе о начале деятельности ВРК на заседании Петроградского Совета 23 октября 1917 года:

«Сейчас же по образовании военно-революционного комитета к нему с разных сторон стали поступать заявления о необходимости контроля и принятия целого ряда мер в интересах защиты революции. <...> Далее со стороны товарищей рабочих и служащих Кронверкского арсенала при Петропавловской крепости был поднят вопрос о необходимости контроля над выдачей оружия. И в настоящее время ни одна винтовка без ведома нашего комиссара из Кронверкского арсенала выпущена не будет. Благодаря нашему вмешательству приостановилось вооружение юнкеров. 10 000 винтовок, предназначенных для Новочеркасска, задержаны. Задержано также оружие, предназначенное для целого ряда подозрительных лиц и организаций»²⁹⁶.

Комиссаром ВРК в Петропавловскую крепость был назначен М. К. Тер-Арутюнянц. Назначение его на этот объект, с которым он был хорошо знаком, стало логическим выводом из всей его предыдущей революционной работы на Петроградской стороне²⁹⁷.

Начало работы большевистских комиссаров ВРК в воинских частях Петрограда было отражением новой организационной и тактической линии, которую начал проводить Военно-революционный комитет накануне восстания. Эти последние перед восстанием дни по-своему отразились в жизни каждого конкретного объекта города. Для Петропавловской крепости эти дни стали особенно важными, так как за этот короткий срок завершилась история долгой политической борьбы за Петропавловскую крепость, которая шла на протяжении всего 1917 года.

ГЛАВА 7

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Работа комиссаров ВРК в крепости

Первым комиссаром ВРК в Петропавловской крепости стал М. К. Тер-Арутюнянц. Описывать его работу в этом качестве в крепости и Арсенале нет необходимости, так как все свои действия Михаил Карпович подробно и живо передал в воспоминаниях, опубликованных в 1957 году²⁹⁸.

Следует только отметить, что документы полностью подтверждают его рассказ о сохранении оружия и слова Антонова-Овсеевко в Петроградском совете о том, что ни одна винтовка за последние перед восстанием дни не оказалась за стенами Кронверкского арсенала. В Историческом артиллерийском архиве, хранящемся при Военно-историческом музее артиллерии и инженерных войск, были обнаружены интересные «Сведения об отправленных по назначению артиллерийских транспортах из Петроградского Артиллерийского склада» за 20–25 октября 1917 года²⁹⁹. В этих документах, подписанных начальником Петроградского артиллерийского склада генерал-майором Панковым и составлявшихся на следующий день после отправки, скрупулезно перечисляется все, что грузилось и отправлялось за стены склада. Среди длинных перечней только один раз попадает упоминание: «Винтовки 3-линейные с принадлежностью — 17». Отправлены они были в Царское Село, в 4-й стрелковый резервный полк³⁰⁰, 21 октября. По-видимому, эта выдача не встретила сопротивления большевистского комиссара потому, что стрелки были настроены революционно и шли за ВРК. Больше ни одной винтовки выдано не было. И вообще, отправка серьезного артиллерийского вооружения была в эти дни крайне ограничена. Самая большая отправка состоялась 20 октября, в тот день, когда комиссар только приступал к работе: в Оршу, в тыловой артиллерийский запас фронта было послано 13 исправленных трехдюймовых полевых скоростных пушек образца 1902 года и 21 28-миллиметровый миномет Дюмезиля. Двадцать первого октября в Царское Село, 4-му стрелковому полку были высланы вместе с винтовками пять бомбометов. Все остальные дни склад продолжал действовать, но рассылались укупорочные ящики, стереотрубы Цейса, различные мелкие артиллерийские принадлежности, подпруги, выючные ремни, слесарный инструмент, веретенное масло, пустые ящики из-под пороха и т. п. интендантская мелочь, которая тоже, оказывается, хранилась и ремонтировалась на складе.

В первые дни пребывания в Петроартскладе Тер-Арутюнянц, кроме борьбы за сохранение и невыдачу оружия, начал политическую работу в гарнизоне: провел партийное собрание большевистской ячейки команды склада со всеми представителями других частей, расположенных в крепости, наметил митинги и собрания в каждом подразделении. Вспоминая об этом, Тер-Арутюнянц называет секретарем партийной ячейки крепости не Голубева или Шорохова, фамилии которых

значились в его донесении в «военку», а солдата команды склада И. В. Павлова, который и помог ему в проведении всех этих мероприятий. Павлова тепло вспоминает и Г. И. Благоднаров, тоже называющий его секретарем партийной ячейки. Павлова хорошо помнят и многие из найденных нами бывших солдат гарнизона крепости.

Что же нам известно о Павлове? Автору удалось выяснить важнейшие вехи биографии этого интереснейшего человека, рядового революции, до сих пор никому не известного. Восстановить его биографию помогли документы (вернее, копии, заверенные в 1932 году Петроградским РК ВКП (б), сохраненные и переданные в музей дочерью Павлова Н. И. Сычевой, и сведения, полученные из Партийного архива Института истории партии при ЦК компартии Азербайджана. Даже то немногое, что удалось выяснить, подтверждает, что Павлов играл важную роль в политической жизни гарнизона крепости на всем протяжении 1917 года. Однако кажется сомнительным, что он мог быть секретарем большевистской ячейки в команде склада. Дело в том, что в собранных документах нигде нет бесспорных указаний на то, что Павлов в 1917 году был членом большевистской партии. Правда, в автобиографии он пишет: «По созданию Ц. К. партии была комиссия по военной организации во дворце Кшесинской в лице тов. Подвойского и Невского, я вступаю членом военной организации, организую в крепости коллектив большевиков»³⁰¹. Еще более сбивчивая запись имеется в «Личных регистрационных карточках», заполненных на Павлова в 1920–1921 годах: «Будучи Петрограде февральск. революц. членом правления Политическ. клуба председат. гарнизон. совета и подпольно председат. гарнизон. коллектива большевиков, Петропавл. крепости лев. эсеров»³⁰². Трудно разобраться, почему в период мирного развития революции Павлов был «подпольным» председателем коллектива большевиков и при чем тут левые эсеры. Но, обратившись к документам 1917 года, мы увидим, что сам Павлов на допросе в июле 1917-го показал следователю, прибывшему в крепость по поручению комиссии Временного правительства, расследовавшему июльские события, следующее: «Бывш. чл. ком., ст. унт-оф. Иван Павлов, сочувств. больш., чл. Военн. Ор. С-Р»³⁰³. То есть официально Павлов является в это время членом военной организации эсеров, но сочувствует большевикам.

Так оно, вероятно, и было: Павлов вступил в партию эсеров рано, еще восемнадцатилетним юношей, только начинавшим революционную борьбу, совсем незрелым и неопытным в политическом отношении. В 1911 году он уже примкнул к крайне левому крылу этой партии, к группе левых эсеров-интернационалистов. А к 1917 году все связи Павлова с эсерами ослабли, осталась только формальная принадлежность, которой он, по-видимому, как это часто бывало в 1917 году, не придавал особого значения, будучи по горло занят практической революционной работой у себя в крепости. Ему приходилось часто бывать в особняке Кшесинской, и работники Военной организации большевиков знали его хорошо — недаром именно его фамилию сообщили комиссарам ВРК в Смольном. Но оформил ли он документально свою идейную и практическую принадлежность к большевистской партии тогда же, в 1917 году, нам пока неизвестно. Материалы Партийного архива Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС показывают, что Павлов вступил

в ряды компартии только по возвращении в Баку, в сентябре 1920 года³⁰⁴. Правда, у нас есть документальное свидетельство И. В. Куделько, члена Военной организации большевиков, который после победы Октября был районным военным комиссаром Петроградской стороны и Петропавловской крепости: «Я знаю тов. Павлова Ивана Васильевича с ноября 1917 года. В то время он находился в рядах партии большевиков и выполнял боевые ответственные операции по закреплению власти Советов в Ленинграде»³⁰⁵.

Сопоставляя и анализируя все эти разноречивые свидетельства, можно сделать следующий вывод: возможно, Павлов официально оформил свою принадлежность к партии большевиков в 1917 году, но это могло произойти только в период после июльских дней, где-то между августом и октябрём. Если это случилось, солдаты могли сразу избрать его секретарем большевистской ячейки, так как знали его хорошо и очень уважали. Но и в этом случае Павлов был только вторым секретарем коллектива большевиков в крепости после Бориса Васильевича Голубева, о котором мы уже писали.

Все факты биографии Ивана Васильевича Павлова, подробно изложенной нами выше, характеризуют его как человека горячего, необузданного темперамента, бурной энергии, упорной, не знающей усталости натуры. Все эти качества были незаменимыми для революционера-борца, и особенно ярко они проявились в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания.

Решительные действия ВРК и его комиссаров в разных частях Петроградского гарнизона, неисполнение приказаний штаба округа серьезно встревожили Временное правительство. Пока оно, полное растерянности, не в силах предпринять никаких репрессивных мер против ВРК, вело с помощью представителей меньшевистского ЦИКа переговоры с руководителями ВРК, начальники воинских частей на местах пытались, заручившись распоряжениями ЦИКа, воспротивиться комиссарам ВРК, сорвать их работу. Вот как вспоминает об этом М. К. Тер-Арутюнянц: «...комендант крепости полковник Васильев развил подозрительную деятельность: часто устраивал у себя в кабинете закрытые совещания офицеров, настроенных против Военно-революционного комитета, либо нейтральных. Эти офицеры и кое-кто из солдат самокатного батальона и роты крепостной артиллерии стали заметно активизироваться и пытались влиять на солдатские массы своих подразделений»³⁰⁶. Закончилось все это тем, что комендант оказался призван мандат комиссара ВРК и пригрозил ему арестом³⁰⁷. М. К. Тер-Арутюнянц обратился за помощью в Военно-революционный комитет. Он приехал в Смольный ночью 23 октября. В это время шло заседание ВРК, обсуждались последние сведения о состоянии гарнизона. Сообщение Тер-Арутюнянца взволновало членов ВРК. Из воспоминаний В. А. Антонова-Овсеенко:

«Не шуточное дело! Петропавловка — сильнейший опорный пункт Питера, держит под своими орудиями Троицкий мост, Зимний дворец. Петропавловка примыкает к арсеналу с его 100 тысячами винтовок. Она на стыке нашего боевого Выборгского района с Петроградским.

За Петропавловку надо драться! <...>

Настаиваю на решительных мерах: опираясь на верную часть гарнизона, ввести в крепость батальон вполне надежного лейб-гвардии Павловского полка. Поддерживает Тер-Арутюнянц и еще кое-кто. Большинство возражает. Нельзя рисковать. А если крепость окажет сопротивление? Ведь только что введен с фронта в нее батальон самокатчиков.

Большинством решаем: надо попытаться взять крепость изнутри — провести митинг и склонить гарнизон на сторону Советской власти»³⁰⁸.

Это обсуждение отразило недостаточную осведомленность ВРК о конкретном положении дел и о настроениях на местах, в воинских частях. Как и указывал В. И. Ленин во многих своих работах августа – сентября 1917 года, Военная организация, а затем и ВРК уделяли недостаточное внимание военно-технической подготовке восстания, не всегда использовали все возможные организационные связи с отдельными воинскими частями. Так, по всей видимости, не были закреплены и развиты те связи, которые пытались установить представители самокатчиков, появившиеся в Военной организации в начале сентября 1917 года, поэтому у членов ВРК не было четкого представления об их политических настроениях. В противном случае, возможно, и не встал бы вопрос о необходимости таких решительных действий, как введение новой большевистской части в крепость. Безусловно, отказ ВРК от решительных мер был его слабостью, проявлением неверной выжидательной тактики, которой он придерживался в эти дни³⁰⁹. Однако в данном случае решение ограничиться митингами оказалось более простым и правильным, так как политически гарнизон крепости был вполне подготовлен к тому, чтобы принять резолюцию в поддержку ВРК.

В тот же день, 23 октября, решением ВРК в крепость, на помощь М. К. Тер-Арутюнянцу направляется комиссаром Г. И. Благонравов. Его задача — уточнить политические настроения всех частей крепости, добиться изоляции нейтральных и враждебных элементов и подготовить революционно настроенные части к началу вооруженного восстания. Благонравов должен был также помочь Тер-Арутюнянцу нейтрализовать коменданта Кронверка, добиться полного господства в Арсенале, чтобы обеспечить с вечера 23 октября начало выдачи оружия по мандатам ВРК отрядам Красной гвардии.

Направление Г. И. Благонравова в крепость было первым решительным ответом ВРК на попытки Временного правительства отстранить большевиков от политического влияния в крепости. Вторым стало решение ВРК провести в крепости в тот же день, 23 октября, грандиозный митинг. Чтобы обеспечить победу на нем, ВРК поручил своим выдающимся работникам Г. И. Чудновскому и М. М. Лашевичу подготовиться к выступлениям на этом митинге³¹⁰.

Георгий Иванович Благонравов — член РСДРП(б) с марта 1917 года, прапорщик 80-го пехотного полка, стоявшего в Егорьевске³¹¹, включился в революционную работу в Петрограде. В июле он был делегатом VI съезда РСДРП(б). К октябрю 1917 года Благонравов накопил большой политический опыт, был прекрасным

организатором, выдержанным и энергичным, умел быстро ориентироваться в сложной политической обстановке. Именно поэтому ВРК направил его накануне восстания на столь трудный пост, где пересекались интересы большевиков и Временного правительства и где требовалась точная и быстрая работа.

В Петропавловскую крепость Благонравов приехал, как он пишет в воспоминаниях, сразу после 11 часов утра 23 октября, и в первый же день провел здесь расширенное заседание большевистской ячейки и два митинга. Поскольку в его воспоминаниях³¹² детально обрисован весь ход подготовки и проведения этих важных политических мероприятий, нет смысла повторяться. Необходимо только обратить внимание на ряд неточностей и мелких ошибок, которые встречаются в воспоминаниях, и уточнить топографию происходящих событий. Сделать это нам помогут собранные музеем воспоминания бывших солдат гарнизона крепости и некоторые опубликованные воспоминания участников революции. Прежде всего необходимо определить, какое здание в крепости стало местом пребывания Благонравова. Георгий Иванович пишет совершенно определенно: «Идем в помещение гарнизонного клуба крепости, который с этого момента становится штаб-квартирой как моей, так и ячейки³¹³ (большевистской ячейки крепости. — *Е. Б.*). Гарнизонный клуб крепости — это не солдатский революционный клуб, созданный в мае 1917 году в казармах солдат-стрелков, о чем упоминалось выше. Это офицерский гарнизонный клуб, или гарнизонное собрание, которое располагалось в Комендантском доме. Еще в 1908 году несколько комнат здесь было переоборудовано для этой цели³¹⁴. На Комендантский дом как на место пребывания большевистского комиссара крепости указывают и все бывшие солдаты гарнизона крепости, которых разыскивали сотрудники музея.

Таким образом, оказывается, что и официальный комендант крепости подполковник Васильев, назначенный Временным правительством, и направленный нейтрализовать его комиссар ВРК большевик Г. И. Благонравов располагались в одном и том же здании. Васильев занимал роскошную квартиру во втором этаже Комендантского дома, а Благонравов устроился в маленькой комнатке первого этажа, одной из тех, которые предназначались для канцеляристов, штабных писарей, телеграфистов и прочих нижних чинов, входивших в комендантское управление³¹⁵. Через день, 25 октября, когда ВРК решил разместить в крепости полевой штаб по взятию Зимнего дворца, эта же комнатка стала штаб-квартирой революционной тройки во главе с Н. И. Подвойским. Здесь был написан знаменитый ультиматум ВРК Временному правительству.

С такой тонкой иронией история подшутила над незадачливым Керенским, который за несколько дней перед восстанием был уверен, что Петропавловская крепость — его надежная опора.

Двадцать четвертого октября, на второй день пребывания Благонравова в крепости, в его распоряжение поступило еще одно здание крепости — небольшой, соседний с Комендантским Плац-майорский дом, где располагался помощник коменданта крепости. Это случилось в результате проведенного по приказу Благонравова ареста коменданта и старших офицеров гарнизона крепости³¹⁶. Помощником

большевистского комиссара крепости, ставшего после ареста офицеров гарнизона фактически комендантом, оказался уже знакомый нам старший фейерверкер Петроартсклада Иван Васильевич Павлов. Установить этот важный факт нам помогли следующие документы: автобиография Павлова, о которой мы уже упоминали, и записи в «Личных регистрационных карточках» Павлова 1920–1921 годов, где отмечено, что в октябре 1917 года он был помощником коменданта Петропавловской крепости³¹⁷. Но помимо этих косвенных свидетельств, мы имеем и один очень интересный документ, который является прямым подтверждением описываемого факта:

«КОМЕНДАНТ ПЕТРОГРАДСКОЙ КРЕПОСТИ

„12“ мая 1918 г.

№ 275

г. Петроград

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что предъявитель его товарищ ПАВЛОВ действительно состоял на службе с 22-го октября 1917 года при Коменданте Петропавловской крепости и ныне по его личной просьбе, а также вследствие демобилизации Управления, откомандировывается в г. Баку.

Товарищ Павлов за время службы добросовестно относился к своим обязанностям и выполнял все возложенные на его революционные поручения.

Настоящее удостоверение выдано на предмет поступления в советские учреждения.

П. п.

Помощник комиссара по Внутренним делам
и Комендант крепости — Г. БЛАГОНРАВОВ³¹⁸

В документе не названа должность, которую занимал Павлов, состоявший «при коменданте Петропавловской крепости». Но это и понятно, так как революционеры сознательно игнорировали традиционные наименования должностей и званий. Не должна нас смущать и дата, указывающая на начало службы И. В. Павлова — 22 октября. Скорее всего, выдавая Павлову удостоверение, Благодравов проставил число по памяти, не сверяясь с документами, которых, возможно, у него и не было под руками.

На Плац-майорский дом как место революционного руководства крепостью в октябрьские дни указывают в своих воспоминаниях и многие из бывших солдат крепостного гарнизона. В ответ на запрос музея о месте пребывания большевистского комиссара большинство из них указывали значками не только на Комендантский, но и на Плац-майорский дом. В воспоминаниях И. С. Боданенко, И. И. Орехова, А. И. Поппеля деятельность Павлова в дни Октябрьского вооруженного восстания

характеризуется как чрезвычайно энергичная, бурная. Он вызывал к себе солдат, отдавая им распоряжения по охране крепости и комиссара Благонравова, помогал ему сплотить солдат в единый революционный кулак. Вот как пишет о Павлове в эти дни А. И. Поппель, бывший комиссар 1-го самокатного батальона: «Считаю необходимым особенно отметить грандиозную работу, проделанную Павловым перед Октябрем по организации революционного солдатского ядра из частей, находящихся в крепости»³¹⁹. Это свидетельство для нас особенно ценно, поскольку оно исходит от бывшего самокатчика и отражает ту политическую работу, которую с приходом в крепость Благонравова стали вести члены большевистской ячейки не только в своей части, но и в других частях крепостного гарнизона.

Итак, с деятельностью большевистского комиссара ВРК в крепости и его помощника связаны Комендантский и Плац-майорский дома. Здесь была их штаб-квартира.

А где же проводились митинги и собрания, о которых упоминает в воспоминаниях Г. И. Благонравов?

Расширенное заседание большевистской ячейки крепости с приглашением революционных представителей от всех частей, в ней расположенных, — первое, которое провел Благонравов, оказавшись в крепости, — состоялось в Комендантском доме, что легко определяется по его же воспоминаниям³²⁰.

Первый митинг, проведенный после этого заседания, состоялся в помещении наиболее революционной части крепости — команды Петроградского артиллерийского склада, то есть в Петровской куртине. Автор устанавливает это место путем сопоставления воспоминаний Г. И. Благонравова и И. И. Орехова, одного из революционных солдат команды Петроартсклада. Воспоминания самого Благонравова весьма разноречивы. При первом упоминании о митинге он пишет: «Я предложил т. Павлову созвать митинг в казармах местной команды»³²¹. Дальше он называет уже другое помещение: «...собрание оканчивается с таким же успехом, как *давеча в команде складов*»³²² (курсив мой. — Е. Б.).

Орехов вспоминает об этом событии так: «Вечером того же дня, как только прибыл в крепость тов. Благонравов, он поручил тов. Павлову собрать *в казармах команды склада* (курсив мой. — Е. Б.) общее гарнизонное собрание. Тов. Павлов немедленно собрал нас несколько человек из своего актива и дал нам поручение немедленно широко известить все части гарнизона о назначенном собрании, а также сообщить солдатам о прибытии в крепость представителя Военного-революционного комитета»³²³. Как видим, Орехов ссылается на помещения казарм команды Петроградского артиллерийского склада. Спутать помещения он не мог, так как служил в команде склада крепости шесть лет (с 1912 по 1918 год) и до сих пор отлично помнит все части крепостного гарнизона в 1917 году и места их расквартирования. Благонравов же мог ошибиться, так как пребывание в крепости на посту ее комиссара, а затем коменданта было пусть и важным, но очень недолгим периодом в его биографии профессионального революционера, крупного партийного, а затем и государственного деятеля. Кроме того, говоря «местная команда», он мог иметь в виду не точное наименование части, а просто указание на ее принадлежность к крепости, в отличие

от других частей, которые, как мы знаем, были временно прикомандированы к ее гарнизону. И, наконец, кажется совершенно невероятным, чтобы опытный революционный деятель, большевистский комиссар ВРК назначил проведение важного политического митинга, от исхода которого зависела судьба такого важного объекта, как Петропавловская крепость, в помещении части, настроенной если не враждебно, то очень холодно и нейтрально к большевистской партии и Военно-революционному комитету. А именно такой была местная команда в гарнизоне крепости.

Второй митинг, который Благоднаров провел 23 октября в крепости, состоялся в гарнизонном клубе³²⁴, как пишет сам Георгий Иванович, то есть в том же Комендантском доме.

Кроме этих двух митингов и собрания ячейки, Благоднаров должен был, как уже говорилось, по решению ВРК организовать и провести в этот же день, 23 октября, еще один, самый главный и многочисленный митинг, на который ВРК направлял своих организаторов Г. И. Чудновского, М. М. Лашевича и других. В воспоминаниях членов ВРК В. А. Антонова-Овсеевко, Н. И. Подвойского, М. М. Лашевича указывается, что этот митинг состоялся в назначенный день — 23 октября. Однако мы знаем, что ни на одном из митингов, прошедших в этот день в крепости, не присутствовали и не выступали представители ВРК. Более того, Благоднаров пишет, что «первая попытка организовать такой митинг во дворе крепости с участием членов Военно-революционного комитета потерпела неудачу, так как самокатчики на митинг почти не явились»³²⁵.

Митинг был проведен на следующий день, 24 октября, в цирке «Модерн». Сообщение о нем появилось в газетах «Рабочий путь», «Рабочий и солдат» за 24 октября. Эта же дата приводится и во всех наших исторических трудах и исследованиях. По-видимому, Подвойский, Лашевич, Антонов-Овсеевко спутали дату потому, что в памяти осталась та, что фигурировала в решении ВРК.

Уже первый же митинг в казармах команды склада показал, насколько сильны революционные настроения солдат крепостного гарнизона. Опираясь на них, комиссары ВРК могли действовать более решительно и твердо. Днем 23 октября, еще до завершающего «сражения», состоявшегося в зале гарнизонного клуба, М. К. Тер-Арутюнянц и Г. И. Благоднаров решили вопрос с положением на Петроартскладе: они отстранили от руководства складом коменданта Кронверка прапорщика Филиппова и подвергли его домашнему аресту³²⁶. Тер-Арутюнянц принял на себя обязанности начальника Кронверкского арсенала³²⁷. Все факты, связанные с этим событием, происходили в помещении самого Арсенала, то есть нынешнего здания Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск³²⁸. В этом же помещении с момента ареста Филиппова на протяжении всех дней восстания — 23, 24, 25 и 26 октября и находился М. К. Тер-Арутюнянц, здесь, во дворе Арсенала происходила выдача оружия Красной гвардии города³²⁹.

Известно, что в крепости получали оружие отряды Красной гвардии всех районов города, в том числе и Петроградской стороны. Но об этом документов и воспоминаний сохранилось очень мало³³⁰. Не установлено, какой отряд первым получил оружие. Тер-Арутюнянц пишет: «Первым явился Кирилл Орлов от Путиловского

завода»³³¹. Но это неверно, так как Орлов, рабочий Выборгской стороны, в октябрьские дни был членом штаба Красной гвардии именно этого района³³².

В воспоминаниях рабочего-путиловца И. Скоринько очень живо описан момент прибытия в крепость для получения оружия (24 октября, утроем):

«...было получено предписание вооружить рабочих, для чего был дан наряд в Петропавловскую крепость на оружие.

За получением оружия был командирован взвод, где находился и я.

Забрав с собою автомобиль, мы, провожаемые приветливыми напутствиями всего отряда (отряда Красной гвардии Путиловского завода. — Е. Б.), поехали выполнять свое первое серьезное боевое задание. <...> Мы в крепости. Мрачное кладбище дома Романовых и их врагов — Петропавловскую крепость — нельзя было узнать. Воспетая ее тишина была нарушена пыхтением автомобилей, криками. У складов особенная толкотня»³³³.

Так закончился день 23 октября в Петропавловской крепости. Характеризуя его, можно сказать, что Г. И. Благоднаров выполнил большую часть поставленных Военно-революционным комитетом задач: наладил связь с большевистской ячейкой, оживил и значительно расширил ее работу; выяснил главный характер политического настроения гарнизона крепости, за исключением самокатчиков, которых пока искусственно изолировали от остальных частей собственные офицеры, и, наконец, перешел к активным наступательным действиям: арестовал коменданта Кронверкского арсенала и тем самым упрочил положение первого комиссара ВРК М. К. Тер-Арутюнянца и обеспечил возможность начать вечером 23 октября выдачу оружия из Петроградского артиллерийского склада по мандатам ВРК, как это и было намечено.

Какой вывод можно сделать из приведенных выше конкретных фактов и событий, имевших место в этой одной, отдельно взятой воинской части Петроградского военного округа? В политической жизни крепости, как в капле воды, отразилось то, что было характерно для всего революционного Петрограда в целом в этот последний перед восстанием день: особенно сильный размах событий, бурные, длительные митинги и собрания и, главное, — легальность, переход от конспирации к открытым, массовым формам работы и даже к элементам физического воздействия на противника (арест коменданта Кронверка).

Следует отметить, что это последнее действие является особенно важным, так как показывает, что революционная обстановка на местах заставила комиссаров ВРК проявлять более решительную инициативу, чем это делал 23 октября сам Военно-революционный комитет, прибегать к элементам физического давления на врага, чтобы сохранить ключевые позиции в своих руках, то есть фактически применять тактику восстания. Вспомним, что, обсуждая вопрос о крепости ночью 23 октября, ВРК отверг решительные меры (введение в крепость революционной части) и всю надежду возложил на проведение митинга с сильными ораторами. Однако митинг в этот день не состоялся, а комиссары ВРК, зная, что на вечер и ночь 23 октября было

намечено начало выдачи оружия отрядам Красной гвардии, проявили твердость и, опираясь на поддержку революционной части гарнизона крепости, осуществили арест коменданта Кронверка. Это был рискованный, но смелый и правильный шаг. И то, что ни комендант крепости, ни штаб Петроградского военного округа не посмели как-либо отреагировать на этот акт комиссаров ВРК, оставили его без ответа, показало их слабость, а представителям ВРК придало новые силы и уверенность.

Двадцать четвертое октября в Петрограде началось тревожно. Попыткой занять большевистскую типографию газеты «Рабочий путь» и развести мосты через Неву Временное правительство хотело захватить инициативу. Но ЦК РСДРП(б) и ВРК организовали немедленный отпор этим действиям и сосредоточили все наступательные операции в своих руках. При этом большое внимание было уделено Петропавловской крепости. ЦК РСДРП(б), собравшись рано утром в связи полученными тревожными сведениями, принял ряд важных решений, направленных на борьбу с действиями Временного правительства. Среди них было и решение о создании запасного штаба в Петропавловской крепости³³⁴. Говоря об этом известном факте, необходимо обратить особое внимание на то, что решение это было принято еще до проведения завершающего политического митинга всего гарнизона крепости с участием солдат самокатного батальона (он состоялся в этот же день, но позднее, в 17 часов). По всей видимости, работа, проведенная комиссарами в крепости 23 октября³³⁵, начало выдачи оружия по мандатам ВРК, которая проводилась всю ночь 24-го, — все это сняло тревожное настроение по поводу положения в крепости, которое было рано утром накануне. И в Смольном уже считали Петропавловскую крепость своей, надежной частью³³⁶. Решением ЦК все его члены были снабжены пропусками в крепость, общее наблюдение было поручено М. М. Лашевичу и Г. И. Благодравову, а поддерживать постоянную связь с крепостью должен был Я. М. Свердлов³³⁷.

Вслед за этим ВРК разработал «Предписание № 1» для всех воинских частей округа, извещавшее их о контрреволюционных действиях Временного правительства и предлагавшее немедленно принять меры к приведению частей в боевую готовность. Первой такое предписание получила Петропавловская крепость³³⁸. Это становится вполне понятно, если учесть, какое значение приобретала она, являясь запасным штабом большевистской партии в начинавшемся восстании. Это распоряжение в секретном пакете привез из Смольного курьер и вручил его лично Благодравову. Оно накладывало на комиссара крепости особенно серьезные полномочия, призывало к немедленным и решительным действиям.

Что было сделано в крепости в ответ на это распоряжение, мы знаем детально из воспоминаний Благодравова. Собранные музеем воспоминания помогают уточнить и дополнить приведенный порядок действий.

Благодравов пишет, что немедленно по получении предписания из Смольного было созвано военное совещание представителей всех частей крепости, наметившее мероприятия по приведению ее в боевую готовность. «Намеченное быстро проводится в жизнь. Крепостная стена принимает боевой вид. Устанавливаются пулеметы для обстрела Троицкого моста и набережной; вышка Народного дома занимается

отрядом колытистов; к воротам крепости выставляется усиленный караул, а за ее стены в разные направления высылаются патрули. Команда Кольта приводится в боевой вид, идет чистка пулеметов»³³⁹.

Среди всех этих мероприятий самым важным для крепости нужно считать проведение арестов всех старших офицеров гарнизона крепости, начиная с коменданта, подполковника Васильева. Непосредственной причиной ареста, как вспоминает Благодравов, послужили подозрительные действия коменданта крепости, который связался со штабом Петроградского военного округа, собирався через него вызвать в крепость казаков и осуществить арест большевистского комиссара. Благодравов пишет об аресте очень коротко: «Даю приказание тов. Кондакову и Павлову немедленно арестовать коменданта крепости Васильева и его адъютанта, снять телефонные аппараты у них, так и вообще на офицерских квартирах. Распоряжение, несмотря на отчаянные протесты полковника и его истерику о том, что с виновниками будет поступлено по всей строгости военных законов, приводится точно и быстро в жизнь. Коменданта заперли в своей квартире и к нему приставили часовых»³⁴⁰. В автобиографии И. В. Павлова, которому было поручено провести операцию, содержатся интересные подробности, дополняющие рассказ комиссара: «Из Смольного я получаю сообщение, что ко мне придет некий тов. Благодравов. Пришел с мандатом о том, что он назначается комиссаром крепости, я же как член президиума гарнизонного комитета не ставлю вопроса о том, чтобы комиссар контролировал деятельность коменданта крепости, а чтобы комендант сдал все дела и обязанности по комендатуре комиссару крепости тов. Благодравову, что он и сделал. Товарищ Благодравов принял все дела, и мы поехали в Смольный, где я получил мандат от Военного-Революционного Комитета, что я назначаюсь помощником комиссара крепости»³⁴¹. Из этого отрывка можно заключить, что Павлов, будучи членом президиума Гарнизонного комитета Петропавловской крепости, поставил вопрос о доверии прежнему коменданту на одном из заседаний президиума³⁴². Поскольку гарнизонный совет крепости в большинстве своем состоял из офицеров и солдат эсеров-меньшевистской ориентации, то, конечно, предложение Павлова не встретило никакой поддержки, а, возможно, только послужило причиной активизации действий коменданта крепости подполковника Васильева. Павлов не приводит причины, побудившие его поставить этот вопрос на заседании гарнизонного совета. Но поскольку он прекрасно знал его направленность (больше того, все месяцы революции боролся с ним), то такую постановку можно рассматривать только как намерение окончательно разоблачить контрреволюционность совета в глазах солдат и тем самым получить возможность его полностью нейтрализовать. Необходимость таких действий была оправданной, так как Павлов хорошо знал, на что способны офицеры гарнизона, как они могут беззастенчиво, обманным путем действовать в свою пользу³⁴³. То, что совет высказался против большевистского комиссара, которого весь революционный гарнизон крепостью принял с радостью, лишило совет последней опоры среди солдат. Вот почему так легко прошла операция с арестом коменданта и офицеров крепости. Провела ее группа революционных солдат команды Петроартсклада: И. В. Павлов, Кондаков и Ф. И. Сорокин. О Кондакове

нам пока ничего не известно. Филипп Иванович Сорокин (ныне пенсионер республиканского значения, живет в Златоусте) был в июльские дни включен в список наиболее революционных солдат команды склада, принимал активное участие в революционных действиях, проводившихся в гарнизоне крепости в октябре 1917 года. Служил в команде склада до апреля 1918 года, затем, после демобилизации, работал у себя на родине, в Тульской губернии, в советских учреждениях, вступил в ноябре 1918 года в партию, затем перешел на хозяйственную работу. С 1933 года по партийному направлению был на юридической работе. Сорокин пишет, что арестовывали и разоружали не только коменданта и его адъютанта, но и всех старших офицеров крепости.

Что же означает проведение этой операции? Главное — изменение функций большевистского комиссара крепости. Домашний арест офицеров, снятие их телефонов — эти действия по существу означали, что Благонравов стал комендантом Петропавловки. Он был в течение 24–25 октября единоличным хозяином крепости, единственным, отдававшим распоряжения. Он не контролировал прежнего коменданта, а сменил его. До сих пор на этот факт не обращалось должного внимания, а он весьма важен, так как показывает полное бессилие лагеря Временного правительства.

В воспоминаниях Благонравова есть интересная деталь, показывающая реакцию Зимнего дворца на эти события в крепости. Сразу после ареста коменданта и снятия всех телефонов был оставлен, по-видимому, только телефон в Плац-майорском доме, ставшем резиденцией И. В. Павлова. Благонравов срочно позвали к этому единственному действовавшему в крепости телефону для разговора с адъютантом Керенского. Не сумев дозвониться до коменданта и его заместителя, он потребовал объяснений от Благонравова. Узнав, что в крепости теперь стали полными хозяевами большевики, адъютант воскликнул: «Так вы вот как!.. Это восстание... Хорошо же!»³⁴⁴. На этой угрозе дело и закончилось.

Арестовав прежнего коменданта и офицеров комендантского управления, Благонравов должен был создать нечто вроде своего большевистского революционного комендантского управления. Сам он об этом ничего не пишет. Однако один из бывших солдат ружейно-пулеметного батальона Кольта, ныне персональный пенсионер, П. С. Елизаров вспоминает, что накануне восстания в крепости был создан, как он его называет, Ревком, в который вошли представители всех частей крепостного гарнизона. «По прибытии в крепость (напомню, что колыбисты вошли в крепость 11 октября. — Е. Б.) общим собранием гарнизона крепости я был избран членом революционного комитета крепости, одновременно были избраны от артиллерии — Павлов и от самокатного батальона — фамилии не помню, — всего в комитет входило 5 человек. Комендант крепости т. Благонравов являлся председателем Ревкома крепости. После первого заседания Ревкома, на котором распределились обязанности между членами Ревкома, Павлов был назначен помощником коменданта крепости и начальником бастиона, а член Ревкома от самокатного батальона был назначен по хозяйственной части, на меня была возложена охрана крепости. Все члены Ревкома являлись помощниками коменданта крепости»³⁴⁵.

А. И. Поппель и И. И. Орехов в своих воспоминаниях тоже говорят о создании большевистского комендантского управления в крепости во главе с Г. И. Благоднравовым, но относят его создание к периоду после победы Октябрьского вооруженного восстания. Но поскольку Благоднравову были необходимы помощники и все они действительно находились около него в дни восстания, возможно, что создание управления после 25 октября было только закреплением функций, которые исполняли те же люди в дни восстания. П. С. Елизаров говорит даже о том, что велись протоколы заседаний Ревкома крепости (пока ничего обнаружить не удалось). Итак, если сопоставить воспоминания П. С. Елизарова, И. И. Орехова и А. И. Поппеля, то мы можем считать, что представителем от самокатного батальона в Ревкоме крепости был А. И. Поппель. Пятого члена Ревкома мы пока не знаем.

Созданием Ревкома в составе Г. И. Благоднравова, И. В. Павлова, П. С. Елизарова и А. И. Поппеля завершается период работы Благоднравова в крепости как комиссара ВРК. Всю свою дальнейшую политическую и организационную работу он вел уже как первый большевистский комендант Петропавловки, которого поддерживало большинство солдат гарнизона крепости.

ГЛАВА 8

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ДНИ ОКТЯБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ. 24–26 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Выполняя Предписание № 1 Военно-революционного комитета, Петропавловская крепость сыграла большую роль в борьбе за мосты, с которой начал свои активные действия днем 24 октября ВРК. Как известно, Троицкий мост оказался единственным, который юнкера и казаки так и не смогли развести. Отмечая этот факт, все исследователи подчеркивали, что тут решающую роль сыграли пулеметы Петропавловской крепости. Материалы, собранные музеем, показывают, что крепость не ограничилась только установкой пулеметов на валу Государева бастиона, о чем вспоминал Г. И. Благодеров.

Член Ревкома крепости П. С. Елизаров пишет, что он был командирован на мост для переговоров с казаками:

«24 октября, примерно в 4 часа вечера начальник караула Орлов сообщил, что к Троицкому мосту подошла на марше сотня казаков и что казаки пытаются развести мост. Крепость отдала распоряжение выставить на стену два пулемета „Кольт“ с наводкой в сторону Троицкого моста, я был послан на мост предупредить казаков: „Если не уберетесь тотчас же, крепость откроет огонь“.

Когда я подошел к мосту и отрекомендовался, что я представитель крепости и спросил, в чем дело, казачий офицер сказал, что по распоряжению Временного правительства мы сейчас разведем мост. Я ответил, что крепость не знает Временного правительства и подчиняется Совету рабочих и крестьянских депутатов, и попросил казаков немедленно оставить мост, в противном случае крепость откроет огонь.

Казаки удалились в сторону Дворца Кшесинской и на галопе усаkali по Дворянской улице»³⁴⁶.

Эта маленькая новая деталь очень интересна, так как она показывает, с каким настроением начинали вооруженное восстание рядовые солдаты революционных частей, как, беспрекословно веря большевистскому Петроградскому совету и его Военно-революционному комитету, они чувствовали себя настоящими хозяевами положения.

Крепость не ограничивалась только этими действиями. Из крепости к Троицкому мосту был выслан патруль, охранявший мост всю вторую половину дня 24, 25 и 26 октября. До сих пор в литературе об этом почти ничего не сообщалось³⁴⁷. Солдаты крепости держали под своей охраной тот конец моста, который примыкает к набережной Петроградской стороны, с противоположной стороны стояли павловцы. Именно о них упоминают все исследователи. Большинство из них ссылаются на газету «Известия» от 25 октября 1917 года. Однако в заметке говорится

очень кратко: «Все мосты охраняются Волынским и Павловским полками»³⁴⁸. То, что павловцы охраняли только левый берег, а на правом стоял патруль крепости, подтверждают воспоминания К. С. Еремеева, члена ВРК, который по его заданию днем 24 октября объезжал Выборгский и Петроградский районы: «Я поехал затем к Троицкому мосту, и здесь уже стояла застава павловцев, а на другом конце наша команда, кажется, из Петропавловской крепости. Юнкера и здесь быстро смыслись, без всякого сопротивления»³⁴⁹.

Совершенно определенно говорит о том же Благонравов, описывая уже события следующего дня, 25 октября. По возвращении из Смольного его автомобиль был остановлен у Троицкого моста старшим крепостного патруля, который, узнав своего коменданта, рассказал ему о подозрительных действиях, которые наблюдал патруль в районе особняка Кшесинской в течение ночи 25 октября, когда к особняку подъезжали машины, при проверке предъявлявшие пропуска ВЦИК³⁵⁰.

Совершенно ясно, что крепостной патруль у моста стоял всю ночь с 24 на 25 октября, будучи, вероятно, направлен туда сразу после переговоров с казаками во избежание новых провокаций, то есть после 4 часов дня 24 октября.

К началу вооруженного восстания крепость находилась в полном распоряжении большевиков. Но был все же один момент, внушавший опасения членам ВРК: настроения и поведение 1-го самокатного батальона — ведь до середины дня 24-го самокатчики продолжали нести караульную службу в Зимнем дворце. Результат ли это только приказа офицеров, которые, как писал Благонравов, имели еще сильное влияние на солдат, или следствие их политических убеждений? Это вопрос требовал немедленного выяснения. Поэтому митинг, который был назначен ВРК с участием своих ораторов на 23 октября и не смог состояться из-за противодействия офицеров-самокатчиков, не пустивших солдат из казармы, был перенесен на 24 октября.

Хотя этот митинг и упоминается во всех работах и исследованиях, посвященных Октябрьскому вооруженному восстанию, нигде не дается его подробного описания и не определяется достаточно четко его значение в ходе политической борьбы за Петропавловскую крепость. Поэтому необходимо вернуться к этому важному событию еще раз.

Подготовка к митингу проходила в условиях чрезвычайно острой политической борьбы между сторонниками Временного правительства и ВРК. Тот факт, что к моменту проведения митинга комендант крепости и все старшие офицеры оказались арестованными, не смягчил, а, наоборот, усилил напряженность. Временное правительство решило, воспользовавшись случаем, привести свою угрозу, высказанную адъютантом Керенского по телефону в адрес Благонравова, в исполнение. Поняв, что сорвать второй раз митинг не удастся, генералы из штаба Петроградского военного округа стали лихорадочно к нему готовиться.

Подготовка шла как вне крепости (для выступления на митинге генералитет готовил своих сильных ораторов), так и внутри ее стен. Павлов вспоминает: «У нас же гарнизонный комитет был реакционным и решил митинга не устраивать, а у себя

на заседании комитета постановили, что мы за власть Советов, тогда как потребует Временное правительство»³⁵¹.

Это чрезвычайно любопытная деталь: пользуясь популярностью возрожденно-большевиками лозунга «Вся власть Советам!» и сознательно игнорируя его революционный смысл, эсеров-меньшевистское руководство гарнизонного комитета крепости решило нагло обмануть солдат и, якобы приняв революционную резолюцию, на самом деле сохранить крепость за Временным правительством. Эти беззастенчивые, не останавливавшиеся даже перед физическим насилием (не выпускать насильно солдат из казарм) способы воздействия на солдат невольно заставляют вспомнить слова В. И. Ленина, характеризующие способы борьбы за войско, примененные царским правительством в период декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году: «Правительство удерживало колеблющихся самыми разнообразными, самыми отчаянными мерами: их убеждали, им льстили, их подкупали, раздавая часы, деньги, и т. п., их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их запирали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предательством и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадежными»³⁵². Как видим, методы борьбы эсеров и меньшевиков в 1917 году немногим отличались от описанных Лениным. Интересно, что, делая вывод из этого первого урока декабрьского вооруженного восстания в Москве, Ленин ставит задачу перед большевиками: «Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную „обработку“ войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско»³⁵³.

Осуществляя эту «физическую борьбу за войско», большевики, со своей стороны, готовились к этому ответственному митингу чрезвычайно тщательно. Уже только перечисление фамилий ораторов, которых выделил ВРК, говорит о громадном значении, придававшемся этому политическому событию. ВРК посылал в крепость в середине первого дня восстания, когда на вес золота был каждый работник, таких крупных своих представителей, как Г. И. Чудновский и М. М. Лашевич. Должен был выступить на митинге и председатель Петроградского Совета Л. Д. Троцкий. В крепости Благоднаров также организовал серьезнейшую подготовку, используя ту поддержку, которую ему оказывали революционно настроенные солдаты самокатного батальона. «Через тов. Поппеля, — пишет он, — и других самокатчиков-большевиков нами было сделано все, чтобы вызвать на предстоящий митинг в цирк „Модерн“ солдат самокатного батальона»³⁵⁴. Большую помощь в подготовке митинга оказал ему и И. В. Павлов, сломивший противодействие гарнизонного совета и добившийся проведения митинга.

Сообщение о митинге появилось в газете «Рабочий путь» в тот же день, 24 октября³⁵⁵. Судя по этому сообщению, в цирке «Модерн» собралось не менее 2000 человек. Сюда явились даже самокатчики, стоявшие в наряде в Зимнем дворце. Председателем митинга был выбран И. В. Павлов. Вот что он пишет: «...на этом митинге много выступало членов Учредительного собрания, которым не давали говорить. Я, как председатель митинга, с трудом удерживал».

Интересные воспоминания о митинге оставил М. М. Лашевич. Они несколько расходятся с принятой и привычной нам версией, но представляются весьма правдоподобными, так как многие собрания и митинги в те дни действительно проходили часами:

«...с утра начался митинг. От нас выступали Троцкий, Чудновский и я. Митинг длился целый день, эсеры и меньшевики прислали туда свои лучшие силы. Стало вечереть, и было холодно, решили перейти в цирк Модерн. Настроение гарнизона склонялось в нашу сторону. Напрасно начальник Петроградского военного округа подполковник Пораделов³⁵⁶ призывал к верности правительству, лес рук поднялся за военно-революционный комитет. Мы победили и здесь. С большим внутренним удовлетворением уехали мы в Смольный»³⁵⁷.

Воспоминания показывают, что митинг был долгим и трудным, за колеблющуюся часть солдат шла упорная борьба. Колебаться могли и часть самокатчиков, и часть артиллеристов отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии, классовый состав которой, как мы указывали, был почти поголовно крестьянским. Интересно обратиться к воспоминаниям И. И. Беркова, бывшего солдата 17-й команды кольцовского батальона. Описывая митинг, он не называет точной даты, а просто пишет, что он проходил как раз накануне восстания. Описание Берковым митинга по общему настроению и важности момента не только перекликается с приведенными выдержками из других воспоминаний, но и дает некоторые новые детали:

«Обстановка тогда была очень сложная: подчас трудно было разобраться, кто за большевиков, а кто за Временное правительство, то есть за капиталистов и помещиков. И узнавалось это порой очень просто, что сейчас может показаться неправдоподобным. Приехал в Петропавловскую крепость большевик от Петроградского комитета коммунистической партии, фамилия не запомнилась. Гарнизон крепости собрали на митинг. Там были артиллеристы, самокатчики и кольтисты. После горячих споров приезжий оратор сказал „Кто за Временное правительство — переходите влево. Кто за большевиков и Ленина — переходите вправо“.

Артиллеристы передвинулись влево. И вслед за ними последовали самокатчики. Только кольцовцы, все до одного человека, заняли правую сторону. Среди артиллеристов и самокатчиков произошло минутное замешательство. А потом они все заняли сторону кольцовцев. С этого момента стало ясно, что гарнизон Петропавловской крепости перешел на сторону большевиков»³⁵⁸.

Безусловно, как и в каждом личном воспоминании, здесь присутствует большая доля субъективного отношения к своему батальону, желание подчеркнуть его революционность за счет других частей. Ни кольтисты (кольцовцы) не были

все до одного революционны, ни самокатчики или артиллеристы не были сплошь реакционны. Вызывает некоторое сомнение, действительно ли был применен на этом митинге такой прием, который, скорее, мог бы фигурировать в первые дни после Февральской революции. Но если в этих воспоминаниях и присутствует какая-то доля вымысла, они, тем не менее, отражают и то действительное взаимовлияние разных частей друг на друга, которое, безусловно, имело место. Более революционные кольтисты и солдаты команды Петроартсклада заражали своей революционностью солдат остальных частей, в частности самокатчиков и артиллеристов отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии. И, конечно, их революционные настроения, боевой пыл, стремление немедленно взяться за оружие сыграли немалую роль в создании общего революционного характера митинга. Резолюция в поддержку ВРК была принята почти единогласно. («Против было лишь несколько голосов», — писала газета «Рабочий путь».)

Каково же значение митинга, состоявшегося 24 октября? Члены ВРК Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко в своих воспоминаниях приписывали ему решающее, переломное значение в ходе подготовки восстания. Факты показывают, что это не совсем верно. Ведь раздача оружия из склада Кронверка началась еще накануне, почти сразу после того большого митинга, который был проведен Благодравовым в гарнизонном собрании крепости вечером 23 октября. Оружие, как известно, вывозилось из Петроартсклада всю ночь и весь день 24 и 25 октября. Таким образом, главная задача — снабжение оружием отрядов Красной гвардии — была решена практически до митинга 24 октября. Далее — решение о создании запасного штаба ЦК РСДРП(б) крепости было принято до митинга; аресты коменданта крепости и офицеров крепостного гарнизона проводились также до его начала или одновременно с ним (если согласиться с тем, что митинг начался днем, еще на территории крепости, до перехода в цирк «Модерн»). Также до митинга или одновременно с ним были высланы к воротам крепости, на вышку Народного дома и в другие места, о которых пишет Благодравов, дополнительные революционные отряды и патрули, в них направлялись проверенные революционные солдаты — или кольтисты, или революционные солдаты команды склада. Таким образом, можно сказать, что приведение крепости в боевую готовность шло утром и днем 24 октября вне зависимости от результатов готовящегося митинга. И как бы это ни казалось странным, вероятно, так оно и было. Ждать результатов митинга в бездействии было нельзя: в городе уже началось восстание, и на местах везде нужны были решительные и быстрые действия.

Благодравов пишет: «...раскаленная атмосфера крепости и революционная энергия кольтистов начали оказывать благотворное действие не только на колеблющихся (таких было много среди самокатчиков), но и на враждебно настроенных к нам лиц. Нужно было ускорить это процесс разложения еще отуманенных фразеологией Керенского частей»³⁵⁹. Значение митинга 24 октября состоит именно в этом гигантски быстром «ускорении» прояснения политических настроений колеблющихся частей, располагавшихся в крепости. То, что в течение августа — сентября было еще подспудным, прояснилось и определилось в эти напряженные дни подготовки

восстания. Происходило, видимо, то же самое, что В. И. Ленин писал о первых месяцах революции 1905 года: за несколько дней солдаты проходили большую политическую школу, чем за месяцы.

Победа на митинге 24 октября окончательно закрепила полное господство большевиков в крепости, провела четкое распределение политического влияния. Части, настроенные враждебно или нейтрально, на дни восстания были надежно изолированы, революционные настроения стали определяющими, главными. Митинг показал полную беспомощность Временного правительства. По свидетельству Милюкова, Керенский, несмотря на требования ряда членов Временного правительства, так и не решился отдать распоряжение об аресте большевиков, выступавших на митинге, ссылаясь на то, что все они являются членами Петроградского совета³⁶⁰. Это придавало ВРК еще большую уверенность в своих силах.

Проведение митинга стало последним большим мероприятием, осуществленным большевистским комендантом крепости для приведения ее в боевую готовность. Вечером, после окончания митинга Благонравов с помощниками произвел осмотр подступов к крепости, увеличил число караулов. У входа в крепость уже дежурил броневи́к, присланный еще перед началом митинга Военно-революционным комитетом. Запасной штаб большевиков был под надежной охраной: усиленные караулы, пулеметы на стенах, броневи́к у входа. Такой Петропавловская крепость встретила начало Октябрьского вооруженного восстания.

Ночью 25 октября крепость и ее гарнизон были оставлены ВРК в резерве и не принимали участие в боевых действиях. Тем не менее в крепости никто по-прежнему не спал. В Кронверкском арсенале М. К. Тер-Арутюнянц продолжал выдачу оружия по нарядам ВРК. В Комендантском и Плац-майорском домах было оживленно, горел свет — не смыкали глаз члены Ревкома крепости во главе с Г. И. Благонравовым. А. И. Поппель был наготове со своими самокатчиками наладить связь с любым районом города. П. С. Елизаров дежурил у полевого телефона, следя за ходом событий в городе, — шла историческая ночь восстания. И. В. Павлов был занят внутренними делами крепости, и прежде всего — организацией негласной охраны большевистского коменданта. В воспоминаниях бывшего солдата команды Петроартсклада И. С. Боданенко описывается, как, опираясь на наиболее проверенных, революционных солдат, помощник коменданта организовал охрану Г. И. Благонравова:

«Ст. надзиратель т. Павлов сказал, что до темна мы должны с винтовками придти во двор комендантского управления крепости и там получим указания, а в комендантском здании во дворе в первом этаже, я узнал фамилию позже, разместился тов. Благонравов, и опять т. Павлов дал нам указание, что наша задача в случае чего охранять этих людей, как он выразился, не щадя и отца, и показал, где сидел Благонравов и еще несколько человек, а также т. Павлов добавил — без разрешения не отлучаться даже на мгновение, где мы и находились до 5 часов утра. Позже еще т. Павлов сказал, что скажу вам по секрету, в случае чего оберегайте этого человека, он тов. Лениным прислан к нам комендантом крепости»³⁶¹.

Сам Благодравов так вспоминал об этой ночи: «Пишу донесение в Военно-революционный комитет, обмениваемся с товарищами мнениями о событиях. Ночь по-прежнему проходит без сна. Все так же весело трещит телефон и звучит оживленный говор в маленькой, наполненной табачным дымом комнатке. Всем нам, работникам крепости, страшно надоело выжидательное положение последних дней. Хотелось скорее кончить и действовать решительно»³⁶².

Но пока что действия, которые приходилось им предпринимать, находясь в крепости, были просты и несложны, хотя, вероятно, приятны. В течение всей ночи 25 октября, особенно во второй ее половине, Благодравов принимал от революционных солдатских и красногвардейских патрулей подозрительных лиц, задержанных ими на улицах города или арестованных во время боевых действий. Одними из первых в крепость были доставлены восемь офицеров Павловского военного училища во главе с его начальником, который, собираясь выполнить распоряжение Временного правительства, готовился вывести роты юнкеров и доставить их на Дворцовую площадь. Они были разоружены около 9 часов вечера 24 октября и сразу препровождены в крепость³⁶³. Весь вечер 24-го и всю ночь 25-го привозил в крепость арестованных юнкеров на машине начальник порта П. Д. Мальков: «Едем по Невскому в машине начальника порта и смотрим, где юнкера. Как кого из юнкеров увидим, останавливаем машину, подходим: отдай оружие! Отбираем винтовку, сажаем в машину и, как несколько человек наберется, везем в Петропавловскую крепость. Там сдаем коменданту. Так проездили целую ночь»³⁶⁴.

Под утро из Выборгского комиссариата были доставлены в крепость подполковник Германович с тринадцатью юнкерами Михайловского училища, которые пытались арестовать в 10 часов вечера 24-го членов редакции газеты «Рабочий путь»³⁶⁵. Следом за ними из Смольного все тот же неугомонный Мальков доставил задержанного павловцами поздно вечером 24-го начальника контрразведки Временного правительства подполковника Сурина: «Принял начальника контрразведки, посадил в машину. Он сидит, трясется. Отвез его в крепость и сдал коменданту Петропавловки Благодравову»³⁶⁶.

Утром 25 октября³⁶⁷ Благодравов, обуреваемый жадой активных действий, поехал на автомобиле коменданта крепости в Смольный, как он писал, «с твердым намерением предложить Военно-революционному комитету наступательный план действий». В комнате ВРК он застал Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко и Г. И. Чудновского, которые у карты Петрограда обсуждали план наступления на Зимний дворец. Это место в воспоминаниях Благодравова очень важно, так как, сопоставляя его с рядом других воспоминаний участников Октября, мы можем сделать вывод, что комиссар Петропавловки пришел к концу важнейшего заседания ВРК, на котором по заданию ЦК РСДРП(б) обсуждался вопрос об оцеплении и взятии Зимнего дворца и шла разработка общего плана предполагавшихся военных действий. В нашей исторической литературе нет единого описания этого, на наш взгляд, очень важного факта в истории Октябрьского вооруженного восстания. Вызвано это, вероятно, большой разноречивостью и расхождениями в деталях воспоминаний

разных участников событий. Думается, что такие расхождения могут проистекать не только от ошибок человеческой памяти, но и оттого, что, возможно, разные люди попадали на это совещание, которое, судя по всем воспоминаниям, длилось не один час, и не два, в разное время, поэтому и видели в комнате разных участников. Следовательно, установить их точный список нет возможности³⁶⁸. Нельзя назвать и точные часы начала и конца совещания. Однако, вероятно, нет оснований вообще отрицать сам факт подобного совещания или сводить его только к заседанию полевого штаба ВРК³⁶⁹. Правильнее всего охарактеризовано это совещание в работе Е. Ф. Ерыкалова «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде»³⁷⁰.

Необходимость такого совещания кажется вполне очевидной, так как, хотя план взятия Зимнего и был вчерне намечен во время разработки общего плана восстания, уточнявшегося по указанию В. И. Ленина вечером 24 октября Н. И. Подвойским, В. А. Антоновым-Овсенко и Г. И. Чудновским, сдвиг сроков в течение ночи восстания и то, что Зимний не был взят к утру 25-го, как первоначально намечалось, — все это требовало уточнения расстановки сил, сроков передвижения войск, их взаимодействия, линии оцепления дворца и т. п. Думается, что утром 25-го и было созвано расширенное совещание ВРК с представителями отдельных частей, стоявших вокруг Зимнего (как пишет О. П. Дзенис³⁷¹).

К. С. Еремеев (на его воспоминания ссылаются авторы двухтомника, изданного АН СССР), утверждая, что происходило совещание полевого штаба ВРК, нигде не перечисляет всех его участников. Его воспоминания написаны в форме живой литературной беседы, в течение которой отдельные конкретные лица скорее угадываются, чем точно называются³⁷². Поэтому нам кажется, что его воспоминания не могут служить основанием для ограничения числа участников совещания и превращения его из большого заседания ВРК в узкое совещание членов вновь созданного полевого штаба ВРК. Скорее всего, имело место и то, и другое. Поскольку времени у всех было в обрез, то вполне возможно, что после обсуждения главных вопросов и создания полевого штаба большая часть участников совещания разъехалась по местам, оставив руководителей восстания уточнять необходимые детали.

Вызывает удивление и тот факт, что никто из исследователей не говорит о том, что комиссар Петропавловской крепости, которой в разрабатываемом плане отводилась такая большая роль, принимал участие в работе совещания, пусть и на его завершающей стадии. Ведь то, что его имя не упоминают в связи с этим событием другие авторы, не дает права считать этот факт в рассказе Благонаравова вымышленным, так как описание самого события, обстановки, в которой оно проходило, перечисление фамилий — все в точности соответствует другим воспоминаниям. Присутствие Благонаравова на совещании, его участие в уточнении деталей плана — эти моменты очень важны. Ведь личное знакомство с планом взятия Зимнего и той ролью, которая отводилась при этом крепости, безусловно, прояснили для Благонаравова значение Петропавловки как главного штаба последней операции ВРК против Временного правительства, подняли в его глазах значение и важность возглавляемой им воинской части и увеличили силу личной ответственности за свои действия³⁷³.

Большинство участников совещания вспоминают, что в ходе уточнения плана окружения и взятия Зимнего дворца здесь же, в Смольном, утром 25 октября была определена и роль Петропавловской крепости в этой операции. Поскольку театр военных действий теперь сосредоточивался вокруг Зимнего, крепость стала самым удобным опорным пунктом для размещения общего руководства операцией. Полевой штаб, созданный по заданию ЦК РСДРП(б) для дальнейшего руководства восстанием, разместился в Петропавловской крепости. В его состав вошли Н. И. Подвойский, А. С. Бубнов, В. А. Антонов-Овсеенко, Г. И. Чудновский и К. С. Еремеев. В помощь полковому были созданы два фланговых штаба — в казармах Павловского полка во главе с К. С. Еремеевым и в казармах 2-го Балтийского флотского экипажа во главе с Г. И. Чудновским.

Дополнительный штаб по руководству взятием Зимнего располагался на «Авроре», куда направлялся В. А. Антонов-Овсеенко. Сигнал к началу штурма Зимнего в случае, если Временное правительство отклонит ультиматум ВРК, должна была дать Петропавловская крепость, а вслед за ней — «Аврора». (Относительно характера сигнала свидетельства участников совещания расходятся. П. Д. Мальков пишет, что это должна была быть ракета; Н. И. Подвойский упоминает красный фонарь; О. П. Дзенис — флаг и затем орудийную пальбу с крепости и с «Авроры»; Г. И. Благонравов, говоря о совещании, пишет просто, что крепость должна дать «особый сигнал», а о красном флаге говорит позднее, после совещания, проведенного В. А. Антоновым-Овсеенко в крепости уже днем 25 октября; сам Антонов-Овсеенко пишет, что атака дворца должна была начаться «по сигнальному орудийному выстрелу из Петропавловки»³⁷⁴.) На этом же совещании был запланирован и артиллерийский обстрел Зимнего из орудий крепости (первоначально предполагалось, что ее поддержат революционные корабли Балтфлота, стоявшие на Неве). Но к обстрелу решено было прибегнуть в крайнем случае, если штурм дворца будет затяжным.

Более детальные уточнения плана члены полевого штаба должны были разработать позднее, после объезда воинских частей и ознакомления с положением дел на местах. Сбор членов штаба планировался в Петропавловской крепости.

После окончания совещания его участники спешно разъехались на закрепленные за каждым участки. Г. И. Благонравов на своем автомобиле, захватив, как он пишет, Г. И. Чудновского, поехал обратно в крепость, высадив Чудновского у Троицкого моста³⁷⁵. К. С. Еремеев направился в Павловский полк, В. А. Антонов-Овсеенко с П. Д. Мальковым на буксире³⁷⁶, который ждал их прямо у Смольного, двинулись прямо по направлению к «Авроре» — встречать подходившие к Петрограду корабли кронштадтцев. По дороге Антонов-Овсеенко заехал в крепость проверить все записанное за ним. Это было примерно в 11–12 часов дня³⁷⁷. Благонравов, вернувшийся в крепость раньше, уже успел много сделать: «По словам коменданта Петропавловки Благонравова, — вспоминает Антонов-Овсеенко, — все в крепости готово. Орудия накатаны на валы. Обстрел Зимнего можно начать по первому сигналу»³⁷⁸.

Однако провести подготовку крепости к бою оказалось не так-то просто, и возможно, что и в 12 часов дня еще не все было готово у Благонравова. То, что

Антонов-Овсенко увидел орудия на валу крепости, не было результатом только проведенной работы: описывая структуру и характер вооружения гарнизона крепости, мы отмечали, что в состав орудий, имевшихся в распоряжении отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии, входили и 11 шестидюймовых медных пушек образца 1877 года, которые всегда располагались на Нарышкином бастионе, на правом и левом фасы его. Двадцать пятого октября никто не накачивал пушки на валы крепости — в этом не было необходимости. По распоряжению комиссара крепости солдаты кольцовского ружейно-пулеметного батальона выкатили на стену Екатерининской куртины свои пулеметы Кольта и навели их на Зимний дворец. Командир батальона левый эсер поручик Ю. Ю. Жендзян, горячо сочувствовавший большевикам и принимавший деятельное участие в подготовке крепости к бою, отдавая распоряжение солдатам установить пулеметы на крыше Екатерининской куртины и навести их на Зимний дворец, показал на Нарышкинскую вышку и орудия, стоявшие около нее, и сказал, что сигналом к началу стрельбы будут красный сигнал на вышке и сигнальный выстрел одного из орудий³⁷⁹.

Что же касается подготовки артиллерии, то в этом вопросе командиры отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии сознательно ввели Благоднарова в заблуждение, пользуясь тем, что он — пехотный офицер и не разбирается в орудиях. Благодаря собранному музеем воспоминаниям бывшего рядового отдельной роты В. Н. Смолина и бывшего ездового команды Петроартсклада И. С. Боданенко³⁸⁰, мы имеем очень интересные сведения, показывающие, как эти прапорщики, ненавидевшие большевиков и пытавшиеся по мере сил сослужить службу Временному правительству, обманным путем действительно сумели навредить и, главное, наложить пятно контрреволюционности и на всех солдат своей роты, хотя среди них было много настроенных революционно и готовых поддержать ВРК.

И. С. Боданенко, как мы уже знаем, был в ночь на 25 октября назначен И. В. Павловым в число солдат, которым поручили охранять большевистского комиссара крепости. Стоя у Комендантского дома, солдаты с интересом наблюдали за деятельностью своего нового начальника, присланного, по словам Павлова, самим Лениным. Не удивительно, что в памяти Боданенко отложились многие события этого вечера и ночи. «Был вызван, — вспоминает он, не указывая времени, вероятно, поздно вечером 24-го или ночью 25-го, — командир артроты (то есть отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии. — *Е. Б.*), которому, не скрывая от нас, было дано указание с наступлением темноты 5 орудий образца 1902 года 3-х дм. = 72 мм вывезти на набережную крепости, что напротив Зимнего дворца, на что командир артроты отказался — словами „моя рота этого приказания выполнять не будет“ с тем и ушел».

Чрезвычайно важно зафиксировать, что еще поздно вечером 24 или в начале ночи 25 октября у Благоднарова с командиром артиллерийской роты состоялся такой разговор, так как он был вызван тем, что большевистский комиссар крепости заранее хотел принять меры к подготовке орудий крепости и возможным боевым действиям. А то, что орудия были старые, заржавленные и требовали обыкновенного ухода и чистки, было ясно и пехотинцу. Вероятно, Боданенко, который не мог

слышать всего разговора, передал нам не все, что сказал Благодравов командир артроты прапорщик Р. Р. Карпов. Он наверняка внушил Благодравову мысль, что орудия, стоящие на валу Нарышкина бастиона, никуда не годятся и что стрелять из них нельзя. Вот почему об артиллерии крепости (что затем, к сожалению, перекочевало почти во все наши исторические работы) писали: «Крепость может стрелять только из пулеметов и винтовок: орудия, грозно стоящие на паркетах, для стрельбы не приспособлены и поставлены были исключительно для большего эффекта (стреляла только пушка, заряжаемая с дула и возвещавшая время)»³⁸¹.

В данном случае Благодравов допустил не только военную, но и политическую ошибку: он ограничился разговором с командиром роты и не обратился вовремя к солдатам. Поступил он так, возможно, не было бы всей этой знаменитой истории с артиллерийской неподготовленностью крепости, о чем с досадой писал В. А. Антонов-Овсеенко, и с присылкой в крепость матросов морского полигона. Прапорщик Карпов, выйдя от Благодравова, скрыл от солдат своей роты весь разговор и ничего не сказал им о необходимости подготовки орудий к вооруженному восстанию. Об этом вспоминает В. Н. Смолдин: «24/X вечером наше начальство Отдельной роты артиллерии — ком-р роты прапорщик Карпов и подпрапорщик Егоров Мих. Вас. не могли подготовиться с вечера. Не привели крепость в боевую готовность и *своим солдатам о подготовке ничего не сказали*» (курсив мой. — Е. Б.).

Таким образом, 25 октября, вернувшись из Смольного и имея распоряжение ВРК подготовить крепость к возможному артиллерийскому обстрелу Зимнего, Благодравов и не думал об орудиях, стоявших на Нарышкином бастионе, считая их «игрушками». Вот почему появилась необходимость прибегнуть к помощи других орудий.

Дальнейшая история известна: шесть пушек³⁸² взяли со двора Нарышкина бастиона и со двора Арсенала, а затем с помощью солдат крепости выкатили их за стены³⁸³ и установили на припеске у Невы, в так называемых «лагерях» (здесь в довоенное время устраивались летние лагеря для некоторых частей гарнизона крепости). Необходимо только подчеркнуть вот что: арсенал крепости, как мы тоже уже отмечали, был не просто оружейным складом, где хранились исправные орудия. Это была оружейная мастерская, куда доставлялось с фронта и из тылов вооружение, выбывшее из строя и требовавшее ремонта. Поэтому орудия, взятые со двора Арсенала и установленные Благодравовым на припеске Невы для обстрела Зимнего, действительно могли быть не вполне исправными. Так что отказ солдат отдельной роты крепостной артиллерии стрелять из них неверно рассматривать как политическую демонстрацию их враждебного настроения к ВРК и нежелания помочь ему в штурме Зимнего, а следует оценивать как простую осторожность людей, хорошо знающих, с чем придется иметь дело.

Отказ же артиллеристов «выступать с оружием в руках на чужей бы то ни было стороне», как пишет Благодравов, был вызван тем, что солдаты были удивлены непонятным, на их взгляд, и неправильным распоряжением установить орудия на открытом месте, тогда как на Нарышкином бастионе пушки стояли в необходимом прикрытие. Смолдин вспоминает, что этот приказ они расценивали как заведомо

ложный и считали, что он отдан человеком, настроенным против революции. Благодравову пришлось не только уговаривать артиллеристов осмотреть орудия, на что они после колебаний согласились, но и озаботиться обеспечением боекомплекта для пушек, установленных на припльске у Невы. Благодравов вспоминает, что снаряды были затребованы с Выборгской стороны, из склада огнестрельных боеприпасов, и были своевременно присланы.

Установив пушки против Зимнего, обеспечив их боезапасом, Благодравов решил прикрыть их с фронта цепью солдат, «хотя ждать атаки по воде через Неву даже и на лодках было трудно»³⁸⁴, как он свидетельствует в воспоминаниях. По-видимому, это было сделано главным образом для успокоения крепостных артиллеристов, которым было непривычно находиться у орудий, стоявших на совершенно открытой местности. Ведь после разговора с Благодравовым часть артиллеристов отдельной роты все же отправилась к орудиям и по его просьбе начала их обследование и подготовку к стрельбе³⁸⁵. Прикрытие орудий и находившихся около них солдат обеспечили по распоряжению Благодравова солдаты-самокатчики во главе с А. И. Поппелем, входившим в состав крепостного Ревкома. Солдаты рассыпались длинной цепью по всему берегу Невы и находились там до конца штурма Зимнего дворца³⁸⁶.

В распоряжении Благодравова, кроме орудий гарнизона крепости, была и 5-я отдельная артиллерийская батарея с зенитными орудиями, которая прибыла в крепость, как уже отмечалось выше, 21 октября. Напомним, что батарея состояла из четырех трехдюймовых пушек, установленных на бронированных с бортов автомобилях, и что водителями автомобилей были путиловские рабочие. Их революционные настроения, как пишет бывший солдат этой батареи Иван Григорьевич Балахонов³⁸⁷, и определили большевистскую ориентацию батареи в целом. Днем 25 октября батарея по распоряжению Благодравова выехала из крепости и приняла участие в подготовке окружения Зимнего дворца. «Автомобили с орудиями нашей батареи <...> днем только развозили красногвардейцев и солдат к местам организации заслонов и к местам замены юнкерских постов красногвардейскими (т. е. помогали в расстановке заслонов и постов) у моста на Фонтанке и у Троицкого моста и в других местах», — вспоминает Балахонов. Многие солдаты у орудий, по его словам, были заменены красногвардейцами. Вполне возможно, что зенитные батареи, которые прибыли к павловцам вместе с красногвардейцами Петроградской стороны днем 25 октября и были расставлены вокруг Зимнего, как раз и происходили из 5-й отдельной артиллерийской батареи, входившей в состав гарнизона крепости.

Как только закончилась установка орудий на припльске Невы, в крепости собрались все члены полевого штаба ВРК по взятию Зимнего дворца. Это была вторая половина дня 25 октября. Прибыл с «Авроры» В. А. Антонов-Овсеевко с группой матросов. Незадолго до этого к крепости подошел паровой катер, присланный ВРК для установления постоянной связи Петропавловки с дополнительным штабом ВРК, который был создан на «Авроре». На катере прибыли связные с крепостью и полевым штабом ВРК от балтийских моряков — один от «Авроры» (личность его пока установить не удалось) и один от «Амура» — Алексей Антонович Дорогов,

член большевистской партии с апреля 1917 года, председатель судового комитета на «Амуре» и председатель объединенного Комитета минных заградителей Балтийского флота. Вот как он описывает свое прибытие в крепость днем 25 октября: «Срочно был спущен на воду катер, поставлен на нем пулемет, и я отправился в Петропавловскую крепость. Немного не доходя до Зимнего дворца, мы были обстреляны из пулемета от Зимнего; стоявший у пулемета т. Иванов был легко ранен в руку. На стрельбу мы ответили стрельбой. Зайдя в канал к воротам Петропавловской крепости, катер подойти к ней не мог из-за мели, и в крепость я вошел через окно, куда меня принял комиссар крепости т. Благоднаров»³⁸⁸.

Из Смольного на машине в крепость приехал Н. И. Подвойский с группой большевиков, только утром 25-го освобожденных из «Крестов»: Сахаровым, П. Дашкевичем и Ф. Хаустовым³⁸⁹. Помимо членов полевого штаба и работников ВРК, приехавших с Подвойским, в совещании, по воспоминаниям Дорогова, приняли участие он сам, связной от «Авроры», Благоднаров, Павлов, комиссар самокатного батальона Поппель, а также командир ружейно-пулеметного батальона Кольга поручик Жендзян.

Как и было решено утром в Смольном, совещание в крепости внесло уточнения в разработанный ВРК план окружения и захвата Зимнего дворца. Была уточнена и закреплена диспозиция окружавших дворец войск и их функции; было назначено крайнее время начала атаки в случае, если Временное правительство отвергнет ультиматум ВРК; установили, что сигналом к атаке послужит красный фонарь на вышке крепости, который должен быть подан не позднее 9 часов вечера. Ф. Хаустов, описывая это совещание, отмечает, что после определения всех главных моментов предстоящей операции, Подвойский сразу уехал в Смольный доложить ВРК о результатах³⁹⁰. Совещание продолжил Антонов-Овсеенко. Были распределены конкретные обязанности: Антонову-Овсеенко и Благоднарову было поручено общее наблюдение и руководство; заместителю Жендзяна по батальону Кольга и Павлову — командование крепостной артиллерией; Поппелю — командование цепью самокатчиков, которая залегла у выставленных к берегу орудий; Жендзяну с пулеметчиками — присоединение к отряду на вышке Народного дома для обеспечения надежных тылов крепости. Дорогов и связной с «Авроры» должны были доставить ультиматум Временному правительству³⁹¹. Хаустов пишет, что после этого Антонов-Овсеенко снял трубку телефона и связался с Зимним дворцом, предложив представителю Временного правительства сложить оружие во избежание обстрела и штурма дворца. В ответ последовал отказ и сообщение о госпитале, расположенном в здании дворца. Посоветовавшись с участниками совещания, Антонов предложил осажденным эвакуировать больных и раненых, обещав на это час, после чего предупредил, что ВРК все равно начнет боевые действия. Из Зимнего на это ничего не ответили³⁹². Так как телефонные переговоры не дали никаких результатов, участники совещания тут же приступили к составлению текста ультиматума Временному правительству. Хаустов сообщает, что он написал его под диктовку Антонова-Овсеенко на листке, вырванном из полевого блокнота. Ультиматум

подписывают В. А. Антонов-Овсеенко и Г. И. Благонравов. Теперь нам точно известен его текст, опубликованный академиком И. И. Минцем в 1960 году:

«Военно-революционный Комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов: „Авроры“, „Амура“ и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены.

Для ответа вам предоставляется 20 мин. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 час. 10 мин., после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета необходимо закончить в представленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному.

Председатель Военно-революционного комитета Антонов

Комиссар Петропавловской крепости Г. Б.

25 октября 1917 г.»³⁹³.

Заготовленный листок с текстом ультиматума был оставлен Благонравову, отправить его решено было за полчаса до сигнала о полной боевой готовности крепости и частей, окружавших Зимний. Судя по воспоминаниям, это должно было случиться не позже 6 часов вечера.

После этого совещание закончилось. Антонов-Овсеенко отдал последние распоряжения и отправился на катере к кронштадтцам, которые высаживались на набережной Невы. А Благонравов и Павлов направились к артиллеристам проверить, как идут дела. И вот тут-то оказалось, что, прочистив и проверив орудия, они отказались стрелять из них, так как пушки были действительно в очень плохом состоянии. Огорченный и расстроенный, Благонравов поручил Павлову еще раз проверить действительное состояние орудий, а сам вернулся в штаб. «Из Смольного мне несколько раз звонили, — пишет он, — и указывали на необходимость немедленно начинать. Несмотря на то, что не все готово, отправляю с товарищами ультиматум во дворец»³⁹⁴.

Товарищами, с которыми был направлен ультиматум из Петропавловской крепости Временному правительству, оказались не матросы, как намечалось на совещании, а солдаты-самокатчики Венедикт Фролов и А. Галанин³⁹⁵. Судя по рассказу, изложенному авторами «Истории гражданской войны в СССР», парламентам вручили не листок, написанный рукой Ф. Хаустова, а текст ультиматума, перепечатанный на машинке. Если это так, то на подлиннике не должно быть подпи-

си В. А. Антонова-Овсенко, так как ультиматум Г. Благоднаров отправлял без него (о чем пишет и сам Антонов: «Вновь — в крепости. Точно ли все в порядке? Ультиматум только что отправлен с двумя самокатчиками Временному правительству»³⁹⁶).

История доставки ультиматума довольно детально изложена авторами «Истории гражданской войны в СССР». Но, несмотря на это, из описания выпала одна довольно важная для нас деталь: ехали ли самокатчики на велосипедах или шли пешком? Материалы, которыми в настоящее время располагает музей, также не дают ответа на этот вопрос. И все-таки, если рассуждать логически и внимательно проследить график их движения из крепости к штабу округа, то время передвижения, а точнее — быстрота его дают основания полагать, что ультиматум был все же доставлен парламентарями на велосипедах.

Обратимся к имеющимся упоминаниям о времени.

В «Истории гражданской войны» говорится, что из крепости ультиматум был направлен в 6 час. 20 мин.³⁹⁷. В штаб округа, то есть на Дворцовую площадь, парламентарии прибыли, если верить газете «Новая жизнь», в 6 час. 30 мин. вечера³⁹⁸. Здесь может быть неточность в 10–15 минут. Генерал-квартирмейстер штаба Петроградского военного округа подполковник Н. Н. Пораделов, присутствовавший в момент вручения самокатчиками ультиматума генералам Багратуни, Кишкину, Пальчинскому и Рутенбергу, показал на допросе (через два дня после восстания, 27 октября, в Петропавловской крепости), что самокатчики прибыли в штаб округа около 7 часов³⁹⁹. И, наконец, еще один документ — опубликованный академиком И. И. Минцем дневник министра путей сообщения Временного правительства А. В. Ливеровского, который тот вел, сидя в Зимнем дворце, — дает последнее и, вероятно, самое точное время: «7 час. 10 мин. Терещенко вернулся и от имени Коновалова пригласил всех вниз. Собрались в кабинете Коновалова. Сообщено, что сейчас двумя делегатами от Революционного комитета доставлен ультиматум»⁴⁰⁰.

На основе этих свидетельств составлен график движения самокатчиков: 6 час. 20 мин. — парламентарии направлены Г. И. Благоднаровым из Петропавловской крепости; 6 час. 30 мин. или около 7 час. — они прибыли на Дворцовую площадь в здание штаба Петроградского военного округа; 7 час. 10 мин. — ультиматум доставлен в Зимний дворец министрам Временного правительства.

Выходит, на то, чтобы добраться из крепости до Дворцовой площади, у парламентариев было не более получаса, так как в 7 час. 10 мин. об ультиматуме уже знали в Зимнем дворце, а между моментом появления самокатчиков в здании штаба округа и приходом Багратуни и его сообщников в Зимний прошло не менее 10–15 минут, которые нужны были генералам на переход из одного здания в другое.

Совершенно ясно, что преодолеть расстояние, отделяющее крепость от здания штаба округа за полчаса (или даже меньше) нельзя, передвигаясь пешком, тем более что самокатчикам за это время нужно было пройти несколько красногвардейских и юнкерских патрулей, около каждого из которых приходилось делать неизбежные остановки для объяснений.

Кажется совершенно естественным, что самокатчики, чьи функции уже при организации самих самокатных частей в русской армии состояли в *несении службы*

связи и разведывательной службы на *самокатах*⁴⁰¹, должны были воспользоваться самокатами при выполнении такого срочного и ответственного поручения ВРК, как вручение ультиматума Временному правительству. Возможно даже, что выбор самокатчиков, а не матросов для этого поручения был вызван именно наличием самокатов и возможностью тем самым выиграть время⁴⁰². (Вспомним слова Благонравова о том, что из Смольного ему несколько раз звонили и торопили начинать.) Ведь нам сейчас хорошо известно, что общая затяжка во времени начала штурма Зимнего дворца очень беспокоила и сердила В. И. Ленина. Неудивительно, что комиссар Петропавловки использовал возможность сократить срок доставки ультиматума на 15–20 минут.

Пока парламентарии ехали к Дворцовой площади и вели переговоры со штабом округа, в крепости было беспокойно. Ведь ультиматум содержал угрозу обстрела дворца орудиями Петропавловской крепости, а как раз с обстрелом-то дело и не ладилось. Как бы предчувствуя неувязки, Антонов-Овсенко после встречи кронштадтцев тут же вернулся в крепость. «Вдруг дверь дежурной комнаты широко распахивается настежь, и в нее влетает Антонов, страшно встревоженный, — вспоминает Благонравов. — Он набрасывается на меня с упреками за то, что я долго не начинаю. Кратко объясняя создавшееся положение»⁴⁰³.

Благонравов и Антонов-Овсенко вместе отправляются на берег Невы, чтобы еще раз все проверить. У орудий распоряжается оставленный здесь ранее Благонравовым И. В. Павлов. Ситуация напряженная. Солдаты по-прежнему отказываются стрелять — орудия неисправны. Антонов-Овсенко и Благонравов по-разному воспринимают случившееся, что очень хорошо видно из их воспоминаний. Антонов, проникнутый недоверием к артиллеристам, полон сдержанного негодования: «Ну, конечно, эти господа просто стараются все сорвать. Ничего у них не ладится. Объяснения сбивчивы. В тоне — предательская ложь»⁴⁰⁴. Благонравов, знающий своих людей и безоговорочно верящий в революционность Павлова, пишет иначе: «Павлов и Кондаков подтверждают мне все, сказанное артиллеристами. Даже при свете керосиновых ламп они заметили большую ржавчину на частях орудия и отсутствие масла в компрессорах: стрельба, несомненно, была сопряжена с громадным риском»⁴⁰⁵.

Выход из создавшегося положения был найден двоякий.

Во-первых, было решено через Смольный найти тех революционных солдат-артиллеристов, которые согласились бы стрелять из неисправных орудий⁴⁰⁶, а сигнальный выстрел дать из сигнальной пушки⁴⁰⁷.

Во-вторых, решение использовать для стрельбы по Зимнему также и орудия, стоявшие на валу Нарышкина бастиона, — факт, уточненный последними разысканиями общественного научного сотрудника музея А. Г. Петрова и опубликованный пока только в одной работе⁴⁰⁸. Обслуживать эти орудия взялись революционно настроенные солдаты Отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии⁴⁰⁹.

Необходимо подчеркнуть, что если первое решение было принято по инициативе В. А. Антонова-Овсенко, то второе, что очень важно, было закреплением революционной инициативы солдат-артиллеристов крепости сразу после неприятного разговора у орудий на припльске Невы.

Таким образом, этот факт снимает, как нам кажется, большую часть упреков в контрреволюционности по отношению к солдатам Отдельной роты Петроградской крепостной артиллерии. Конечно, в этой, как и во всякой другой части, были солдаты, придерживавшиеся нейтралитета, и, как мы уже отмечали, офицеры-соглашатели, поддерживавшие Временное правительство. Однако передовая часть солдат этой небольшой по численности роты (вместе с офицерами в ней было всего около 300 человек) сослужила верную службу ВРК. К сожалению, из них нам удалось пока разыскать только Василия Николаевича Смолина⁴¹⁰.

Едва был улажен вопрос с орудиями, как в крепость пришло известие о сдаче Зимнего (как оказалось, оно было ложным — сдался штаб округа, а не Зимний). Члены полевого штаба ВРК решили тут же ехать во дворец. Антонов-Овсенко, по-видимому, уехал первым вместе с И. В. Павловым и А. А. Дороговым, связным от «Амура»⁴¹¹. Благодравов не задержался в дежурной комендантской комнате, так как туда прибыли из Смольного с запиской от Лашевича двое матросов-артиллеристов с Морского полигона. И хотя комиссар крепости считал, что было уже поздно (ведь Зимний сдался!), он все же договорился с моряками о возможности стрельбы из подготовленных на берегу орудий. И только после этого он тоже направился, сначала пешком, к Дворцовой площади. Но, выйдя за ворота крепости, он на Иоанновском мосту наткнулся на машину с Н. И. Подвойским и К. С. Еремеевым, которые ехали к себе в штаб, в крепость, после осмотра линии войск, окружавших Зимний. Узнав о неожиданной новости, они развернулись и вместе с Благодравовым поехали к Зимнему.

Антонов-Овсенко, Дорогов и Павлов, уехавшие раньше, сумели проскочить на Дворцовую площадь и сразу же прошли в здание штаба округа, где уже хозяйничали красногвардейцы. Автомобиль же с Подвойским, Еремеевым и Благодравовым был, как известно, обстрелян на набережной у самого дворца, и вернулся назад, к Павловским казармам. После этого, узнав, что известие было ложным, что сдался только штаб, а в Зимнем продолжает сопротивление Временное правительство, руководители ВРК решили начать немедленные действия. Вот как пишет об этом Благодравов: «Нами было решено немедленно открыть интенсивный огонь из крепости (я мог обещать это сделать, так как помнил о присланных мне артиллеристах-моряках)»⁴¹².

Совершенно ясно, что здесь имеется в виду интенсивный артиллерийский обстрел Зимнего из крепости. Однако штаб округа сдался сразу после семи вечера. Значит, Подвойский, Благодравов и Еремеев могли на автомобиле подъехать ко дворцу где-то около 8 часов. Значит, именно в это время было принято решение ВРК (как сказано во 2-м томе последней монографии АН СССР⁴¹³) начать немедленно (как подчеркивает Благодравов) артобстрел из крепости. А мы знаем, что артиллерийский обстрел Зимнего из крепости был начат только в 11 часов вечера, то есть по прошествии не менее 2,5–3 часов после распоряжения ВРК. Более того, не только артиллерийский обстрел, но и холостой сигнальный выстрел к началу штурма крепость и «Аврора» тоже дали не сразу, а спустя не менее 1–1,5 часов.

Чем же объяснить такую задержку? Ведь тут уже нет причин ни в неподготовленности крепости к стрельбе, как это было днем, когда сопротивлялись артиллеристы, ни в отсутствии снарядов. В полном наличии не только весь боезапас к орудиям, но и ждут наготове солдаты у орудий на берегу Невы, готовы к обстрелу орудия на Нарышкином бастионе, найден и подготовлен фонарь, готова к выстрелу сигнальная пушка. Давно прибыли кронштадтцы, готовы к обстрелу орудия «Авро-ры», вручен первый ультиматум, на который нет никакого ответа, несмотря на то, что прошел указанный там срок, — 20 минут; уже взят штаб округа.

В чем же дело? Почему на этот раз так затягивается начало штурма Зимнего, несмотря на неоднократные записки В. И. Ленина, которые, по свидетельству Н. И. Подвойского, получали вечером 25 октября в полевом штабе ВРК?

Подвойский объяснял это в своих воспоминаниях нежеланием со стороны ВРК лишнего кровопролития, стремлением добиться от Временного правительства добровольной сдачи. Но добиться этого можно только путем предъявления ультиматума. Раньше историки считали, что ультиматум Временному правительству предъявлялся не менее двух раз, а если считать поход Г. И. Чудновского в Зимний дворец как форму предъявления устного ультиматума от имени ВРК, то три раза. Теперь же, после опубликования И. И. Минцем дневника А. В. Ливеровского, который написан в Зимнем дворце в момент осады, исследователи все чаще приходят к выводу, что если в этом документе не упоминается о втором ультиматуме, значит, его и не было. Верна ли такая точка зрения? И не делает ли версия об одном ультиматуме непонятной затяжку с началом штурма Зимнего?

Обратимся к фактам, выпавшим из поля зрения многих исследователей, так как они содержатся в воспоминаниях лиц, тесно связанных с Петропавловской крепостью, а поскольку этот объект не вызывал особого внимания историков, то и воспоминания эти оказались неиспользованными.

В первую очередь хочется обратить внимание на очень интересные воспоминания А. А. Дорогова⁴¹⁴, о котором уже говорилось выше. В связи с анализом вопроса о существовании второго ультиматума Временному правительству его воспоминания приобретают особый интерес. Приведу полностью соответствующее место из рассказа Дорогова:

«Я сразу вернулся в крепость за т. Антоновым-Овсеенко, и вместе с ним и т. Павловым поехали опять в штаб. По прибытии туда мы членов штаба на месте не застали; солдаты и красногвардейцы разбирали и просматривали в шкафах штабные бумаги.

Как только вошли в помещение штаба округа, т. Антонов-Овсеенко сел за стол писать второй ультиматум Временному правительству, приблизительно следующего содержания: штаб округа сдался, Зимний окружен революционными войсками, и, если в течение 20 мин. Временное правительство не сложит свои полномочия и не сдастся, по дворцу будет открыт огонь с судов и из Петропавловской крепости, и все будут сметены вместе с дворцом. Когда он написал ультиматум и стал передавать мне, чтобы я снес его и предъявил

Временному правительству, я ему заметил, что нет печати Военно-Революционного Комитета. На что он сказал: „Меня хорошо знают и по подписи“. С ультиматумом отправились я и т. Павлов; т. Павлов остался на середине площади, между штабом округа и дворцом, чтобы обоим не погибнуть, — настроение было такое: живыми от юнкеров не вернемся, и в случае, если одного расстреляют, другой сможет сообщить в крепость. Подходя к баррикадам, поленицам безрешовых дров, которыми был окружен Зимний дворец с площади, я услышал за баррикадами гул голосов. Раздался окрик: „Стой! Кто идет?“ Несколько солдат направили на меня винтовки с баррикад. Я ответил: „Иду от Революционного комитета парламентаром к Временному правительству с пакетом, и пакет нужно передать лично“. Солдаты стали звать офицера: подошел офицер и предложил передать пакет ему. Я ответил, что по поручению Военно-революционного комитета пакет должен передать лично Временному правительству и сейчас же должен получить ответ. Он грубо ответил: „Давай и не разговаривай, иначе будешь расстрелян!“ Я заявил ему, что в этом не сомневаюсь, а пакет передать ему не могу. Он тогда понизил голос и сказал: „Пакет я передам Временному правительству сейчас, а ты отбегай, а за ответом позовем через десять минут“. Мне ничего не оставалось делать, как отдать, а в голове мелькнуло: „Сейчас, подлецы, в спину расстреляют“. Отдав пакет, я отошел от баррикад и подошел к Павлову. Минут десять поговорили, за ответом не зовут, я решил обратно вернуться к Зимнему за ответом. Только что отошел от Павлова, как стали звать, чтобы я шел за ответом. Я не дошел двух шагов до баррикад, как со стороны Морской началась стрельба. Со всех концов Зимнего на стрельбу ответили из пулеметов и винтовок, и, из-за баррикад правительственными войсками был дан ружейный залп по штабу округа, произошло замешательство: некоторые бросились в подъезд, часть столпилась у подъездов, часть разбежалась за угол, и на огонь из Зимнего от штаба округа ответили порядочной стрельбой. Под свист пуль с двух сторон отполз на шагов двадцать и кружным путем побежал в крепость сообщить, что началось наступление на Зимний и необходимо открыть огонь»⁴¹⁵.

Представляется, что такой подробный и обстоятельный рассказ не может быть сплошной выдумкой, чтобы от него можно было легко отмахнуться. А он подтверждает чрезвычайно важный факт в ходе окружения и взятия Зимнего дворца — отправку второго ультиматума Временному правительству. Однако, как известно, одно свидетельство еще не может быть основанием для утверждения какого-либо исторического факта. Оно должно быть проверено и подкреплено другими заявлениями и документами.

Документов у нас нет, но другие свидетельства имеются. Это воспоминания И. В. Павлова, который, как пишет А. А. Дорогов, носил вместе с ним пакет со вторым ультиматумом к войскам, охранявшим Зимний дворец. Необходимо сразу подчеркнуть, что свидетельства Павлова, оставленные им в автобиографии и зафиксированные в личных партийных документах, которые хранятся ныне в Институте

истории партии Азербайджана, никогда не публиковались, так что в своем рассказе А. А. Дорогов никак не мог их повторить или пересказать. Рассказы Дорогова и Павлова — параллельные исторические свидетельства об одном и том же факте, высказанные независимо друг от друга, в разное время и в разных местах. Поэтому можно считать, что они дают более точное подтверждение факта отправки Временному правительству второго ультиматума.

Вот как выглядит описание этого же исторического факта в автобиографии Павлова⁴¹⁶:

«Вскоре приехал тов. Антонов-Овсеенко и говорит, что штаб взят нашими, я с ним сажусь и еду в штаб, а там полный хаос. Красная гвардия стаскивает юнкеров с чердаков, а часть часовых при штабе еще не снята, и пока из пленных нашли руководящего и сняли. Тут же тов. Антонов пишет ультиматум в Зимний дворец Временному правительству и вручает мне для передачи. Я с одним тов. флотским⁴¹⁷ направился к Зимнему дворцу и передаю ультиматум женскому батальону смерти и говорю, что это надо передать Временному правительству и через 20 минут отчет надо. Проходит 20 минут, но ответа нет, я решил опять идти, но уж вместо ответа они пошли на нас атакой. И хорошо, что у подъезда были наши Красная гвардия и солдаты открыли по ним стрельбу. Сейчас же дали знать в крепость и на крейсер, и вскоре был холостой выстрел, а крепость открыла орудийный огонь по Зимнему дворцу, и тут же атаковали со всех сторон Зимний дворец».

Как видим, описание Павлова очень близко совпадает с рассказом Дорогова (с той только разницей, что честь вручения пакета с ультиматумом каждый из них приписывает себе), подтверждая главные факты: после взятия штаба В. А. Антонов-Овсеенко в помещении штаба написал текст второго ультиматума Временному правительству и, передав пакет товарищам А. А. Дорогову (связному от «Амура») и И. В. Павлову (заместителю коменданта Петропавловки), попросил их передать его в Зимний дворец. В тексте ультиматума *вторично* предлагалось Временному правительству прекратить сопротивление, давался на обдумывание срок 20 минут, после чего должна была начаться атака Зимнего и, если потребуется, орудийный обстрел.

Если учесть, что второй ультиматум мог быть отправлен около 8 часов вечера, то тогда становится понятной подача сигнала к началу штурма только после 9 часов вечера.

Нам могут возразить, что автобиография, написанная дома и никогда не публиковавшаяся, не может быть полноценным историческим документом. Но тот же исторический факт был записан И. В. Павловым и в 1920–1921 годах в «личных регистрационных карточках», которые заполнялись им во время вступления в коммунистическую партию Азербайджана: «...с т. Антоновым заняли штаб Петроград. Военного округа. Предъявлял ультиматум в Зимний дворец правит Керенск. Имел связь с крейсером „Аврора“»⁴¹⁸.

Кроме того, рассказ об этом событии содержится также и в воспоминаниях одного из бывших солдат команды Петроградского артиллерийского склада И. С. Боданенко, который был хорошо знаком с Павловым в 1917 году и оставил о нем, в частности, следующее свидетельство:

«В течение ночи ст. артнадзиратель т. Павлов с матросом, фамилию не помню, дважды посылались т. Благонравовым с пакетом ультиматума Временному правительству в Зимний, как первый, так и второй раз ультиматум не был принят, а особенно второй раз т. Павлов говорил, чуть ли не подстрелили, т. е. он говорил, когда мы пытались передать, кто мы такие, то на место наше нахождение ответ был свист пуль, значит, по нам стреляли и спасали нас только выложенные штабеля дров на площади у Зимнего, так и без ультиматума завершилось взятие Зимнего дворца к утру»⁴¹⁹.

В рассказе Боданенко, несмотря на две ошибки (он пишет, что первый ультиматум тоже носил Павлов, и затем приписывает посылку второго ультиматума Благонравову), мы ясно чувствуем ту же, похожую на описание А. А. Дорогова, картину вручения пакета войскам, охранявшим Зимний дворец: свист пуль и стрельба вместо ответа.

Думается, что неоднократное повторение в разных воспоминаниях одного и того же факта должно заставить историков задуматься над тем, что отправка второго ультиматума Временному правительству все же имела место и что относили пакет, отправленный из здания штаба округа и написанный рукой В. А. Антонова-Овсеевского, солдат-артиллерист Петропавловской крепости Иван Васильевич Павлов, который был тогда заместителем коменданта крепости Г. И. Благонравова, и матрос, связной с «Амура», Алексей Антонович Дорогов. Вероятно, пакет, принятый у них офицером, находившимся в отряде, охранявшем Зимний дворец на баррикадах, так и не был доставлен Временному правительству — то ли из-за сознательного стремления навредить, то ли (и это вернее) из-за полнейшей растерянности и неразберихи, царившей к этому времени среди защитников Зимнего. Вспомним, что вручение первого ультиматума прошло спокойно и быстро только потому, что парламентаров-самокатчиков встретили еще официальные представители власти — высшие штабные чины Временного правительства, находившиеся в здании штаба Петроградского военного округа, которые сами доставили ультиматум в Зимний дворец. При отправке второго ультиматума положение осложнилось: вручать пакет приходилось только грубым солдатам и офицерам, залегшим на баррикадах, у которых, как мы видели, было недолго от разговора до выстрела. И это понятно, так как к 8 часам вечера в защите Зимнего остались только самые оголтелые приспешники Временного правительства: все колебавшиеся или покинули Зимний, или были переведены Временным правительством с «передовой» линии, то есть из района баррикад, внутрь дворца.

Пакет со вторым ультиматумом не был доставлен, министры Временного правительства могли его и не видеть, но проволочка имела место, и, не зная судьбы пакета,

руководители ВРК ждали ответа на ультиматум. Ответа так и не последовало, в войсках, накаленных до предела, стихийно возникла жаркая перестрелка, и тут уже последовало распоряжение о сигнале к штурму и начале первой атаки. Это было после 9 часов вечера.

Таким нам представляется объяснение причин затяжки начала штурма Зимнего дворца. О том, что и сами члены ВРК считали, что было два ультиматума Временному правительству, говорят воспоминания Н. И. Подвойского «В. И. Ленин в 1917 году»:

«Штаб тотчас же сдал Военно-Революционному Комитету. *В тот же час был послан в Зимний дворец ультиматум правительству* (курсив мой. — Е. Б.): очистить дворец и сложить оружие, а самим сдаться на милость В.Р.К.»⁴²⁰. Далее Подвойский пишет о том, что парламентарии долго не возвращались, войска нервничали и требовали начать военные действия, и тогда было решено сделать последнюю попытку получить ответ Временного правительства: «В 8 часов во дворец была послана делегация во главе с товарищем Чудновским с последним предложением сдаться»⁴²¹.

Как мы видим, слова Подвойского совпадают с рассказами Дорогова и Павлова: тотчас же после сдачи штаба округа в Зимний был направлен второй ультиматум. Неудивительно, что Подвойский не помнит, кто его понес. Нам важно, что совпадает указание на отправку второго ультиматума из штаба округа⁴²². Конечно, очень странно, что ничего не пишет об этом В. А. Антонов-Овсенко. Казалось бы, именно он и должен был рассказать о том же, о чем рассказал Дорогов. Но законы человеческой памяти своеобразны, и почему-то этот факт выпал из воспоминаний В. А. Антонова-Овсенко. Тем не менее нам кажется, что свидетельства Н. И. Подвойского, А. А. Дорогова, И. В. Павлова и И. С. Боданенко достаточно для того, чтобы не отвергать факт отправки второго ультиматума ВРК из штаба Петроградского военного округа в Зимний дворец с матросом А. А. Дороговым и солдатом-артиллеристом И. В. Павловым. То, что это ультиматум мог не дойти до Временного правительства, снижает его значимость, но объясняет факт задержки сигнала к началу штурма дворца: то, что сигнал был дан не сразу после взятия штаба округа, а только час (или даже больше) спустя.

Сигнал к началу штурма Зимнего был дан после 9 часов вечера⁴²³. Им послужил красный фонарь на Нарышкинской вышке Петропавловской крепости и холостой выстрел из сигнальной пушки на фесе Нарышкина бастиона Петропавловки, после которого уже раздался выстрел крейсера «Аврора»⁴²⁴.

После сигнального выстрела крепость сразу же начала обстрел Зимнего из пулеметов Кольта, установленных, как мы уже указывали выше, на валу Екатерининской куртины, то есть как раз напротив Зимнего дворца. Об этом пишет в своих воспоминаниях бывший солдат 17-й команды ружейно-пулеметного батальона Кольта И. И. Берков. Интересно, что в дневнике А. В. Ливеровского записано следующее: «9 час. 30 мин. Началась стрельба из пулеметов»⁴²⁵. Вполне возможно, что это

и были именно пулеметы Кольта, которые были лучше всего слышны в Зимнем. Стреляли также из ружей солдаты-самокатчики, рассыпанные цепью вдоль берега Невы для прикрытия пушек, направленных на Зимний дворец. И есть еще одно свидетельство об участии Петропавловской крепости в штурме Зимнего дворца: бывший солдат-самокатчик С. К. Дурихин утверждает, что в штурме Зимнего участвовала 6-я рота самокатного батальона, которая выступила строем из крепости по направлению к Дворцовой площади вечером 24 октября 1917 года⁴²⁶. Пока этот факт не подтвержден никакими другими воспоминаниями и источниками. Однако все прочие факты воспоминаний С. К. Дурихина говорят о его хорошей памяти и точной передаче событий 1917 года. Это дает нам некоторое право считать этот факт возможным.

В 23 часа орудия Петропавловской крепости открыли огонь в поддержку атаки на дворец, которую снова предприняли войска ВРК. Подробное исследование этого известного, но до сих пор совершенно не изученного факта дается в статье А. Г. Петрова «Крепость обстреливает Зимний». Поэтому в данной работе этот важнейший факт в истории Петропавловской крепости опускается. Хочется только подчеркнуть, что за всю более чем двухвековую (к 1917 году) историю Петропавловки это были ее первые боевые выстрелы, и направлены они были против Зимнего дворца, то есть того оплота, который до 1917 года крепость была призвана защищать.

Обстрел Зимнего из орудий крепости имел, по всем свидетельствам, решающее значение в ходе штурма. После исторических выстрелов сопротивление защитников Временного правительства значительно ослабло, и в 2 часа 10 минут ночи 26 октября последний оплот Временного правительства был взят. Арестованные министры Временного правительства были, как известно, пешком препровождены в крепость. Шли они под сильным конвоем революционных солдат и матросов, оберегавших их от стихийного народного суда. Небезынтересно указать, что среди конвоиров Временного правительства был и И. В. Павлов⁴²⁷. Когда группа попала под случайную перестрелку на Троицком мосту, о происшествии тут же сообщили в крепость. И Благоданов распорядился направить из крепости небольшой отряд во главе с членом крепостного Ревкома солдатом Кольцовского батальона П. С. Елизаровым⁴²⁸. Встретив отряд во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко, Елизаров провел его внутрь крепости. Но куда? Антонов-Овсеенко пишет: «...в приземистой канцелярии крепости очутились „министры“»⁴²⁹. Елизаров вспоминает об этом же моменте так: «В небольшом помещении, около Бастиона, разместили всех арестованных, Антонов-Овсеенко стал их переписывать»⁴³⁰. П. В. Малянтович, министр юстиции последнего состава Временного правительства, один из тех, кто был приведен в крепость под конвоем, пишет: «Нас провели в ворота, во дворе ввели в помещение революционного клуба крепостного гарнизона»⁴³¹.

Эти три воспоминания — пока единственные свидетельства, которыми мы располагаем. Посмотрим, можем ли мы на их основе определить, в каком же здании крепости происходил последний опрос министров Временного правительства перед тем, как их разместили в камерах тюрьмы Трубецкого бастиона.

Если основываться на воспоминаниях В. А. Антонова-Овсеенко, то это происходило в Плац-майорском доме, так как мы знаем, что именно там находилась канцелярия крепости. С этим, как будто, совпадает и указание П. С. Елизарова на «небольшое помещение около бастиона» (Плац-майорский дом находится совсем рядом с Нарышкиным бастионом). Но, во-первых, если вдуматься, то двухэтажный, изящный, построенный в хороших пропорциях русского ампира Плац-майорский дом трудно назвать «приземистым». Во-вторых, П. С. Елизаров говорит не об отдельном доме, а о «небольшом помещении около бастиона», то есть это может быть и просто помещение внутри куртины, примыкающей непосредственно к бастиону.

Воспоминания же П. В. Малянтовича содержат указания не только на место расположения помещения в крепости, куда были доставлены министры («революционный клуб крепостного гарнизона»), но и дают довольно подробное описание внутреннего облика этого помещения, что позволяет сделать некоторые более определенные выводы.

Революционный клуб крепостного гарнизона, как мы уже указывали, находился в казармах, которые сначала занимали стрелки 3-го стрелкового полка, а после того, как стрелков вывели из крепости, — самокатчики и потеснившие их позднее кольтисты. По воспоминаниям солдат крепостного гарнизона, этот клуб в предоктябрьские дни помещался в Невской куртине. Все помещения в куртинах крепости — длинные, узкие, приземистые, с рядом окон по одной стороне. Кроме того, мы знаем по материалам архива комендантского управления, что все помещения в солдатских казармах и в 1917 году освещались керосиновыми лампами, тогда как в помещении канцелярии коменданта, конечно, было электричество. В этой связи чрезвычайно интересно то описание помещения, которое оставил П. В. Малянтович: «...мы вошли в длинное узкое помещение с рядом окон по левой от входа стороне. <...> По стене с окнами стояли простые садовые скамейки, одна за другой, всего по одной в ряд: настолько узка была комната. В глубине низкой комнаты был устроен невысокий помост и на нем небольшой стол. На столе небольшая керосиновая лампа. Мы разместились на скамьях, стража вдоль скамей справа»⁴³².

С этим описанием совпадают и воспоминания Ф. Хаустова. Как мы помним, он прибыл в крепость на машине Н. И. Подвойского сразу после освобождения из «Крестов» днем 25 октября, участвовал в работе революционного штаба ВРК по взятию Зимнего дворца и в ночь на 26 октября еще оставался на территории крепости. Вот что он пишет о доставке министров в крепость:

«Через час т. Антонов-Овсеенко конвоем привел в крепость пленных министров Временного правительства, среди них был гладко выбритый, высокий, в английском костюме Терещенко, в новенькой французской адмиральской форме Вердеревский, сухощавый бородатый Кишкин, Скобелев, еще несколько других. Керенского не было. Ему удалось бежать из Петрограда.

Министров поместили в какой-то просторной комнате, с длинными скамьями, помостом и трибуной. Все они заметно волновались, но старались делать спокойное лицо»⁴³³.

Ясно, что речь идет об одном и том же помещении со скамьями, помостом и трибуной. Но одному из описывающих его, П. Малянтовичу, оно показалось низким, узким, длинным, а другому, Ф. Хаустову, просторным. Это расхождение станет вполне понятным, если вспомнить, что министр только что прибыл из роскошных, высоких, богато декорированных зал Зимнего дворца, тогда как Хаустов только утром 25 октября был освобожден из «Крестов» и провел долгие часы в маленькой комнатухе первого этажа Комендантского дома крепости, где толкалось много людей, было тесно, душно и накурено.

Такого помещения — длинного, узкого, с рядом окон по одной стороне — в плац-майорском доме нет, что следует из просмотра старых поэтажных планов этого здания.

Итак, после анализа приведенных выше воспоминаний напрашивается вывод, что помещением в крепости, куда В. А. Антоновым-Овсеенко были приведены министры Временного правительства после ареста, был зал революционного солдатского клуба в Невской куртине. Правда, следует оговориться, что окончательно это можно будет утверждать лишь после того, как П. С. Елизаров, в 1917 году старший крепостного патруля, встретивший группу с Антоновым-Овсеенко на Троицком мосту и приведший ее в крепость, приедет в Ленинград и опознает это помещение при личном обходе территории крепости с сотрудниками музея⁴³⁴.

Процедура опроса и разговор, состоявшийся между В. А. Антоновым-Овсеенко и министрами, детально описан в его воспоминаниях и в воспоминаниях П. В. Маляновича. После этой короткой, но знаменательной процедуры «бывшие люди» были разведены по камерам тюрьмы Трубецкого бастиона⁴³⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помещение министров Временного правительства в тюрьму Трубецкого бастиона завершает цепь событий, характеризующих роль Петропавловской крепости и ее гарнизона в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания.

С первых дней Февральской революции Петропавловская крепость стала объектом острой политической борьбы. Царское правительство считало крепость одной из своих главных опор. Со своим почти четырехтысячным гарнизоном и богатейшими запасами оружия в Кронверкском арсенале крепость держала под охраной пушек, установленных на стенах, не только Зимний дворец, но и подходы к нему со стороны трех рабочих районов столицы — Выборгского, Петроградского и Василеостровского. Исключительное стратегическое и территориальное расположение крепости делало вопрос владения ею особенно важным.

В процессе назревания революции Временное правительство стремилось укрепить гарнизон крепости самыми, по его мнению, надежными частями. Оно посылало в крепость своих представителей, ораторов, пыталось даже открыть в одной из куртин крепости реакционный политический клуб. Несмотря на все эти меры, уже в марте в крепости появилась небольшая большевистская партийная ячейка, которая была тесно связана с особняком Кшесинской, в котором разместились ПК и ЦК РСДРП(б), его Военная организация и редакция газеты «Солдатская правда».

В дни июльских событий гарнизон крепости активно поддержал большевиков, а в момент разгрома особняка Кшесинской он укрыл за своими стенами работников Военной организации большевиков и часть партийного актива.

Однако наступление реакции после июльских дней не могло не сказаться на положении и политических настроениях солдат гарнизона крепости. Прежде всего, его частично коснулись действия по расформированию революционных полков, проведенных в июле — августе военным министром Керенским. Одна из частей, составляющих гарнизон крепости, — эшелон лейб-гвардии 3-го стрелкового полка в составе почти двух тысяч человек — была целиком выведена из крепости и заменена другими, более верными правительству частями. Кроме того, разгром особняка Кшесинской и уход из него большевиков способствовали ослаблению связей солдат крепости с руководством Военной организации. Большинство революционно настроенных солдат, составлявших ядро большевистской ячейки, было взято под наблюдение.

Но все эти меры потерпели крах. В дни Октябрьского вооруженного восстания гарнизон крепости в большинстве своем поддержал Военно-революционный комитет. Петропавловская крепость стала одним из опорных пунктов ВРК по подготовке восстания. Пушки и пулеметы крепости были наведены на Зимний дворец.

Такой поворот событий был подготовлен всем ходом политического развития гарнизона в течение 1917 года. Он явился результатом упорной борьбы Петроградского комитета РСДРП и Военной организации большевиков за свое влияние в гарнизоне Петропавловской крепости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника событий. Л.: Лениздат, 1957; История гражданской войны в СССР. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. Т. 2; *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М.: Госполитиздат, 1964; *Кочаков В. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. Ученые записки № 205. Л.: ЛГУ, 1956. С. 50–86.; *Кани П. Я.* Петропавловская крепость. Л.: Лениздат, 1960; *Подвойский Н. И.* Год 1917-й. М.: Госполитиздат, 1958; *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966; Октябрьское вооруженное восстание. Сборник. Т. 1. Л.: Наука, 1967; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 1. Л.: Лениздат, 1962.
2. Пролетарская революция. 1922, № 4. С. 24–52.
3. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3352. Л. 119, 274. Д. 3386. Оп. 2. Л. 100–105.
4. Там же. Д. 3433. Л. 441 об. – 442.
5. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3352. Л. 120, 275–276, 291 – 292 об.
6. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3433. Л. 417 об., 418.
7. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1874. Л. 128.
8. ЦГВИА. Ф. 9л. Оп. 26/92. Д. 166. Л. 124 об.
9. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1777. Л. 103–104.
10. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1874. Л. 203.
11. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1883. Л. 709–712
12. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3433. Л. 4.
13. ЦГИАЛ. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1885. Л. 162.
14. ЦГВИЛ. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1883. Л. 164.
15. Там же. Л. 953–955, 185–188.
16. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Разд. 2. Д. 14. Л. 4 об.
17. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Разд. 2. Д. 14. Л. 4 об.
18. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1874. Л. 72 об.; ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3352. Л. 121, 292.
19. Там же.
20. ГАОРСС ЛО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.
21. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
22. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
23. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
24. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 2866. Л. 5. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 73. Л. 1.
25. ГАОРСС ЛО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 – 4 об.
26. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
27. В 1917 году Петроградский артсклад был соединен с территорией крепости мостом, перекинутым через Кронверкский проток.
28. ЦГВИА. Ф. 504. Оп. 40. Д. 73. Л. 499–503.
29. ЦГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 73. Л. 273 – 273 об.
30. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1875. Л. 321–323.

31. ЛГАОРСС ЛО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об. – 3; ЦГВИА. Ф. 11 л. Оп. 1. Д. 9975. Л. 57 – 57 об.
32. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1874. Л. 72 об.
33. ЦГВИА. Ф. 504. Оп. 40. Д. 73. Л. 506, 512.
34. Там же.
35. ЦГВИА. Ф. 504. Оп. 40. Д. 73. Л. 519.
36. ЦГВИА. Ф. 504. Оп. 40. Д. 4978. Л. 272. Воспоминания солдат команды И. И. Орехова – архив ГМИЛ и ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 5 об. – 7.
37. ЛГАОРСС. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 7 об. – 8.
38. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 10094. Л. 197. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3433. Л. 15 об.
39. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1874. Л. 72 об.
40. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 20094. Л. 197.
41. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3375. Л. 15.
42. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 83 – 83 об.
43. ГИАЛО. Ф. 9л. Оп. 26/92. Д. 166. Л. 124 об.
44. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 118. Л. 4 – 4 об.
45. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3352. Л. 120 – 120 об.
46. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 118. Л. 4 – 4 об.
47. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 5 об. – 6 об.
48. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1777. Л. 103–104.
49. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 10075. Л. 2; Д. 10094. Л. 60.
50. ЦГВИА. Ф. 11 л. Д. 9951. Л. 13.
51. ГАОРСС ЛО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
52. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
53. Там же. Л. 4.
54. Там же. Л. 1.
55. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 10094. Л. 133.
56. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 2856. Л. 74–75.
57. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 об.
58. ЦПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 8 об.
59. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 10094. Л. 197.
60. ЦГВИА. Ф. 11л. Д. 10075. Л. 2.
61. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 10094. Л. 60.
62. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 4 об.
63. Архив ГМИЛ. Автобиография И. В. Павлова. Л. 1.
64. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 481. Д. 541. Л. 3.
65. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 11 об.
66. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 39.
67. ЦГВИА. Ф. 504. Оп. 40 Д. 73. Л. 1–25, 76–77, 99 – 99 об, 103 – 103 об.
68. Там же. Л. 157.

69. ЦГВИА. Ф. 504. Оп. 40. Д. 73. Л. 150.
70. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1925. Л. 284.
71. Там же. Л. 18, 28, 29, 32, 33.
72. Там же. Л. 14, 15, 19.
73. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 3375. Л. 15.
74. Там же. Л. 27.
75. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956.
76. Архив ГМИЛ. Персональная карточка и воспоминания Артемьева Я. А.
77. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 118. Л. 4 – 4 об.
78. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 4 об.
79. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 532. Д. 1729. Л. 2.
80. Там же. Л. 3.
81. Архив ГМИЛ.
82. Архив ГМИЛ. Воспоминания Я. А. Артемьева
83. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 4 об.
84. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 2866. Л. 79 об.
85. Архив ГМИЛ. Воспоминания Я. А. Артемьева.
86. *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Ученые записки Лен. Гос. Университета. № 205, 1956. С. 64.
87. *Шляпников А.* Подготовка подавления революции // Пролетарская революция. 1923. № 1(23). С. 301.
88. Там же. С. 306.
89. Там же.
90. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 2866. Л. 5; ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3480. Л. 883.
91. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 2866. Л. 76, 89.
92. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 10075. Л. 4; ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 83–83 об.
93. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3462. Л. 42.
94. Первое время после прекращения выдачи пропусков в город Пермьяков, как учитель, получал разовые пропуска в виде исключения для покупки бумаги и разных письменных принадлежностей в городе. Воспоминания П. И. Пермьякова хранятся в ЛПА и в архиве ГМИЛ. Цитируется по воспоминаниям из архива ГМИЛ.
95. Архив ГМИЛ.
96. Архив ГМИЛ. Сохраняется орфография подлинника.
97. *Суханов Н.* Записки о революции. Т. 1. 1919. С. 73.
98. Архив ГМИЛ.
99. *Шляпников А. Г.* Семнадцатый год. Пг.: ГИЗ, 1923. Т. 1. С. 141.
100. Там же. С. 175.
101. Там же. С. 140.
102. *Пешехонов А.* Первые недели // Февральская революция. Мемуары / Сост. С. А. Алексеев. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 430. Пешехонов, народ.-социалист, как представитель своей

- партии присоединился к избранному 27 февраля 1917 года исполнительному комитету Петроградского совета рабочих депутатов.
103. Красный архив. 1930. Кн. IV–V (41–42). С. 64.
104. *Мартынов Е. И.* Царская армия в Февральском перевороте. Л.: 1927. С. 106.
105. *Пешехонов А.* Первые недели. // Февральская революция. М.–Л.: Госиздат, 1925. С. 432.
106. *Мстиславский С. Д.* Пять дней. М.: 1922. С. 11.
107. Падение царского режима. Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 1. Л.: Госиздат, 1924. С. 204.
108. Там же. С. 196.
109. *Лукаш И.* Павловцы. Пг.: Освобожденная Россия, 1917. С. 11–12.
110. *Перетц Г. Г.* В цитадели русской революции. Пг., 1917. С. 65.
111. Книга записи выдачи денежного довольствия арестованным в тюрьме Трубецкого бастиона. Фонды ГМИЛ. Рукописно-документальный фонд. КП-35187 III-а. 529 Д.
112. Архив ГМИЛ.
113. *Лукаш И.* Павловцы. С. 19.
114. Падение царского режима. Т. 1. С. 204.
115. Там же. С. 204.
116. ЛПА. Ф. 400. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 8 – 8 об.
117. Архив ГМИЛ.
118. Биография Орехова, составленная на основании его воспоминаний в ЛПА и анкеты, при-
сланной им в Музей истории Ленинграда.
119. Там же.
120. *Шляпников А. Г.* Семнадцатый год. Пг.: ГИЗ, 1923. Т. 1. С. 179.
121. Красная летопись. 1932. № 1–2 (46–47). С. 52.
122. Архив ГМИЛ. Воспоминания П. И. Пермякова.
123. *Шульгин В. В.* Дни. Л.: Прибой, 1926. С. 168.
124. Там же. С. 165.
125. Там же. С. 187.
126. Правда. 1917. № 22. 31 марта (13 апреля). С. 7; *Лебедев Г.* Присоединение л-гв. Павлов-
ского полка // Известия Петроградского совета. 1917. № 2. 1 марта, и № 11. 10 марта.
С. 4. «Л-гв. Павловский пол, 4 рота»; *Лукаш И.* Павловцы. С. 20; воспоминания
П. И. Пермякова и И. И. Орехова.
127. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 8–9 об.
128. Архив ГМИЛ. Воспоминания, полученные музеем от П. И. Пермякова, гораздо шире
того отрывка, который приведен в книге П. Я. Канна «Петропавловская крепость»,
2-е изд., 1960.
129. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1729. Л. 3 об.
130. *Мстиславский С. Д.* Пять дней. М.: 1922. С. 22.
131. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 9 об.
132. *Шульгин В. В.* Дни. С. 175.
133. *Лукаш И.* Павловцы. С. 19–20.
134. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 9 об.

135. Архив ГМИЛ.
136. Там же.
137. *Суханов Н.* Записки о революции. Т. 1. Пг.: Изд. З. И. Гржебина, 1919. С. 188.
138. *Черменский Е. Д.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М.: Учпедгиз, 1959. С. 139.
139. Архив ГМИЛ.
140. Великие дни Российской революции. Пг., 1917. С. 7.
141. *Кочаков Б. М.* Большевизация петроградского гарнизона в 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 149.
142. *Мстиславский С. Д.* Пять дней. С. 22; *Дрезен А. К.* Армия и флот в Февральской революции // Красная летопись. 1932. № 1–2 (46–47). С. 52.
143. *Курлов П. Г.* Конец русского царизма. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 295.
144. *Мстиславский С. Д.* Пять дней. С. 22.
145. Красный архив. 1930. №№ IV–V (41–42). С. 68.
146. Как свершилась великая русская революция. Пг., 1917. С. 27; Последние дни императорской власти: по неизданным документам составил А. Блок. П-д, 1921. С. 7.
147. Падение царского режима. Стеногр. Отчеты. Л.: Госиздат, 1924. Т. 1. С. 205–206.
148. *Перетц Г. Г.* В цитадели русской революции. Пг., 1917. С. 65–66.
149. Там же. С. 65; Ликвидация старого правительства. Перевезение арестованных министров // Известия Петроградского совета, № 4. 3 марта 1917. С. 2.
150. *Курлов П. Г.* Конец русского царизма. М–Пг.: Госиздат, 1923. С. 234; *Перетц Г. Г.* В цитадели русской революции. 1917. С. 79, 86, 91, 108. После первой партии, 4, 5 и 9 марта в крепость были доставлены и остальные арестованные. Последними 22 марта были заключены в камеры тюрьмы Трубецкого бастиона Анна Вырубова, любимая фрейлина императрицы, и Сухомлинова, жена продажного генерала.
151. *Курлов П. Г.* Конец русского царизма. С. 294–295.
152. Там же. С. 295.
153. Архив ГМИЛ.
154. ЦГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 73. Л. 189.
155. Там же. Л. 288.
156. Там же. Л. 189.
157. Солдатская правда. 1917. 10 мая. № 8. С. 4.
158. ЦГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 73. Л. 264.
159. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 81. Л. 53.
160. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 41.
161. Там же. Л. 41.
162. Там же. Л. 40 об.
163. Там же. Л. 41 об.
164. Там же. Л. 39.
165. Там же. Л. 39 об.
166. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 109.

167. Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М.: Госполитиздат, 1957. С. 252.
168. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 10 об.
169. Архив ГМИЛ.
170. ЦГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 73. Л. 30 об.
171. Там же. Л. 160 – 160 об.
172. Солдатская правда. 1917. 2 июня (20 мая). № 27. С. 1.
173. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 3893. Л. 2.
174. Там же. Л. 2–9.
175. Там же. Л. 3.
176. Там же. Л. 3 об.
177. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1, Д. 3886. Л. 1–35.
178. Там же. Л. 10.
179. Там же. Л. 15, 27.
180. Небезынтересно напомнить, что в июльские дни 1917 года генерал П. А. Половцев (Половцов) отдал распоряжение о разгроме большевистских организаций и газет, а поручик Кузьмин командовал сводным отрядом Временного правительства, окружившим Петропавловскую крепость.
181. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 3886. Л. 15–15 об.
182. ЦГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 287. Л. 350 об.
183. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 11.
184. Солдатская правда. 1917. 29 (16) июня. № 45. С. 2.
185. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 43.
186. Там же. Л. 42 об.
187. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 6. Св. 655. Д. 63. Л. 32.
188. *Залежский В. Н.* Первый легальный Пека // Пролетарская революция. 1923 № 1(13). С. 149–150.
189. Там же. С. 150.
190. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 11. Л. 8 – 8 об.
191. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10. Л. 179 об.
192. ЦГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 73. Л. 264; ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 30.
193. Архив ГМИЛ. Воспоминания И. С. Боданенко и И. И. Орехова.
194. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 30.
195. Архив ГМИЛ. Копия удостоверения от 12 мая 1918 года, подписанного Г. И. Благонравовым.
196. Архив ГМИЛ. Копия удостоверения от 18 декабря 1917 года, подписанного Г. И. Благонравовым.
197. Архив ГМИЛ. Копия удостоверения от 18 декабря 1917 года, подписанного Г. И. Благонравовым. Копии документов.
198. Архив ГМИЛ. Копия удостоверения от 18 декабря 1917 года, подписанного Г. И. Благонравовым.
199. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 39.

200. Архив ГМИЛ. Воспоминания И. И. Орехова.
201. ГАОРСС ЛО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об. – 3.
202. Солдатская правда. 1917. 3 июня (21 мая). № 28. С. 3–4.
203. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. разд. IV. Д. 78. Л. 49.
204. Большевики Петрограда в 1917 году. Л.: Лениздат, 1957. С. 49, 73, 86.
205. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 6. Св. 655. Д. 65. Л. 3.
206. Архив ГМИЛ. Запись устной беседы с секретарем Военной организации РСДРП(б) М. Л. Сулимовой.
207. *Ильин-Женевский А. Ф.* Военная организация РСДРП(б) // Красная летопись. 1926. №1 (16).
208. Архив ГМИЛ.
209. Там же.
210. *Ахун М. И, Петров В. А.* Большевики и армия в 1905–1917 гг. Л.: Красная газета, 1929. С. 329–330.
211. Красная летопись. 1923. № 31, 36. С. 67.
212. ЦГАОР. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 9. Л. 6, 81а.
213. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1884. Л. 117 – 117 об.; Д 1874. Л. 65.
214. Солдатская правда. 1917. 19 (6) июня. № 40. С. 1; 27 (14) июня. № 43. С. 2–3.
215. На фронте (раздел «Единение солдат и рабочих») // Правда. 1917. 28 (15) апреля. № 33.
216. Архив ГМИЛ.
217. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 81. Л. 53 – 53 об.
218. Архив ГМИЛ. Воспоминания И. И Орехова. Письмо от 22 декабря 1962 года. С. 2.
219. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 15 – 15 об. Воспоминания И. И. Орехова.
220. Там же. Л. 6, 6 об., 7, 7 об., 11.
221. ЦПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 551. Д. 2143. Воспоминания И. С. Боданенко.
222. *Цукерман С. И.* Петроградский районный комитет большевиков в 1917 г. // Красная летопись. 1932. № 4. С. 85–86; Большевики Петрограда в 1917 г.; ЛПА. Ф. 6. Оп. 1. Св. 1. Д. 1. Л. 5 – 5 об.
223. ЛПА. Ф. 6. Оп. 1. Св. 1. Д. 1. Л. 17.
224. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 6. Св. 655. Д. 65. Л. 3.
225. Большевики Петрограда в 1917 г. Л.: Лениздат, 1957. С. 310; *Цукерман С.* Рост большевистской организации Петроградского района в 1917 г. // Красная летопись. 1933. № 2. С. 121–122.
226. Архив ГМИЛ. Письмо Боданенко от 18 мая 1961 года. С. 4.
227. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 30 – 30 об.
228. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 об.
229. Там же. Л. 3 об.
230. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.
231. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 26, 26 об., 27 об.
232. Там же. Л. 24.
233. Архив ГМИЛ. Письмо И. Орехова от 10.XI.1962. С. 2.

234. Архив ГМИЛ. Письмо И. Орехова от 22.XII.1962. С. 1.
235. *Михайлов Д.* Реакционная организация // Солдатская правда. 1917. № 28. 10 мая (27 апреля) 1917. С.4.
236. *Резуников А.* В Петропавловской крепости // Правда. 1917. № 70. 14 (1) июня. С. 8.
237. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 15–17.
238. Там же. Л. 3 об.
239. Там же. Л. 26 об.
240. Там же. Л. 71, 72, 73, 74, 75, 68 об, 76, 79.
241. Солдатская правда. 1917. 6 мая (23 апреля). № 5. С. 4.
242. Правда. 1917. № 3 (15). 4 апреля (22 марта). С. 8.
243. Приветствия «Правде» // Правда. 1917. № 16. 5 апреля (23 марта). С. 8.
244. Правда. 1917. №№ 16, 35, 36, 84 от 4 апреля, 1 мая, 3 мая и 30 июня; № 41 от 9 мая (26 апреля).
245. В фонд «Солдатской правды» // Солдатская правда. 1917. № 24. 17 (30) мая. С. 2.
246. Приветствия // Солдатская правда. 1917. № 5. 6 мая (23 апреля). С. 3.
247. ЦГАОР. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 9.
248. «На помощь «Солдатской правде» // Солдатская правда. 1917. № 46. 30 (27 мая). С. 4.
249. В Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов // Солдатская правда. 1917. № 43. 27 (4) июня. С. 2–3.
250. Солдатская правда. 2017. № 40 от 19 (6) июня. С. 1.
251. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 3893. Л. 3.
252. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 9975. Л. 61.
253. Там же. Л 57–57 об.
254. Правда. 1917. № 85. 1 июля (18 июня). С. 1.
255. *Бреслав Б.* Смотр пролетарских и буржуазных сил // Правда. 1917. № 86. 3 июля (20 июня).
256. Резолюции // Солдатская правда. 1917. № 45. 29 (16) июня. С. 2.
257. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 29.
258. Там же. Д. 43. Л. 30.
259. ЦГВИА. Ф. 11л. Оп. 1. Д. 1884. Л. 107.
260. Вспомним слова В. И. Ленина о том, что переход армии на сторону революции не есть простой и единственный акт, что солдатская масса всегда колеблется. События после июльских дней наглядно доказали справедливость этих слов.
261. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 38–88 об.
262. Рабочий и солдат. 1917. № 13. 6(19) августа. С. 3. К сожалению, эти подписи газета не опубликовала.
263. Рабочий и солдат. 1917. № 8. 18 августа (1 сентября).
264. Пролетарий. 1917. № 6. 18 августа (1 сентября).
265. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 78. Л. 49.
266. ГАОРСС ЛО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об – 3.
267. Солдатская правда. 1917. № 28. 3 июня (21 мая). С. 4.

268. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 36.
269. Революционный солдатский клуб в гарнизоне был открыт 22 мая 1917 года. См. Правда. 1917. № 70. 1(14) июня. С. 3.
270. Новое время. 1917. № 14820. 7(20) июля. С. 3.
271. Биржевые ведомости. 1917. № 16321. 6(19) июля (вечерний выпуск). С. 4.
272. Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков. Л.: ГИЗ, 1927. С. 60.
273. ГАОРСС ЛО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.–6, 6 об.–7.
274. Архив ГМИЛ. Воспоминания А. И. Поппеля.
275. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 32. Л. 10; Д. 11. Л. 3.
276. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956.
277. Биография А. И. Поппеля изложена по его воспоминаниям, хранящимся в архиве ГМИЛ и по анкете (ЛПА).
278. Архив ГМИЛ. Воспоминания С. К. Дурихина.
279. *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966. С. 266.
280. Архив ГИМ. Архив М. К. Тер-Арутюнянца. Рукопись «Подготовка района Петроградской стороны к вооруженному восстанию в Петрограде в 1917 г.». С. 2.
281. Там же.
282. Там же. .
283. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 550. Д. 2113. Л. 1–2.
284. ГАОРСС ЛО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 2. Л. 74. Е. Ф. Ерыкалов относит создание Революционного штаба на Петроградской стороне к середине октября. См. его кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966. С. 210.
285. ЦПА. Ф. 1. Оп. 1. Св. 2. Д. 23. Л. 9 об. – 10.
286. ЦПА. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2. Подпись Тер-Арутюнянца с его должностью была кем-то позднее зачеркнута, но так, что все можно разобрать.
287. Там же. Л. 3 об.
288. Там же. Д. 21. Л. 1 об.
289. Там же. Д. 81. Л. 53.
290. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 40 об.
291. Там же. Л. 36.
292. Там же. Л. 30.
293. Великая Октябрьская социалистическая революция: Сборник. М.: Госполитиздат, 1957. С. 173–174.
294. Великая Октябрьская социалистическая революция: Сборник. М.: Госполитиздат, 1957. С. 285.
295. ЦГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 73. Л. 189, 264. Д. 75. Л. 288–387.
296. Заседание Петроградского Совета // Рабочий путь. 1917. № 45. 25 октября. С. 3–4.
297. В свое время на страницах наших исторических журналов разгорелась полемика о том, правильно ли называть Тер-Арутюнянца комиссаром крепости. Институт марксизма-ленинизма, публикуя воспоминания Тер-Арутюнянца, назвал его комиссаром

Кронверкского арсенала (см: Великая Октябрьская социалистическая революция: Сборник. М., 1957). Нам этот спор кажется в сильной степени схоластичным, так как структура гарнизона крепости показывает, что Арсенал не был самостоятельным подразделением, — он входил в состав гарнизона крепости, а его комендант подчинялся гарнизону крепости; охрану и обслуживание Арсенала несли команды и части, находившиеся в казармах на территории крепости. Так что вести политическую работу среди этих частей можно было, только попав на территорию, огражденную стенами крепости. А для этого неминусе нужно было войти в сношения не только с комендантом Кронверка, но и с комендантом крепости, что, как видно из воспоминаний Тер-Арутюнянца, он и сделал. Поэтому мы должны называть его комиссаром крепости, подчеркивая только, что его главной задачей была работа в Арсенале.

298. Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник. М.: Госполитиздат. 1957. С. 173–180.
299. Исторический артиллерийский архив. Ф. 82. Д. 55. Л. 30–37.
300. Там же. Л. 29 – 29 об.
301. Архив ГМИЛ. Автобиография И. В. Павлова.
302. Архив ГМИЛ. Письмо Партийного архива Азерб. филиала ИМЛ при ЦК КПСС № 958 от 27 сентября 1967 года.
303. ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43. Л. 41 об.
304. Письмо Партийного архива Азерб. филиала ИМЛ при ЦК КПСС № 784 от 29 июля 1967 года.
305. Архив ГМИЛ. Документы И. В. Павлова.
306. Сб. Великая Октябрьская социалистическая революция: Сборник. М.: Госполитиздат, 1957. С. 178.
307. Антонов-Овсенко В. А. В революции. М.: Госполитиздат. 1957. С. 148.
308. Там же. С. 148–149.
309. Октябрьское вооруженное восстание. Т. 2. Л.: Наука, 1967. С. 283.
310. Антонов-Овсенко В. А. «В октябрьские дни» // Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 29–30. Лашевич М. Восстание // Петроградская правда. 1922. № 251. 5 ноября. С. 8.
311. В биографической справке о Г. И. Благонравове в энциклопедическом словаре «Ленинград» (изд. БСЭ, М., 1957. С. 144) и почти во всех работах по Октябрьской социалистической революции Г. И. Благонравова называют прапорщиком 180-го пехотного полка, стоявшего в Петрограде. Это ошибка. См. статьи: Гудок. 1965. 13 августа; Знамя труда. 1964. 9 декабря; Литературная газета. 1967. 14 июля; а также документы Егорьевского краеведческого музея и картотеку ЛПА (л. д. 501927).
312. Благонравов Г. Октябрьские дни в Петропавловской крепости // Пролетарская революция. № 4. 1922. С. 24–52; воспр. в изд.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 108–126; Благонравов Г. Как был взят Зимний дворец // Красноармеец. 1926. №. 91. С 6–7.
313. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 110.
314. ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3352. Л. 119, 274. Д. 3386. Л. 100–105.
315. Архив ГМИЛ. Воспоминания И. С. Боданенко.
316. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 116.
317. Архив ГМИЛ. Документы И. В. Павлова, в частности письмо Партийного архива Института истории партии Азербайджана № 58 от 27 сентября 1967 года.

318. Архив ГМИЛ. Документы И. В. Павлова, в частности письмо Партийного архива Института истории партии Азербайджана № 58 от 27 сентября 1967 года.
319. Архив ГМИЛ. Документы И. В. Павлова, характеристика, выданная А. И. Поппелем в 1928 году.
320. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 110.
321. Там же. С. 111.
322. Там же. С. 114.
323. ЛПА. Ф. 4000. Оп. 5. Св. 531. Д. 1700. Л. 12.
324. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 114.
325. Там же. С. 117.
326. Квартира Филиппова находилась во «вновь построенном штаб-офицерском доме», ныне дом № 10 в Петропавловской крепости (ЦГИАЛ. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3352, Л. 274 об., 290).
327. Описывая этот эпизод, Благоднаров допускает ряд неточностей: называет Филиппова «любимцем местной команды», тогда как он не имел к местной команде никакого отношения, а занимал должность коменданта Кронверка и заведующего командой Петроартсклада. Также Благоднаров пишет, что охрану склада несла местная команда, что тоже неверно, т. к. ничего, кроме здания усыпальницы, местная команда никогда не охраняла.
328. Здание Арсенала в 1917 году было связано с территорией крепости мостом, перекинутым через Кронверкский проток. Позднее мост был ликвидирован.
329. Известие об отстранении прапорщика Филиппова от должности, видимо, дошло до начальника Военно-окружного артиллерийского управления только на следующий день, так как 25 октября он подал рапорт главнокомандующему Петроградским военным округом о том, что выдача оружия из Петроартсклада с 24 октября производится лишь по распоряжению комиссара ВРК. См.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 383–384.
330. Большая часть документов опубликована в изд.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. М.; Л.: АН СССР, 1957.
331. Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М.: Госполитиздат, 1957. С. 258.
332. Выборгская сторона. Л.: Лениздат, 1957. С. 168, 240.
333. Красная летопись. 1928. № 6. С. 147–148.
334. Протоколы ЦК РСДРП(б). М.: Госполитиздат, 1958. С. 121; Октябрьское вооруженное восстание. Т. 2. Л.: Наука, 1967. С. 294.
335. Обо всех событиях и работе, проведенной в крепости, Благоднаров сообщил по телефону М. М. Лашевичу (см. его воспоминания: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 115).
336. В ответ на решение ЦК об организации дежурства в Смольном от Петропавловской крепости 24 октября были направлены в ВРК два солдата из команды Петроартсклада — Сергей Поляков и Иван Боданенко (см.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 317). Этот факт подтверждает, что крепость была в числе наиболее надежных частей Петроградского военного округа. (Составители сборника неверно расшифровали рукописную запись в списке дежурных и назвали Боданенко Бодаюнко. Однако солдата с такой фамилией в списке команды артсклада нет. — Е. Б.)
337. Протоколы ЦК РСДРП(б). М.: Госполитиздат, 1958. С. 121.
338. Октябрьское вооруженное восстание. Т. 2. Л.: Наука, 1967. С. 294.

339. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 115. Описывая приведение крепости в боевую готовность, Благоднаров пишет, что дал распоряжение вооружить местную команду, что является ошибкой или оговоркой, — вооружать нейтральную, даже враждебную часть большевистский комиссар не стал бы, тем более что у нее уже было оружие.
340. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 116.
341. Архив ГМИЛ. Документы И. В. Павлова. Автобиография. С. 2.
342. Протоколы заседаний гарнизонного совета крепости пока не обнаружены, и документально факт проверить невозможно.
343. В дни июльских событий эсеры — члены гарнизонного Совета крепости обманным путем уничтожили большевистскую резолюцию, которую принял реорганизованный Совет в поддержку Военной организации РСДРП(б), обманом не пустили на ночлег в крепость кронштадтских матросов (ГИАЛО. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 43).
344. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 116.
345. Архив ГМИЛ. Воспоминания П. С. Елизарова. С. 2.
346. Там же. С. 2.
347. Исключение составляет работа Е. Ф. Ерыкалова «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Л.: Лениздат, 1966. С. 379).
348. Известия. 1917. № 206. 25 октября.
349. Октябрь в Петрограде: Сборник. Л.: Ленпартиздат, 1933. С. 247.
350. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 119.
351. Архив ГМИЛ. Документы И. В. Павлова. Автобиография. С. 2.
352. *Ленин В. И.* ПСС. Изд. IV. Т. 11. С. 148.
353. Там же.
354. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 117.
355. Ночные известия // Рабочий путь. 1917. № 44. 24 октября.
356. Подполковник Пораделов был не начальником штаба округа, а генерал-квартимейстером (см.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. М.; Л.: АН СССР. 1957. С. 395).
357. *Лашевич М.* Восстание // Петроградская правда. 1922. № 251. 5 ноября. С. 8.
358. Архив ГМИЛ. Личное дело И. И. Беркова.
359. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 117.
360. *Милоков П. Н.* История второй русской революции. Рос-болг. изд., 1921. Т. 1.
361. Архив ГМИЛ. Воспоминания И. С. Боданенко. С. 4.
362. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 118.
363. *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966. С. 384.
364. *Мальков П. Д.* Из пережитого // Юность. 1957. № 4. С. 82.
365. Правда. 1917. 9 ноября. С. 3; Октябрьское вооруженное восстание. Т. 2. Л.: Наука. 1967. С. 314.
366. *Мальков П. Д.* Из пережитого // Юность. 1957. № 4. С. 82.
367. В своих воспоминаниях Г. И. Благоднаров пишет, что это было в 12 часов дня, но это неверно, так как совещание в Смольном, к концу которого он попал, началось рано утром.

- В 12 часов дня В. А. Антонов-Овсенко был уже в Петропавловской крепости (см. его воспоминания: В революции. М.: Госполитиздат, 1957. С. 167).
368. П. Д. Мальков говорит, например, что на этом совещании присутствовал даже В. И. Ленин, что, конечно, маловероятно, так как утром 25 октября Ленин писал воззвание «К гражданам России».
369. Как это сделано в изд.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Т. 2. Л.: Наука. 1967.
370. *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966. С. 357
371. *Дзенис О. П.* Под Зимним дворцом // Великая Октябрьская социалистическая революция: Сборник воспоминаний. М.: Госполитиздат. 1957. С. 271.
372. *Еремеев К.* Осада Зимнего дворца // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 162–168.
373. Необходимо отметить, что упущение авторами двухтомника АН СССР факта поездки Г. И. Благонравова в Смольный и его участия в работе описываемого совещания привело к неприятным фактическим неточностям: на с. 346 в т. 2 этого издания говорится: «Утром 25 октября в крепости был получен приказ ВРК о подготовке артиллерии к стрельбе по Зимнему», и даются ссылки на воспоминания Г. И. Благонравова, М. К. Тер-Арутюнянца и В. Н. Смолина. Ни в одном из этих источников не говорится о получении приказа из Смольного. Благонравов рассказывает о своем участии в работе ВРК по уточнению плана взятия Зимнего; Тер-Арутюнянц вообще мимоходом говорит о роли крепости во взятии Зимнего, не описывая детально день 25 октября; В. Н. Смолин (его воспоминания не опубликованы и находятся у общественного научного сотрудника музея А. Г. Петрова), будучи простым солдатом, подробно описывает, как артиллерия готовилась к обстрелу Зимнего и провела его, но не говорит о плане взятия Зимнего и о связи крепости со Смольным, так как он этого не знал. В результате упущение одного факта привело к придумыванию другого, что в целом исказило действительное положение вещей и снизило роль Петропавловской крепости и ее комиссара во взятии Зимнего. План взятия Зимнего не был просто получен крепостью, как утверждают авторы двухтомника, а разрабатывался с участием Благонравова. Возможно, даже с его помощью уточнялись детали.
374. *Мальков П. Д.* Из пережитого // Юность. 1957. № 4. С. 83; *Подвойский Н. И.* В. И. Ленин в 1917 г. Октябрь. 1957. № 5. С. 148; *Дзенис О.* Как мы брали Зимний дворец // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 203; *Благонравов Г. И.* Воспоминания // Там же. С. 119, 121; *Антонов-Овсенко В. А.* В революции. М.: Госполитиздат, 1957. С. 159. Вполне возможно, что на этом совещании, выяснявшем принципиальные, узловые вопросы, и не были окончательно определены такие детали, тем более что Благонравов пишет, что довершить детально план было решено на месте, в крепости. В обсуждении же могли фигурировать разные варианты предложений как дать сигнал крепости. Отсюда и расхождения в деталях воспоминаний.
375. Благонравов пишет, что Чудновский пошел в Павловский полк. Вероятно, это тоже ошибка, так как за Чудновским ВРК закрепил левый фланг, и он должен был направиться в казармы 2-го Балтийского флотского экипажа.
376. Антонов-Овсенко вспоминает, что это был не буксир, а катер. См.: *Антонов-Овсенко В. А.* В революции. М.: Госполитиздат, 1957. С. 168.

377. В разных воспоминаниях Антонов-Овсеенко называет разные часы. См. там же и: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 104.
378. *Антонов-Овсеенко В. А.* В революции. М.: Госполитиздат, 1957. С. 167.
379. Изложено по воспоминаниям бывшего солдата оружейно-пулеметного батальона Кольца И. И. Беркова, хранящимся в музее.
380. Письма с их воспоминаниями хранятся в архиве музея.
381. *Благодаров Г. И.* Воспоминания // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 119–120.
382. Это цифра, которую называет в своих воспоминаниях В. Н. Смолин и которую повторили авторы двухтомника «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (т. 2, с. 346). И. С. Боданенко же говорит, что из Арсенала выкатили пять систем.
383. Благодаров пишет только об орудиях, взятых из Арсенала.
384. *Благодаров Г.* Зимний взят и наши там! // Петроградская правда. 1922. № 251. 5 ноября. С. 8.
385. *Благодаров Г. И.* Воспоминания // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 120–121.
386. Петроградская правда. 1922. № 251. 5 ноября. С. 8.
387. Архив ГМИЛ. Воспоминания И. Г. Балахонова.
388. История пролетариата СССР. 1932. № 11. С. 104–108.
389. *Хаустов Ф.* В Октябре // Красная летопись. 1933. № 2. С. 190.
390. Там же. С. 191.
391. Воспоминания А. Дорогова // История пролетариата в СССР. 1932. № 11. С. 105–106.
392. О том, что Антонов-Овсеенко вел переговоры по телефону с Зимним, вспоминает и А. А. Дорогов. (Там же. С. 106.)
393. Исторический архив. 1960. № 6. С. 45.
394. *Благодаров Г. И.* Воспоминания // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 122.
395. О том, что ультиматум в Штаб округа доставили самокатчики, вспоминают все участники восстания: В. А. Антонов-Овсеенко, Н. И. Подвойский и др. Однако фамилии указаны только в одном источнике: История гражданской войны в СССР М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. Т. 2. С. 249. Авторы этого труда не приводят источники, из которых были взяты эти фамилии. В процессе настоящего исследования не было обнаружено ни одного воспоминания или документа, подтверждающего эти фамилии. Однако поскольку данных, опровергающих этот факт, тоже нет, он излагается в принятом нашей исторической литературе варианте.
396. *Антонов-Овсеенко В. А.* В революции. М.: Госполитиздат, 1957. С. 169.
397. История гражданской войны в СССР. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. Т. 2. С. 248.
398. Новая жизнь. 1917. № 163. 8 ноября.
399. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. М.: АН СССР, 1957. С. 395–396.
400. Исторический архив. 1960. № 6. С. 45.
401. ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1338. Л. 283 об. (курсив мой. — Е. Б.).
402. Именно так объясняет выбор самокатчиков в своих воспоминаниях А. А. Дорогов. См.: История пролетариата в СССР. 1932. № 11. С. 106.

403. *Благодаров Г. И.* Воспоминания // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956.
404. *Антонов-Овсенко В. А.* В революции. М.: Госполитиздат, 1957. С. 169.
405. *Благодаров Г. И.* Воспоминания // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 123.
406. Этими солдатами, как известно, оказались артиллеристы из Морского полигона, которых очень быстро прислал Я. М. Свердлов. Личность одного из них была недавно установлена. См.: Они выполнили приказ ВРК // Вечерний Ленинград. 1966. 15 ноября.
407. Хотя об этом своем распоряжении В. А. Антонов-Овсенко совершенно ясно пишет в воспоминаниях, историки долгое время оставляли этот факт без внимания (*Антонов-Овсенко В. А.* В революции. М.: Госполитиздат, 1957. С. 469).
408. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Т. 2. Л.: Наука, 1967. С. 346.
409. Впервые об этом рассказал в 1927 году на вечере воспоминаний участников Октябрьского вооруженного восстания И. В. Павлов (см.: ЛПА. Ф. 4000. Оп. 6. Св. 655. Д. 63. Св. 654. Д. 58).
410. Детальное описание хода подготовки орудий к обстрелу и биография В. Н. Смолина изложены в статье А. Г. Петрова «Крепость обстреливает Зимний».
411. Сам В. А. Антонов-Овсенко в воспоминаниях пишет, что он уехал один, на мотоцикле. Вероятно, он допустил здесь ошибку: во-первых, в крепости не было ни одного мотоцикла, о чем говорят подробные документы на оборудование и вооружение частей крепостного гарнизона, которые рассматривались выше при описании численности и вооружения гарнизона; во-вторых, и Дорогов в цитированных выше воспоминаниях, и Павлов в автобиографии — оба, не сговариваясь, пишут, что они уехали после известия о взятии штаба округа из крепости вместе с Антоновым-Овсенко.
412. *Благодаров Г. И.* Воспоминания // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. Л.: Лениздат, 1956. С. 125.
413. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник. М.: АН СССР, 1957. С. 347.
414. По-видимому, воспоминания А. А. Дорогова выпали из внимания исследователей, так как в свое время он, как и многие участники революции, был репрессирован. В настоящее время А. А. Дорогов полностью реабилитирован.
415. История пролетариата в СССР. 1932. № 11. С. 106–107.
416. Как уже указывалось, автобиографию вместе с другими документами отца передала в музей дочь И. В. Павлова Н. И. Сычева. Она не могла назвать точной даты написания биографии, но ясно, что она была написана Иваном Васильевичем после приезда в Ленинград в 1925 году (умер Павлов в 1932 году).
417. Здесь И. В. Павлов, безусловно, имеет в виду А. А. Дорогова, фамилию которого его память не удержала.
418. Письмо Партийного архива Института истории партии при ЦК КП Азербайджана № 958 от 27 сентября 1967 года.
419. Архив ГМИЛ. Воспоминания И. С. Боданенко. С. 5
420. Октябрь. 1957. № 5. С. 151.
421. Октябрь. 1957. № 5. С. 153. Необходимо обратить внимание, что иногда исследователи упускали из виду упоминание Подвойского об отправке второго ультиматума в Зимний дворец и обращали внимание только на то, что с последним ультиматумом от ВРК во дворец ходил Г. И. Чудновский (см.: *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966. С. 447–448).

30 сентября 1967

Бумага, цветной карандаш, чернила

НА ГМИ СПб

С фотографии 1918 года

Издательство Государственного

музея революции. Типография

им. Ивана Федорова

1930-e

Фототипия

ГМИ СПб. И_{НВ}. № I-Б-1756-р

Открытое письмо
«Да здравствует революция!»
По рисунку неизвестного художника
Петроград (?)
1917
Хромофотография
ГМИ СПб. Инв. № I-A-9153-р

Василий Николаевич Смолин,
солдат команды отдельной роты
крепостной артиллерии
1918–1919
Фотография
НА ГМИ СПб

Георгий Иванович Благодравов,
комиссар Петропавловской крепости
Ноябрь–декабрь 1917
Фотография
НА ГМИ СПб

Комендантский дом, в котором располагались управление и канцелярия коменданта крепости. 25 октября 1917 года здесь размещался полевой штаб ВРК по взятию Зимнего дворца

Иван Васильевич Павлов, старший унтер-офицер команды Петроартсклада, в октябре 1917 года заместитель коменданта крепости Г. И. Благоднравова

Фотография
НА ГМИ СПб

Удостоверение начальника сводотряда, выданное И. В. Павлову
1 декабря 1917 года

Копия 1932 года

Машинопись
НА ГМИ СПб

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДА

ПЕРСОНАЛЬНАЯ КАРТОЧКА

Отдел _____

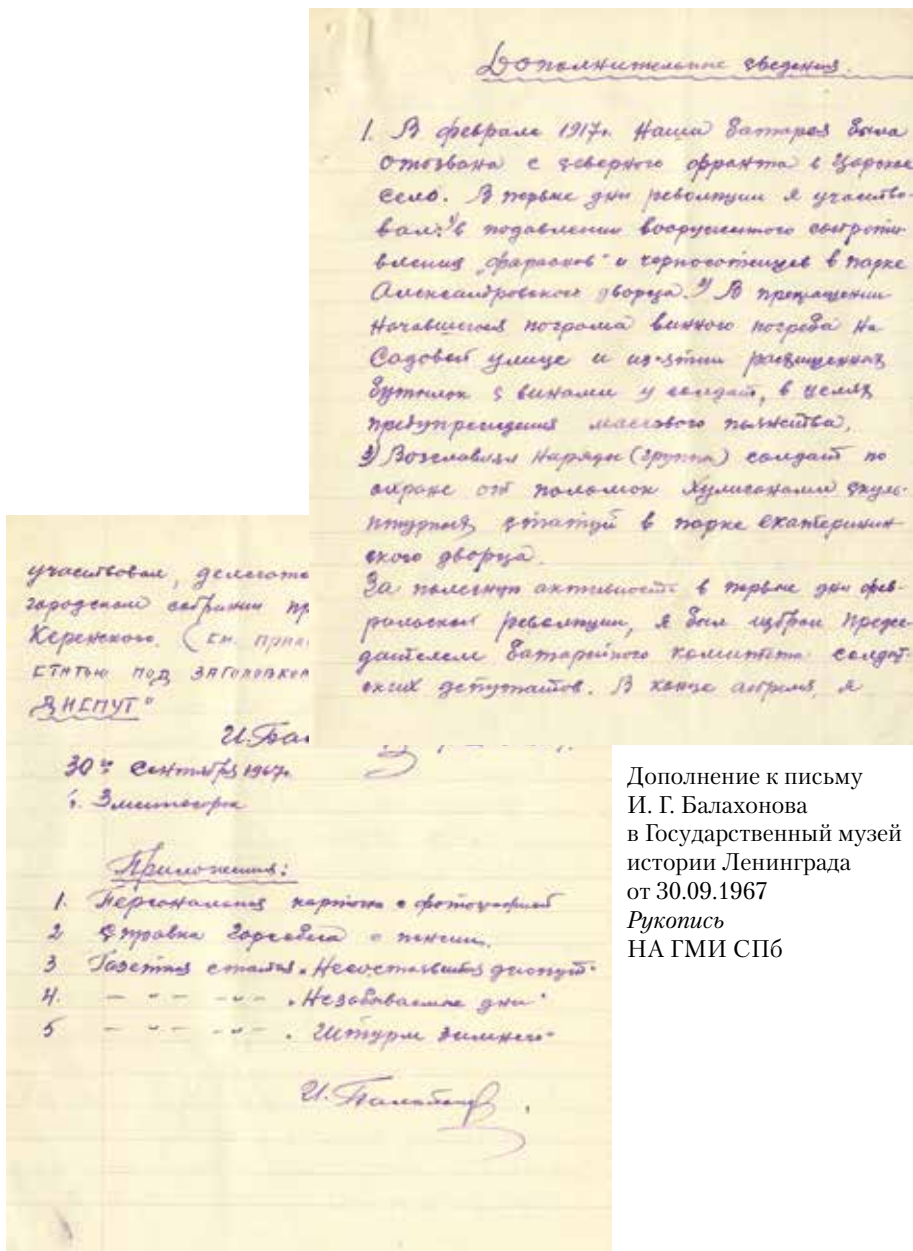
1. Фамилия, имя, отчество	Балахонов Иван Григорьевич
2. Время и место рождения	29 декабря 1906 г. с. Александровка, Доктевского р-на Алтайского края.
3. Национальность	Русский
4. Образование (общее, специальное)	4 класса начальной школы в 1923 году курсы красных учителей в 1931 году
5. Звание	Гражданин Советского Союза Ученого: звание не имеет.
6. Партийность (член КПСС, член ВЛКСМ)	Б/п.
7. Место работы и занимаемая должность	Не работает по старости и болезни.
8. Трудовая деятельность	В 1912-1915 гг. Работник маслозавода. В 1915-1917 гг. Служба в царской армии. В 1918-1920 гг. Секретарь сельсовета. В 1921-1923 гг. Учитель начальной школы. В 1924-1930 гг. Счетовод маслозавода. В 1931-1941 гг. Б.т. бухгалтер Маслопрома в районном отделении. В 1942-1945 гг. Нач-к лесозаготовительного участка Рудника. В 1946-1956 гг. Завед. лесосекции Печорского.

Персональная карточка Ивана Григорьевича Балахонова, бывшего младшего фейерверкера 5-й отдельной автомобильной противозенитной (зенитной) батареи, составленная им по просьбе музея 30 сентября 1967 года

Рукопись

НА ГМИ СПб

Дополнение к письму
И. Г. Балахонова
в Государственный музей
истории Ленинграда
от 30.09.1967
Рукопись
НА ГМИ СПб

Солдаты самокатного батальона Петроградского гарнизона
1916–1917

Фотография
НА ГМИ СПб

Тюрьма Трубецкого бастиона

Инженерный дом,
в котором разме-
щалось крепостное
Инженерное управ-
ление

Офицерская
гауптвахта

Обер-офицерский
флигель лейб-
гвардии Стрелко-
вого полка

Васильевская куртина — бывшие казармы солдат наблюдательной команды

Кронверкская куртина — бывшие казармы лейб-гвардии Стрелкового полка

Невская куртина —
бывшие казармы
лейб-гвардии Стрел-
кового полка

Петровская куртина — бывшие казармы команды Петроградского
артиллерийского склада

Екатерининская куртина — бывшие казармы солдат отдельной роты крепостной артиллерии

Кронверкский арсенал — бывший Петроградский артиллерийский склад (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи)

422. О том, что матросы вместе с солдатами крепости носили ультиматум Временному правительству, вспоминают П. Курков (Крейсер «Аврора» // Красная летопись. 1923. № 6. С. 361) и И. Флеровский (Кронштадт в Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 140; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966. С. 47–48).
423. Точное время до сих пор не установлено. Называются и 9 часов, и 9.45, причем эти разные часы указываются иногда одним и тем же лицом, например, Н. И. Подвойским.
424. Детальный рассказ о сигнальном выстреле из крепости и установке фонаря см. в статье А. Г. Петрова.
425. Исторический архив. 1960. № 6. С. 46.
426. Архив ГМИЛ. Воспоминания С. К. Дурихина.
427. Архив ГМИЛ. Автобиография И. В. Павлова. Письмо Партийного архива Института истории партии ЦК КП Азербайджана № 958 от 27 сентября 1967 года.
428. Архив ГМИЛ. Воспоминания П. С. Елизарова.
429. Антонов-Овсеенко В. А. В революции. М.: Госполитиздат, 1957. С. 172.
430. Архив ГМИЛ. Воспоминания П. С. Елизарова. С. 4.
431. Малянтович П. В. В Зимнем дворце 25–26 октября 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1956.
432. Там же. С. 420–421.
433. Хаустов Ф. В Октябре // Красная летопись. 1933. № 2. С. 194.
434. Переписка с П. С. Елизаровым и попытка по планам и фотографиям помочь ему сориентироваться в сооружениях крепости не дала нужных результатов. Необходим непосредственный осмотр территории крепости, что требует вызова Елизарова в Ленинград.
435. Определение номеров камер, где сидели министры, расписание режима заключения и связанных с этим обследований их положения в ответ на необоснованные жалобы буржуазных газет, а также справки об их освобождении и дальнейшей судьбе не входят в задачи данного исследования.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архив ГМИЛ — Архив Государственного музея истории Ленинграда (ныне Научный архив Государственного музея истории Санкт-Петербурга)

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВРК — Военно-революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов

ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области (ныне в составе Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, ЦГИА СПб)

ГИМ — Государственный исторический музей, Москва

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

ЛГА ОРСС — Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ныне Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ЦГА СПб)

ЛПА — Ленинградский партийный архив (ныне Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ЦГАИПД СПб)

ПК РСДРП(б) — Петроградский комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)

РК — районный комитет

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации, ГА РФ), Москва

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив (ныне Российский государственный военно-исторический архив, РГВИА), Москва

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ныне Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ЦГИА СПб)

ЦК — Центральный комитет

ЦПА — Центральный партийный архив Института марксизма–ленинизма при Центральном комитете КПСС (ныне Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, РЦХИДНИ), Москва

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Алешечкин Иван 56, 92
Андреев И. 64
Антипов Егор 65
Антонов-Овсеев В. А. 67, 70, 103, 104, 106, 111, 121, 123–134, 136–141
Апухтин, капитан 79
Артемов Я. А. 17–19, 21, 49, 75
- Багратуни Я. Г. 131
Балахонов И. Г. 128
Балк А. П. 31
Бекташев, прапорщик 60
Беляев М. А. 31–32
Берков И. И. 120
Благодаров Г. И. 5, 17, 56–57, 66, 69–70, 96, 105, 107–119, 121–133, 137, 139
Блок А. А. 46
Блохин К. Н. 72
Боданенко И. С. 18, 33–35, 70, 76, 78, 99, 109, 122, 126, 137–138
Бубнов А. С. 125
- Васильев Д. В. 106, 108, 114
Вердеревский Д. Н. 140
Вережкин, полковник 19
Винокуров, делопроизводитель 63
Волков Н. К. 41–42, 48
Вырובה А. А. 49
- Галанин А. 130
Голицын Н. Д. 48
Голубев Б. В. 13–14, 56, 70–72, 74–76, 78–80, 90, 92–93, 99, 101–104, 106
Горемыкин И. Л. 48
Григорьев И. К. 46
Гродницкий, вольноопределяющийся 58–59
Гучин, Федор 53–55
- Дашкевич П. В. 82–83
Деларов, прапорщик 63
Демьян Бедный (Придворов Е. А.) 49
Дзенис О. П. 124–125
Дингельштедт Ф. Н. 99
Дорогов А. А. 128–129, 133–138
Дрезен А. К. 36
Дурихин С. К. 94, 96, 139

Егоров Михаил 127
Елизаров П. С. 115–117, 122, 139–141
Еремеев К. С. 118, 124–125, 133
Ерыкалов Е. Ф. 124

Жендзян Ю. Ю. 126, 129

Залежский В. Н. 67–68
Занкевич М. И. 32
Знаменский, солдат 48
Зузаев И. П. 21

Иванишин, полковник 49
Иванов, Иван 65, 129
Иванов Н. И. 31
Ильин-Женевский А. Ф. 73

Каледин А. М. 103
Канн П. Я. 85
Карпов Р. Р. 127
Керенский А. Ф. 47, 56, 61–63, 65, 74, 91, 94, 108, 115, 118, 121–122, 136, 140, 142
Кишкин Н. М. 131, 140
Козырев, Гаврил 65
Кондаков, солдат 114, 132
Коновалов А. И. 131
Коротков Г. 13, 76
Костин, прапорщик 65
Кравцов Ф. Е. 45
Крамер Я. И. 99
Крисавич, солдат 77
Круглов, унтер-офицер 47–48
Крылатов, подпоручик 62–63, 65
Крыленко Н. В. 64
Куделько И. В. 73, 106
Кузьмин, поручик 62–63
Курлов П. Г. 47–49
Кутузов (Петров) В. П. 13
Кушников Павел 20–21, 76–77

Лашевич М. М. 107, 111, 113, 119–120, 133
Ленин (Ульянов) В. И. 45, 75, 85, 95, 96, 102, 107, 119–120, 122, 124, 126, 132, 134
Лепсе И. И. 72
Ливеровский А. В. 131, 134, 138
Лукаш И. 29, 31, 42–43

- Макаров А. А. 48
Маклаков В. А. 48
Максимов Василий 65
Мальков П. Д. 123, 125
Малянтович П. В. 139–141
Масленников А. И. 86
Мехоношин К. А. 72, 76, 101
Милюков П. Н. 87, 122
Минц И. И. 130–131, 134
Михаил Николаевич, великий князь 45
Морозов Владимир 53–55
Мстиславский С. Д. 28, 36, 40, 45
Мышлаевский А. З. 40, 46, 63, 65
- Никитин В. Н. 6, 29, 36
- Орехов И. И. 11, 13, 18–20, 33–35, 39, 41–43, 57, 59, 69–72, 74, 76–77, 80, 86, 93, 99, 101, 109–110, 116
Орлов Кирилл 111–112
- Павлов (Любезнов) И. В. 13, 18, 31, 35, 39, 41, 43–44, 56–57, 65–67, 69–73, 75, 78, 105–106, 109–110, 114–116, 118–119, 122, 126, 129–130, 132–139
Павлуновский И. П. 74–75
Пальчинский П. И. 131
Панков В. С. 104
Пепеляев В. Н. 44
Перегородский, капитан 19
Пермяков П. П. 63, 74
Петров А. Г. 132, 139
Пешехонов А. В. 28
Подвойский Н. И. 45, 67, 70, 72, 74, 90, 93, 95, 105, 108, 11, 121, 123–125, 129, 133–134, 138, 140
Половцев (Половцов) П. А. 63
Поппель А. И. 95–96, 109–110, 116, 119, 122, 128–129
Пораделов Н. Н. 120, 131
Протопопов А. Д. 48, 84
- Распутин Г. Е. 48
Рахья И. А. (Юкка) 72
Ротин, прапорщик 65
Рутенберг П. М. 131
Рыбаков Матвей 53
Рябов, прапорщик 79
Рябухин Петр 65

Салло, подполковник 19
Сахаров 129
Свердлов Я. М. 72, 113
Семенов, полковник 62
Скобелев М. И. 41–42, 140
Сколотнев А. Я. 24
Скоринько И. 112
Скорыходов А. К. 72, 95, 99
Смолин В. Н. 24–26, 43, 45, 126–128, 133
Сорокин Ф. И. 56, 65, 114–115
Сталь В. И. 32
Сулимова М. Л. 72
Сурин, подполковник 123
Суханов Н. 25, 44
Сухомлинов В. А. 48
Сычева Н. И. 31, 57, 105

Таскин С. А. 44
Тарасов-Родионов А. И. 73
Тераринов, инструктор 73
Тер-Арутюнянц М. К. 11, 56–57, 66, 69–70, 73, 78–79, 98–104, 106–107, 111–112, 122
Терещенко М. И. 131, 140
Трещев Дмитрий 56
Троцкий Л. Д. 119–120

Федотов, бомбардир 65
Федорович (Теодорович), вольноопределяющийся 58–60, 81–82
Филиппов, прапорщик 8, 33–34, 79, 81, 83, 91, 101, 111
Фролов Венедикт 130

Хабалов С. С. 28–29, 31–32, 45–48
Хаустов Ф. 129–130, 140–141

Цыбульский, прапорщик 61

Чарновский, капитан 65
Черепанов С. И. 75
Черменский Е. Д. 44
Чудновский Г. И. 107, 111, 119–120, 123–125, 134, 138

Шарин, полковник 26
Шитковский, прапорщик 82–83
Шляпников А. Г. 25–27, 36
Штюмер Б. В. 48, 84

Шорохов А. Д. 56, 65, 70, 76, 78–79, 101–104

Шульгин В. В. 37–38, 41–42

Щегловитов И. Г. 47–48

Энгельгардт Б. А. 36, 46

Юденич Н. Н. 96

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (И. М. Карусева)	3
<i>Е. П. Бусырева.</i> Петропавловская крепость в дни революции 1917 года	5
Глава 1. Характеристика гарнизона Петропавловской крепости: структура, численность, вооружение, классовый состав	5
Глава 2. Состояние революционной работы среди солдат гарнизона Петропавловской крепости и рабочих Монетного двора перед Февральской революцией	18
Глава 3. Петропавловская крепость в дни Февральской революции.....	22
Глава 4. Петропавловская крепость в марте – июне 1917 года	51
Глава 5. Политическая работа в гарнизоне крепости в августе – сентябре 1917 года.....	91
Глава 6. Работа районного комитета Военной организации большевиков на Петроградской стороне (конец сентября – октябрь 1917 года)	98
Глава 7. Петропавловская крепость накануне Октябрьского вооруженного восстания.....	104
Глава 8. Петропавловская крепость в дни Октябрьского вооруженного восстания. 24–26 октября 1917 года.....	117
Заключение	142
Примечания	143
Принятые сокращения	159
Именной указатель.....	160

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Е. П. Бусырева

**Петропавловская крепость
в дни революции 1917 года**

Подготовка публикации: И. М. Карусева
Подбор иллюстративного материала: С. А. Пятовский

Редактор: А. В. Шестаков

Технический редактор: О. В. Волкова

Корректор: А. С. Гиршева

Фотограф: А. Б. Червяков

Сканирование: И. А. Машков

Верстка: О. А. Иванов

Издательский отдел ГМИ СПб

Тел. (812) 498-06-52

Государственный музей истории Санкт-Петербурга
197046, Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, 3

Тел.: 498-0511, e-mail: gmi@spbmuseum.ru

www.spbmuseum.ru

Подписано к печати 27.10.2017. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Petersburg»

Усл. печ. л. 13,906. Тираж 750 экз. Заказ 3240-о-17

Отпечатано в типографии «Капли Дождя»

190005, Россия Санкт-Петербург, Измайловский пр., 16/30, лит. Б
Тел.: 325-0848, 325-0849, e-mail: info@kapliprint.ru, www.kapliprint.ru

**Екатерина Петровна
Бусырева (1928–1990) —**

искусствовед, выпускница
исторического факультета
Ленинградского
государственного
университета (1951).

С 1954 года — сотрудница
Государственного музея
истории Ленинграда,
автор книги «Лев Ильин»
и ряда публикаций
по истории советской
архитектуры, а также
нескольких выставок
и экспозиций

ISBN 978-5-4327-0054-4

9 785432 700544